

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вятский государственный университет»

На правах рукописи

Глухих Анна Николаевна

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ
ОБРАЗОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ
В РОМАНАХ Р.М. ЗОТОВА И Б. АКУНИНА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Л.В. Калинина

Киров – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	15
1.1. Персонаж художественного произведения как модель личности.....	15
1.2. Лексема <i>персонаж</i> в толковых словарях русского языка.....	19
1.3. Языковые средства создания образа персонажа как объект лингвистической характеристики.....	21
1.4. Персонаж художественного произведения как образ человека.....	37
1.5. Специфика изображения мира и человека в исторической беллетристике. Аспекты лингвистического анализа произведений на историческую тему.....	42
Выводы по Главе I.....	50
ГЛАВА II. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В РОМАНАХ Р.М. ЗОТОВА.....	52
2.1. Р. М. Зотов как автор произведений на историческую тему. Общая характеристика материала исследования.....	52
2.2. Языковые средства создания образа Наполеона.....	56
2.3. Языковые средства создания образа Александра I.....	74
2.4. Языковые средства создания образа Екатерины II.....	83
2.5. Языковые средства создания образов царевны Софьи и императрицы Марии Фёдоровны.....	88
2.6. Языковые средства создания образов А.В. Суворова и М.И. Кутузова.....	96
Выводы по Главе II.....	101
ГЛАВА III. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В РОМАНАХ БОРИСА АКУНИНА.....	106
3.1. Борис Акунин и его «проекты». Общая характеристика материала исследования.....	106
3.2. Языковые средства создания образа Василия Шуйского.....	110
3.3. Языковые средства создания образа Бориса Годунова.....	124
3.4. Языковые средства создания образа Марины Мнишек.....	132
3.5. Языковые средства создания образа Наполеона.....	139
3.6. Языковые средства создания образа Кутузова.....	150
3.7. Языковые средства создания образа Екатерины II.....	153
3.8. Языковые средства создания образа Николая II.....	162
Выводы по Главе III.....	170

ГЛАВА IV. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В РОМАНАХ Р.М. ЗОТОВА И БОРИСА АКУНИНА.....	174
4.1. Система признаков, избираемых Р.М. Зотовым и Борисом Акуниным для создания образов исторических личностей.....	174
4.2. Образ Наполеона в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина	179
4.3. Образ М.И. Кутузова в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина.....	184
4.4. Образ Екатерины II в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина.....	187
Выводы по Главе IV.....	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	192
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	198
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	222

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в русле системно-функциональной и интерпретационной лингвистики и посвящено анализу языковых средств, служащих для создания образа человека в художественном тексте (на примере исторической беллетристики Р.М. Зотова и Бориса Акунина).

Объектом исследования в работе являются языковые единицы, с помощью которых Р.М. Зотов и Б. Акунин, авторы беллетристических произведений, создают образы исторических деятелей.

Произведения Рафаила Михайловича Зотова (1795–1871) и Бориса Акунина (Григория Шалвовича Чхартишвили, р. 1956) были избраны нами для сопоставления потому, что эти писатели занимают, каждый для своего времени, сходное положение в литературе: их произведения в жанре исторической беллетристики очень популярны у массового читателя, но не признаются серьёзной критикой. Если Р.М. Зотов, автор XIX века, стоял у истоков русской исторической беллетристики и формирования коммерческой писательской стратегии, то Борис Акунин – современный автор, в чьих «проектах» коммерческая стратегия в её и текстовом, и внетекстовом выражении доведена до совершенства и осложнена постмодернистскими приёмами. Нас интересует прежде всего текстовый, связанный с поэтикой аспект писательской стратегии обоих авторов, а именно – принципы отбора языковых средств для создания образов исторических деятелей.

Предметом исследования являются лексико-семантические, грамматические, стилистические особенности языковых средств создания образов исторических личностей в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина, а также принципы системной организации этих средств в произведениях каждого из писателей, обусловленные авторским замыслом и отражающие специфику идиостиля писателя.

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно находится в рамках господствующей в настоящее время антропоцентрической научной

парадигмы и посвящено лингвистическим аспектам интерпретации образа человека (литературного персонажа). Лингвистика образа является одним из актуальных направлений современного языкознания. Данное направление представлено, например, в работах Ю.Д. Апресяна, Г.И. Богина, Г.О. Винокура, С.Г. Воркачева, Б.М. Гаспарова, Н.А. Илюхиной, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Н.Б. Поповой, И.А. Стернина, С.В. Черновой, Л.Н. Чурилиной и др.

Кроме того, настоящее исследование связано с изучением языка художественной литературы, который является объектом неослабевающего интереса лингвистов.

Актуальность исследования обусловлена также важностью рассмотрения способов представления и принципов изображения известных исторических лиц в художественных текстах, созданных в разные исторические периоды (XIX в. – рубеж XX–XXI вв.); необходимостью выявления тех факторов, которые влияют на различия в создании образов исторических личностей; необходимостью углубления представлений об идиостиле каждого из авторов, об особенностях функционирования системы языковых единиц, используемых каждым из авторов для создания образа реального исторического лица.

Цель исследования – на материале историко-беллетристических романов Р.М. Зотова и Бориса Акунина выявить систему языковых средств, используемых авторами для создания образов известных деятелей прошлого, и определить закономерности употребления языковых средств каждым из писателей.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть различные подходы к описанию образа человека/персонажа в лингвистике;
- 2) показать целесообразность системного описания образа исторического деятеля как персонажа исторического романа с точки зрения его непроцессуальных и процессуальных характеристик;

3) проанализировать языковые средства создания непроцессуальных и процессуальных характеристик образов исторических деятелей в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина;

4) дать сравнительную характеристику предпочитаемых каждым из авторов языковых средств и приёмов создания образов исторических деятелей;

5) выявить и охарактеризовать виды основных и второстепенных характеристик образа исторической личности в историко-беллетристическом произведении (на примере произведений Р.М. Зотова и Б. Акунина).

Научная **новизна** работы заключается в том, что в ней впервые даётся комплексный лингвистический анализ образов исторических личностей, представленных в романах Р.М. Зотова и Б. Акунина, на основе выявления непроцессуальных и процессуальных характеристик этих образов. Язык историко-беллетристических романов Р.М. Зотова и Б. Акунина впервые выступает в качестве объекта лингвистического изучения с указанных позиций. На основе анализа системы лексико-семантических и стилистических средств, используемых каждым из писателей, сопоставляются принципы создания ими образов исторических деятелей.

Материалом исследования явились 1215 контекстов, извлечённых из историко-беллетристических произведений Р.М. Зотова (578 контекстов) и Б. Акунина (637 контекстов).

Конкретными **источниками** исследования послужили 10 исторических романов: «Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I» (1832), «Леонид или Некоторые черты из жизни Наполеона I» (1832), «Таинственный монах» (1843), «Два брата, или Москва в 1812 году» (1851), «Таинственные силы, или Некоторые черты из царствования императора Павла I» (1859), «Две сестры, или Смоленск в 1812 году» (1860) Р.М. Зотова; «Коронация, или Последний из романов» (2000), «Внеклассное чтение» (2003), «Квест» (2015), «Детская книга для мальчиков» (2016) Б. Акунина.

В рассматриваемых произведениях широко представлены образы исторических деятелей. В настоящей работе проанализировано 14 образов исторических личностей: 7 из романов Р.М. Зотова и 7 из романов Б. Акунина. Три из этих образов (Наполеона, Кутузова и Екатерины II) встречаются в произведениях обоих авторов и служат в диссертации объектом специального сравнительного анализа.

Гипотеза исследования состоит в том, что образ исторической личности в изображении разных беллетристов строится на сходной совокупности базовых характеристик и выборе таких единиц номинации, которые позволяют читателю идентифицировать персонаж как ту или иную историческую личность; различия в авторских интерпретациях образа той или иной исторической личности основываются на различии принципов отбора и комбинации языковых средств для описания непроцессуальных и процессуальных характеристик исторической личности.

Методологической базой исследования являются идеи, представленные в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Г.И. Богина, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Л.Н. Чурилиной и др. (различные подходы к характеристике человека по данным языка); Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, Ю.Б. Борева и др. (психологические и эстетические аспекты изучения художественного текста); Н.С. Болотновой, Б.М. Гаспарова, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Л.Я. Гинзбург, Н.А. Илюхиной, Н.В. Халиковой, Г.Г. Хисамовой, Л.Н. Чурилиной и др. (лингвистические аспекты анализа художественного текста, лингвистическая интерпретация художественного образа).

Методы исследования. В исследовании использованы общенаучные методы (наблюдение, сопоставление, анализ, синтез), индуктивный метод, в ходе которого обобщались наблюдения над языковыми фактами, методы системно-функциональной лингвистики (контекстный анализ, интерпретационный анализ, дистрибутивный анализ, компонентный анализ).

На разных этапах применялся также метод статистической обработки материала.

В качестве основной в исследовании применена методика описания образа человека/персонажа как совокупности непроцессуальных и процессуальных характеристик, предложенная С.В. Черновой и получившая дальнейшее развитие в работах О.В. Закировой, И.А. Игнатова, Л.В. Калининой, Н.Г. Наумовой, Т.В. Петрусь и др. В соответствии с этим подходом образ человека/персонажа понимается как динамическая модель, в которой отражены не только статические (непроцессуальные) но и поведенческие (процессуальные) признаки человека, проявляющиеся в ходе его целенаправленной деятельности от замысла до осуществления замысла. К непроцессуальным характеристикам относятся социальная среда как фактор формирования личности, внешний облик, вещный мир как отражение личности, интеллектуальные и душевные качества, система ценностных ориентаций. К процессуальным – жизненный путь как отражение биографии, модель поведения (цели и мотивы действий, предпочтение того или иного вида деятельности), образ действий в различных ситуациях, характер принятия решений; верификация.

Образы исторических личностей описываются в диссертации в следующем порядке:

- распределение всех контекстов, в которых упоминается данный персонаж, на содержащие непроцессуальные и процессуальные характеристики с одновременным выявлением средств номинации персонажа;

- анализ языковых средств создания образа персонажа с лексико-семантической, грамматической и стилистической точек зрения;

- выделение контекстов, содержащих характеристику персонажа а) в словах автора; б) в словах другого персонажа; в) в собственных словах персонажа;

– обобщение сделанных наблюдений в виде списков слов, таблиц и схем, экспликация важнейших аспектов описания образа персонажа.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определённый вклад в лингвистическое изучение образа человека (персонажа художественного произведения). Также в исследовании углубляются представления об особенностях идиостилей Р.М. Зотова и Бориса Акунина, что является важным с точки зрения сразу нескольких направлений стилистики (стилистика художественного текста, изучение индивидуального стиля писателя, изучение стилистического состояния языка разных исторических эпох, изучение системы выразительных средств языка). Внимание к образам выдающихся исторических личностей придаёт исследованию значимость с точки зрения смежных гуманитарных наук (истории, литературоведения, культурологии, имиджологии и др.).

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении с лингвистических позиций образа человека, исторического деятеля в художественном тексте. Материалы исследования могут быть использованы в практике вузовского преподавания таких дисциплин, как «Современный русский язык», «История русского литературного языка», «Стилистика», «Филологический анализ текста», «Актуальные проблемы современной лингвистики». Основные положения и выводы могут быть положены в основу спецкурсов и спецсеминаров по близкой проблематике. Исследование также может быть полезным для представителей смежных гуманитарных наук (литературоведения, истории, культурологии, психологии, социологии, паблик рилейшнз, имиджологии).

Положения, выносимые на защиту:

1. Образ исторической личности в историко-беллетристическом произведении строится на основе черт реального человека (прототипа), художественно осмысляемых и корректируемых автором в соответствии с его замыслом с помощью средств языка, и может рассматриваться как

возможная «модель», «интерпретация» исторической личности. Анализ языковых средств создания образа исторической личности в произведениях разных авторов позволяет выявить основные (базовые, наиболее значимые для раскрытия сущности образа) и второстепенные (факультативные) структурные компоненты этой «модели».

2. Образы исторических личностей в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина строятся на сходной совокупности базовых характеристик и выборе таких единиц номинации, которые позволяют читателю идентифицировать персонаж как ту или иную историческую личность. Общим для обоих авторов является также тематическое преобладание непроцессуальных (не связанных с деятельностью) характеристик и количественное преобладание процессуальных (связанных с деятельностью) характеристик. Непроцессуальные характеристики представлены большим числом рубрик, большей детализацией, в то время как на выражение процессуальных характеристик приходится большее количество контекстов.

3. Из непроцессуальных характеристик в создании образов исторических личностей в произведениях Р.М. Зотова и Бориса Акунина преобладают «интеллектуальные качества» (характеристика отмечена у 11 персонажей из 14) и «черты характера, душевные качества» (11 из 14); из процессуальных чаще всего используются «особенности речевого поведения» (12 из 14) и «способы фактического осуществления деятельности» (11 из 14). Эти 4 вида характеристик следует признать базовыми для описания исторической личности.

4. В произведениях современного автора Бориса Акунина образы исторических личностей наделены большим количеством разнообразных характеризующих деталей, чем в произведениях автора XIX века Р.М. Зотова (в 1,6 раза), несмотря на то, что Р.М. Зотов как повествователь находится от своих персонажей на меньшей временной дистанции и даже является современником некоторых из них. Это можно объяснить не только различием идиостилей двух авторов, но и отмечаемой в научной литературе

закономерностью: по мере увеличения временной дистанции между автором и изображаемой им исторической эпохой активность автора возрастает.

5. Характеристика исторической личности в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина чаще всего даётся в словах автора, реже всего – в прямой речи самого персонажа. Это объясняется тем, что повествование в проанализированных произведениях ведётся не от имени исторической личности, и поэтому историческая личность редко выступает субъектом речи и высказывает оценку собственных действий.

6. Исторические личности в произведениях Р.М. Зотова изображаются, как правило, схематично и идеализируются, о чём свидетельствует использование для их характеристики лаконичных, прямых, стилистически возвышенных и мелиоративных языковых средств. Исторические личности в романах Бориса Акунина изображаются преимущественно в сниженном и ироническом ключе, о чём говорит использование разнообразных по форме языковых средств пейоративной окрашенности при утрировании в образе персонажа отдельных характеризующих деталей. Отмеченные различия в принципах отбора языковых средств для изображения исторической личности можно объяснить культурно-историческими причинами: принадлежностью рассматриваемых авторов к разным историческим эпохам, литературным направлениям, разным периодам становления исторической беллетристики и коммерческой писательской стратегии.

Работа прошла **апробацию** на следующих международных и всероссийских научных конференциях:

1. Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: XVI Межрегиональная научно-практическая конференция 26 февраля 2016 года (г. Киров, Кировский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2016).

2. Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: XIII Всероссийская научная конференция молодых ученых 21–22 апреля

2016 года (Нижний Новгород, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), 2016).

3. Достижения вузовской науки: XXII Международная научно-практическая конференция (Новосибирск, Центр развития научного сотрудничества, 2016).

4. Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Международная научная конференция, посвящённая памяти д. ф. н., профессора Войловой К.А. (Москва, Московский государственный областной университет, 2017).

По теме исследования опубликованы следующие работы.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Шибанова А.Н. (Глухих А.Н.) Языковые средства создания образа Екатерины II в романе Б. Акунина «Внеклассное чтение» // Вестник Вятского государственного университета. Научный журнал. № 11. Киров, 2016. – С. 46–50.

2. Шибанова А.Н. (Глухих А.Н.) Языковые средства создания образа Наполеона в исторических произведениях Р.М. Зотова // Вестник Вятского государственного университета. Научный журнал. № 12. – Киров, 2016. – С. 126–131.

3. Шибанова А.Н. (Глухих А.Н.) Языковые средства создания женских образов в исторических романах Р.М. Зотова: образы царевны Софьи и Марии Фёдоровны // Вестник Вятского государственного университета. Научный журнал. № 2. – Киров, 2017. – С. 65–70.

4. Шибанова А.Н. (Глухих А.Н.) Языковые средства создания образа Александра I в исторической прозе Р.М. Зотова // Вестник Нижегородского университета. № 3. – Нижний Новгород, 2017. – С. 272–277.

Статьи в научных сборниках, не включённых в перечень ВАК:

5. Шибанова А.Н. (Глухих А.Н.) Языковые средства создания образа Екатерины II в исторической прозе Р.М. Зотова // Актуальные

проблемы гуманитарных и экономических наук: сборник материалов XVI Межрегиональной научно-практической конференции 26 февраля 2016 года. – Киров: Издательство ООО «Веси», 2016. – С. 85–91.

6. Шибанова А.Н. (Глухих А.Н.) Языковые средства создания образов А.В. Суворова и М.И. Кутузова в исторической прозе Р.М. Зотова // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 13. 2016 г. – Н. Новгород: Мининский университет, 2016. – С. 199–203.

7. Шибанова А.Н. (Глухих А.Н.) Межпредметные связи при преподавании русского языка в высшей школе: язык, литература, история (на примере исторических произведений XIX века) // Достижения вузовской науки: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции. - Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. С. 68–72.

8. Шибанова А.Н. (Глухих А.Н.) Языковые средства создания образа Николая II в романе Б. Акунина «Коронация» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н. Войловой К.А. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 332–337.

Структура работы. Работа состоит из Введения, четырёх глав, Заключения, Библиографического списка и Приложения.

Во Введении определяются актуальность исследования, объект, предмет и материал исследования, ставятся цели и задачи работы, обосновываются её научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методы исследования, формулируются положения, вынесенные на защиту. Глава I посвящена лингвистическим аспектам изучения образа человека/персонажа. В Главе II исследуются языковые средства создания образов исторических личностей в романах Р.М. Зотова. В Главе III анализируются образы исторических личностей в произведениях Б. Акунина. Глава IV содержит сопоставление системы характеристик, отбираемых для

создания образов исторических личностей, в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина. В Заключении содержатся основные выводы, а также намечаются перспективы исследования. Библиографический список состоит из источников материала, научной литературы и словарей и включает 194 наименования. В Приложении представлено 14 схем, отражающих структуру образов исторических личностей в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина.

Соответствие паспорту специальности. Отражённые в диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 10.02.01 – «Русский язык», в частности, следующим областям исследования: «п. 6. Семантика русского языка. Образ человека в РЯКМ».

ГЛАВА I.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1.1. Персонаж художественного произведения как модель личности

Для современной науки одним из ведущих является принцип антропоцентризма. Сущность этого принципа заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. Он знаменует, иными словами, тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» (Кубрякова 1995, с. 212–213).

Настоящее исследование также выполнено в русле антропоцентрической лингвистики: его целью является анализ языковых средств, с помощью которых авторы художественных произведений создают образ исторической личности. В связи с этим необходимо в первую очередь установить, в какой степени персонаж литературного произведения может представлять реального человека и можно ли делать лингвистически релевантные выводы об образе человека на основе обращения к образу литературного персонажа.

Лингвистов и представителей других гуманитарных наук давно интересовал вопрос о том, можно ли на основе анализа образа литературного персонажа делать достоверные выводы о природе человека, о логике и психологии его поступков, об особенностях его мышления и речи. Рассуждения о природе персонажа находим, например, в работах Амирханян, Кудряшов URL; Болотнова 2008, 2011; Вильская 2002; Леонтьев 1999;

Лошаков 2007; Лукин 2005; Палойко 2014; Фесенко 2008; Хисамова 2006; Чурилина 2006 и др.

В настоящее время этот вопрос решается положительно. Наиболее чётко данный подход сформулирован в работах Л.Я. Гинзбург. В концепции Л.Я. Гинзбург персонаж понимается как «серия последовательных появлений или упоминаний одного лица; изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях» (Гинзбург 1971, с. 243). Особо подчёркивается тот факт, что «литературным героем писатель выражает своё понимание человека, взятого с некоторой точки зрения <...> В этом смысле можно говорить о том, что литературный герой моделирует человека» (Гинзбург 1979, с. 5).

В работе Н.Г. Наумовой «Языковые средства создания образа П.И. Чичикова (на материале поэмы Н.В. Гоголя “Мёртвые души”» приводится подробный анализ различных значений слова *модель* (по данным толковых словарей русского языка, энциклопедических словарей, понимания данного термина в математике и др.). В результате автор даёт следующее определение модели: «Модель можно рассматривать как абстрактный идеализированный объект, сформированный в результате целенаправленной работы человеческого разума и представляющий собой совокупность взаимосвязанных частей, образующих единое целое, ориентированное на реализацию определённой функции и содержащее предположение о возможном результате этого функционирования» (Наумова 2010, с. 17). Из этого определения следует, что модель можно рассматривать как аналог какого-либо объекта. Стало быть, если литературный персонаж конструируется автором как модель человека, то литературный персонаж достаточно достоверно отражает важнейшие признаки человека и может рассматриваться как аналог человека.

Эту точку зрения разделяют и такие учёные, как М.В. Антропова, изучавшая языковые средства выражения личностных доминант на материале художественных текстов (Антропова 2002); И.А. Игнатов,

посвятивший своё исследование человеку как носителю личностных характеристик, отраженному в художественном тексте (Игнатов 2013а); Ю.Н. Караулов, занимавшийся вопросами реконструкции языковой личности (Караулов 2003); Н.В. Кашина, исследовавшая изображение человека в творчестве Ф.М. Достоевского (Кашина 1986); М.В. Ляпон, изучавшая на материале прозы М.В. Цветаевой соотношение понятий «языковой портрет» и «психологический портрет» (Ляпон 1999); Г.Г. Хисамова, изучавшая литературного персонажа как субъекта ситуации общения (Хисамова 2006); С.В. Чернова, в целом ряде работ разрабатывавшая основания лингвистической интерпретации образа человека (Чернова 2010, 2014 и др.); Л.Н. Чурилина, поставившая перед собой задачу изучения литературного персонажа как языковой личности (Чурилина 2006), и многие другие. Ср. также работы Амирханян, Кудряшов URL; Гафарова 2006; Гордеева URL; Давлетова 2016; Дубах 2014; Жданович 2009; Закирова 2007; Колокольцева 2015; Куделина URL; Мартьянова 2014; Матвеева, Ма 2016; Палойко 2014; Татарова URL; Цзян Чжиянь 2016; Юзифович 2011 и др.

Весьма подробная характеристика персонажа как модели человека представлена в статье В.В. Амирханян и И.А. Кудряшова «Образ персонажа в аспекте семантической структуры целостного художественного текста». Авторы рассматривают роль персонажа в структуре текста с когнитивных позиций, обращая особое внимание на то, что читатель при чтении художественного произведения моделирует в своём сознании образ персонажа исходя из того, что о нём сообщает автор и того, что знает о действительности и о типах реальных людей сам читатель. По мысли В.В. Амирханян и И.А. Кудряшова, персонаж может быть рассмотрен как некий фрейм читательского сознания, поскольку всякий персонаж, появляющийся в произведении, подводится читателем под определённый фрейм – сначала в общих чертах, а потом всё более и более детализировано. Ср.: «Как только автор вводит того или иного персонажа в сюжетную и композиционную канву текста, читатель “подгоняет” этого персонажа под

определённый фрейм. Сначала этот фрейм носит самый обобщённый характер (персонаж является мужского / женского пола, молодым / пожилым человеком). Слоты этого фрейма ждут своего последующего заполнения более детальной информацией в процессе выявления новых данных их текста. Эти данные, в свою очередь, необходимо анализировать в рамках целостного контекста литературного произведения» (Амирханян, Кудряшов URL).

Так как по мере развёртывания текста восприятие персонажа читателем постоянно меняется (по мере сообщения о персонаже всё новой информации), конструирование персонажа в сознании читателя носит динамический характер. Особенно интересным и важным для нас в статье В.В. Амирханян и И.А. Кудряшова является положение о том, что персонаж для читателя практически не отличается от реального человека (хотя читатель чётко осознаёт, что персонаж – это вымышленное лицо). Вот как это происходит: «Читатель разрабатывает когнитивные механизмы анализа вымышленного персонажа с опорой на свою реальную компетенцию в общении с реальными представителями социокультурной общности, к которой он принадлежит, и опыт своего взаимодействия с виртуальными мирами художественной литературы. В этой связи исследователи в сфере когнитивной нарратологии утверждают, что вымышленные персонажи, ведущие повествование от первого лица, воспринимаются читателями по аналогии с реальными коммуникаторами... Читатель и воспринимает образ того или иного персонажа на фоне реальных людей, живущих в реальном мире. При этом ментальные репрезентации образа персонажа “наполняются” реальными характеристиками не менее реальных людей» (Там же).

Мы в настоящей работе также разделяем взгляд на литературного персонажа как на модель (аналог) человека. В соответствии с данным положением к персонажу можно применить следующий подход. Литературный персонаж – это модель человека. «Человек как носитель личностных качеств может быть охарактеризован посредством его образа,

рассматриваемого как совокупность непроцессуальных и процессуальных характеристик» (Игнатов 2013а, с. 7). Значит, и литературный персонаж как модель (аналог) человека тоже может быть охарактеризован посредством его образа. Мы согласны и с тем, что «каждый человек является личностью» (Там же, с. 6). Поэтому в нашем исследовании термины «человек» и «личность» употребляются как равнозначные, а **литературный персонаж рассматривается как модель человека/личности, созданная писателем в соответствии с его авторским замыслом с помощью средств языка.**

Языковые средства создания образа персонажа уже давно изучаются лингвистами. В лингвистике существуют различные подходы к изучению персонажа художественного произведения. Рассмотрим основные из них, но для начала проанализируем словарные толкования лексемы *персонаж*.

1.2. Лексема *персонаж* в толковых словарях русского языка

В словарях русского языка слово *персонаж* определяется следующим образом:

– «1. Действующее лицо в произведении искусства (обычно в драме, романе); 2. *Перен. Устар. и ирон. или шутол.* Человек, особа» (Словарь современного русского литературного языка 1950–1965);

– «Действующее лицо в художественном произведении» (Словарь русского языка 1981–1984);

– «Действующее лицо в литературном произведении, в представлении, а также лицо как предмет жанровой живописи» (Ожегов, Шведова 2005; ср. также Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов 2008);

– «1. Действующее лицо драматического или литературного произведения (*лит.*); 2. Особа, личность (*ирон.*)» (Толковый словарь русского языка 1935–1940);

– «1. Персонажем называют действующее лицо в книге, пьесе и т.д.; 2. Персонажем называют фигуру человека на картине» (Толковый словарь русского языка 2003);

– «Действующее лицо в литературном произведении, в представлении, а также лицо как предмет жанровой живописи; *син.* герой» (Большой толковый словарь русских существительных 2005);

– «Тот, кто действует в художественном произведении» (Лопатин, Лопатина, 2004).

Как видим, во всех приведённых толкованиях отмечается, что слово *персонаж* относится к сфере литературы (реже – других видов искусства) и что оно обозначает действующее лицо, то есть человека.

То, что существительное *персонаж* обозначает именно человека, подтверждается и словарями синонимов. Так, в «Словаре русских синонимов и близких по смыслу выражений» Н. Абрамова слово *персонаж* имеет отсылку к слову *человек*. В статье «Человек» в свою очередь указано: «**Человек**, лицо, личность, муж, особа, персоне, индивид (индивидуум), индивидуальность; смертный. Мн. ч.: люди, люд, народ, публика... Действующие лица (в театральной пьесе), персонажи, герои» (Абрамов 1994, с. 307, 486). В «Словаре синонимов и антонимов современного русского языка» А.С. Гавриловой сообщается, что *персонаж* – это «действующее лицо, протагонист», и также даётся отсылка к статье «Человек» (Гаврилова 2014, с. 236).

Благодаря присутствию в словарных толкованиях семы 'лицо' мы утверждаемся в мысли о том, что персонаж выступает как модель человека, и мы имеем полное право в ходе нашего исследования рассматривать образ персонажа как образ человека.

Большое количество работ в лингвистической литературе посвящено языковым средствам создания образа персонажа. Дадим краткий обзор существующих работ.

1.3. Языковые средства создания образа персонажа как объект лингвистической характеристики

Данной проблематике посвящены работы: Андреев 2016; Батаева 2013; Болотская, Цветкова 2013; Борев 1988; Вострикова 2008; Гаспаров 1996; Герасименко 2017; Жигулина 2007; Закирова 2001, 2003, 2004, 2005, 2007а, 2007б; Иванова 2010; Игнатов 2013а, 2013б, 2014; Казаков 2016; Канафьева 2017; Ковина 2004; Копнина, Сквородников 2003; Красильникова 2007; Кувшинова 2017; Куликова, Полищук 2001; Леонтьев 1999; Мерзлова, Колупаева 2011; Мерзлова, Симонова 2014; Молчанова 2003; Мягкова 2017; Наумова 2007а, 2007б, 2008, 2011; Носова, Павлов 2014; Панищев 2006; Попова 2002; Сомова 2013; Фадеева 2017; Хисамова 2003, 2016; Чакина 2014; Чернов 1998; Чернова 2006, 2013, 2014; Шиповская 2007; Шмид 2003 и др.

Начнём с работ, в которых выявляется **специфика художественной картины мира и художественного образа**.

Н.Б. Попова отмечает, что «художественная картина мира охватывает мир лишь в отдельных аспектах, так как искусство не может претендовать на создание общей картины мира вследствие своего субъективного характера. Оно скорее создаёт адекватную картину внутренней духовной жизни человека во всей её целостности и полноте» (Попова Н. 2002, с. 138).

О природе художественного образа как такового рассуждает Ю. Борев: «Художественный образ – форма мышления в искусстве. Это инносказательная, метафорическая мысль, раскрывающая одно явление через другое» (Борев 1988, с. 138). образу, по мнению Ю.Б. Борева, присущи метафоричность, парадоксальность, ассоциативность, самодвижение, многозначность, недосказанность, типизация, «прочувствованная мысль» и «обмысленное чувство», связь с личностью художника, оригинальность. На разнообразных примерах Ю.Б. Борев иллюстрирует все выдвинутые положения о сущности образа.

Вольф Шмид обращается к рассмотрению художественного текста через категорию нарративности, то есть повествовательности, событийности,

фабульности. Он отмечает, что «один из признаков повествовательного художественного текста – это его фикциональность, т.е. то обстоятельство, что изображаемый в тексте мир является фиктивным, вымышленным» (Шмид 2003, с. 22). «Быть фиктивным – значит быть только изображаемым», – поясняет учёный (Там же, с. 31). В этом смысле фиктивным является «изображаемый мир целиком и все его части – ситуации, персонажи, действия» (Там же, с. 32).

Особая глава в книге В. Шмида посвящена тексту нарратора (повествователя, автора) и тексту персонажа. Текст нарратора в русской литературе традиционно представляет собой сказ. В любом произведении наблюдается интерференция текста нарратора и текста персонажа, что выражается, например, в такой форме речи персонажа, как его внутренний монолог: «внутренняя речь как бы обработана, упорядочена, сглажена нарратором, приближена к стилю повествовательного текста... Примечательно, что при переходе от прямого монолога к речи нарратора стиль никаких изменений не претерпевает», – пишет В. Шмид по поводу внутренних монологов Пьера Безухова в «Войне и мире» (Там же, с. 212–213). В. Шмид подробно рассматривает разные виды монологов в художественном тексте, чем неоднократно подтверждает приведённые выше утверждения.

Ср. также мнение Л. Магаротто по поводу соотношения речи автора и персонажа в художественном тексте на примере романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: «Несомненно, что некоторые оценки, выраженные Печориным, или его поведение разделяются самим Лермонтовым. Однако исходя из этого нельзя заключить, как это ошибочно делается, что в главном персонаже ГНВ слышится голос самого Лермонтова, проявляется его собственное поведение, чувствуется его философия... Можно утверждать, что Печорин культурно близок эмпирическому автору, но несмешиваем с ним, разве что считанные разы» (Магаротто 1996, с. 228).

«Для создания образа персонажа, – пишет Э.Я. Фесенко, – используются композиционные приёмы, диалоги и монологи, все виды описаний (портрет, пейзаж, интерьер), отступления, в которых автор может высказать своё отношение к герою, речевые средства языка, приёмы гиперболизации, в частности гротеск, ибо типизация предполагает художественное преувеличение» (Фесенко 2008, с. 25).

Далее рассмотрим ряд работ, авторы которых делают **акцент на том или ином аспекте описания образа персонажа.**

Ряд исследователей обращаются к характеристике **звучащей речи персонажа.** Г.С. Куликова и Г.Г. Полищук в статье «Звучащая речь в художественном тексте» рассматривают приёмы, с помощью которых писатель характеризует фонетическую сторону речи персонажей: продлённое произношение гласного или согласного звука, скандированное произношение слова, передача различных интонационных рисунков, особенности синтагматического членения высказывания, характеристика манеры речи и речевого поведения говорящего. Авторы приходят к тому выводу, что «в художественном тексте отражается весь спектр звуковых подробностей русского языка и разговорной речи. Писатель может быть квалифицирован как аудитор, тонко оценивающий коммуникативные и стилистические нюансы звуковых явлений языка и их проявления в устной речи» (Куликова, Полищук 2001, с. 347).

В.И. Чернов рассматривает голосовые характеристики персонажей романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Он пишет: «Голос героя романа, особенности его произношения и манеры говорить служат необходимым дополнением к зрительно воспринимаемой характеристике персонажа. Нам недостаточно общих представлений о том, как выглядит герой, во что он одет, носит ли очки, как он ходит и т.п. Нам нужно ещё слышать его, представлять высоту и тембр голоса, судить о манере говорить и поддерживать диалог. Только при этих условиях герой будет действительно узнаваемым и запоминающимся» (Чернов 1998, с. 198). Также

В.И. Чернов отмечает, что в романе М. Булгакова последовательную и узнаваемую характеристику голоса получают лишь три персонажа: Воланд, Коровьев и Азazelло. Остальные персонажи или вовсе лишены «голосовых примет», или эти приметы не играют существенной роли для идентификации персонажа.

О звучащей речи персонажей художественного произведения ср. также работы: Борисова 1998, Красильникова 2007.

Предметом внимания учёных выступает и **внутренняя речь персонажа**, средства её передачи, её соотношение с внешней речью.

В статье В.П. Казакова на материале романа Е.С. Чижовой «Война грибов» анализируется внутренняя речь персонажа художественного произведения, а именно – инфинитивные предложения. Учёный выявляет в тексте романа все модальные значения инфинитивных предложений, представленные в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой, и приходит к выводу, что «инфинитивные предложения становятся... синтаксическим средством субъективации повествования» (Казаков 2016, с. 563).

Предметом рассмотрения И.А. Игнатова является идиостиль Обломова, главного героя одноименного романа И.А. Гончарова. Автор статьи приходит к заключению о том, что «внутренняя и внешняя речь Обломова практически не различаются. Интериоризованный язык Обломова стилистически снижен, но определяется коммуникативной ситуацией. В целом речь характеризует Обломова как человека образованного, светского, культурного, деликатного, однако деликатность которого обусловлена ситуативно... (за исключением коммуникативных актов с Захаром и Анисьей)» (Игнатов 2014, с. 32).

В статье Н.А. Жигулиной сопоставляется речь героинь повести А. Грина «Алые паруса» Ассоль и Лилиан Грей. Автор отмечает, что «и для Лилиан Грей, и для Ассоль в коммуникации важно то, что невыразимо в речи, то, что не передашь на бумаге... Возникает необходимость другого, нового языка ощущений и чувств» (Жигулина 2007, с. 165).

Многие учёные анализируют образ персонажа через его **портрет, внешний облик** (отражающий, как правило, и важные сущностные характеристики героя). Например, Т.П. Ковина обращает внимание на особенности создания портретных и психологических характеристик персонажа И.С. Тургеневым, ср.: «Излюбленный приём работы И.С. Тургенева над воплощением образа – создание детализированного портрета... О герое И.С. Тургенева мы узнаём всё: родословную, его жизнь от рождения до последнего часа... его увлечения и страдания. Полноте впечатления способствует не только описание внешности с нацеленной детализацией ряда черт, но и характеристика, оценка автором внутреннего мира героя» (Ковина 2004, с. 157). В подобном ключе выполнена и работа Н.А. Родионовой, изучавшей портретные характеристики героини И.А. Бунина в связи с категорией ретроспекции (Родионова 2002).

И.Б. Ковалёва обратила внимание на описание глаз и визуального поведения героев в произведениях В.М. Шукшина. Согласно её наблюдениям, в составе лексики, используемой писателем для изображения глаз, используются: 1) слова, обозначающие цвет глаз (*серые, синие, голубые, изжелта-серые* и др.); 2) слова, обозначающие форму глаз (*круглые, выпуклые, узкие, раскосые* и др.); 3) слова, обозначающие размер глаз (*большие, большущие, огромные, маленькие*); 4) слова, обозначающие физическое состояние глаз (*усталые, ословелые, трезвые, подслеповатые* и др.); 5) слова, указывающие на сходство с животным миром (*петушинные, кошачьи, собачьи*). Также автор отмечает, что в произведениях В.М. Шукшина «по глазам могут быть прочитаны желания и намерения человека, его психологическое и эмоциональное состояние, определены его интеллектуальный уровень, особенности его взаимоотношений с окружающим миром, глубина внутреннего мира» (Ковалёва 2008, с. 198).

И.А. Киселёва и К.А. Поташова обращают внимание на описание персонажей в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина. Важной деталью этих описаний является шляпа, ср.: «Шляпа как деталь

внешнего облика человека в художественном мире Н.М. Карамзина становится средством и социальной, и психологической характеристики персонажа, шляпу носят тем или иным образом, шляпу снимают и надевают в тех или иных ситуациях, её надвигают на глаза или прижимают к сердцу. Шляпа служит средством выражения стиля в одежде» (Киселёва, Поташова 2017, с. 138).

С.Н. Андреев в статье «Соотношение локусов в романе “Евгений Онегин”»: квантитативный анализ индивидуального стиля» обращает внимание на связь между **местом действия** в романе А.С. Пушкина (Петербург, Москва, деревня) и состоянием или поведением персонажа. Под локусом в работе С.Н. Андреева понимается «отдельная область художественного пространства, место действия, обладающая границами, труднопреодолимыми для персонажей» (Андреев 2016, с. 464). Автор также отмечает, что «переход из одного локуса в другой имеет серьёзные, часто драматические причины либо осуществляется как награда за добродетель, причём пересекать локусы могут, как правило, только главные герои» (Там же). Поэтому не случайно в романе А.С. Пушкина дуэль пространственно приближена к Петербургу (средоточию дворянской среды, столичного света), а, например, письмо и сон Татьяны соотносятся с локусом «деревня» (местом, для которого характерны искренность и наивность чувств).

Большое количество работ посвящено изучению **роли конкретных единиц языка** в создании образа персонажа.

Так, в работах О.В. Закировой, М.В. Сомовой, Т.М. Фадеевой, В.В. Ивановой изучается роль **прилагательных** в создании образа персонажа.

Например, О.В. Закирова в ряде статей анализирует качественные прилагательные как языковое средство создания образов персонажей романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Исследователь отмечает преобладание качественных прилагательных со значением эмоционального состояния при характеристике Наташи Ростовской (*оживлённая, тревожная, взволнованная,*

испуганная и др.) и прилагательных, выражающих оценку героини окружающими, при описании Элен Безуховой (*красивая, прекрасная*) (ср. Закирова 2004).

В статье В.В. Ивановой изучаются имена прилагательные в русских былинах с целью проанализировать, как за счёт использования прилагательных создаётся идеализированный образ богатыря (на примере образа Ильи Муромца). Автор отмечает, что для характеристики Ильи Муромца используются прилагательные с положительной оценкой (*добрый, удалый, славный*). Кроме того, положительную характеристику получают и все атрибуты богатыря, и близкие ему люди: «Значения имён прилагательных как средства создания образа богатырей в русских былинах соответствуют представлениям о том, каким должен быть отвечающий норме, стандарту, идеалу богатырь – добрый молодец: он должен быть мудрым, добрым, сильным, красивым, красноречивым; должен иметь быстрого и смелого коня, верную и красивую жену и т.д. и т.п.» (Иванова 2010, с. 48).

Т.М. Фадеева исследовала специфику эпитетов, служащих в художественном тексте для описания улыбки. В её статье представлена классификация эпитетов, определяющих характер улыбки: 1) по характерному физическому признаку (*беззубая, белозубая, длинная, косая* и др.); 2) по психологическому признаку: позитивные (*благодарная, добродушная, дружеская* и др.) и негативные (*гордая, ехидная, плотоядная* и др.). Автор отмечает, что эпитет, характеризующий улыбку, почти всегда предполагает оценочный компонент (Фадеева 2017).

В ряде работ особое внимание уделяется **глаголам** как средству создания образа персонажа.

Предметом анализа Е.А. Кувшиновой стали глаголы с семантикой речевой деятельности в художественных произведениях А.С. Пушкина (Кувшинова 2017). Эти глаголы, по наблюдениям автора, могут иметь яркую эмоционально-экспрессивную окрашенность (*браниться, вопить*) или быть

стилистически нейтральными (*высказать, говорить, декламировать...*). Также эти глаголы «могут показывать характер звука и настроение героя...: *пропищать – шептать – лепетать – хрипеть – прошипеть – ворчать – бормотать – пенять – порицать – простонать – роптать – замяукать – лаять – шуметь – кричать – выть – вопить – реветь – греть»* (Кувшинова 2017, с. 168). Исследователь заключает, что глаголы с семантикой говорения в произведениях А.С. Пушкина служат ярким средством характеристики говорящего персонажа.

И.А. Никандрова изучала глаголы ментальной деятельности персонажа в произведениях Ф.М. Достоевского и отметила, что «посредством глагольных лексем ментальной семантики представляется духовная, психическая и психологическая сущность субъекта» (Никандрова 2011, с. 52).

Ярким средством создания образа персонажа являются *существительные*, особенно с оценочным значением или употреблённые в характеризующей функции.

Например, в статье «Слова типа *дурак, балбес, идиот...* как дающие оценку модели поведения человека» С.В. Чернова рассматривает функционирование указанных слов на примере моделей поведения персонажей художественных произведений (рассказ Надежды Тэффи «Дураки», роман Ф.М. Достоевского «Идиот»). Она пишет: «Чаще всего не сам человек, а окружающие его люди оценивают действия, поступки или логику принятия решений субъектом того или иного вида целенаправленной деятельности. Делается это обычно с точки зрения принятых в обществе стандартов поведения или исходя из представлений наблюдателя относительно того, как нужно и должно было вести себя человеку в той или иной ситуации» (Чернова 2006, с. 369).

А.В. Канафьева изучала использование творительного падежа с образно-характеризующим значением (типа *девушка с голубыми глазами, человек с грустным лицом*) на примере произведений А.П. Чехова

(Канафьева 2017). Исследователь отмечает возможности творительного образно-характеризующего употребляться для обозначения динамичного, приобретённого признака (*она была... с заплаканным, сильно напудренным лицом*), для выражения значений модальности, темпоральности, оценки, внутреннего, физического и психического состояния (*она казалась воздушной, он чувствовал себя одиноким, он желал казаться остроумным и т.д.*).

Е.А. Валькова рассматривает средства номинации представителей высшего класса в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» – с одной стороны, языковые единицы *денди, педант, франт, панталоны, фрак, жилет, трюфели, лимбургский сыр* и др., с другой стороны – *блины, Масленица, квас, глупцы, девица* и др. и приходит к выводу о том, что в изображении А.С. Пушкина «жизнь и распорядок дня деревенского помещика сильно отличаются от представителя высшего света» (Валькова 2017, с. 47).

Н.А. Носова и С.Г. Павлов анализируют аксиосферу князя Мышкина на примере слова *католицизм*, являющегося одним из ключевых в идиолекте данного персонажа (Носова, Павлов 2014).

Н.А. Герасименко избирает предметом своего анализа характеристику персонажа по родству в романе Людмилы Улицкой «Белый шатёр», ср., напр.: *бабушка, брат прабабки, потомок Сергея Петровича Трубецкого, потомок по женской линии* и т.д. Исследователь в частности отмечает: «Указание родственных отношений персонажа в романе Л. Улицкой “Зелёный шатёр” составляет его важную характеристику, потому что роман посвящён жизни целого поколения на изломе эпох, когда глубокие культурные родственные корни одной семьи оказывались важными для развития личности, выросшей в другой семье и лишённой таких корней» (Герасименко 2017, с. 69).

В работе С.В. Анохиной рассматриваются «Лексико-фразеологические средства номинации человека как способ речевой характеристики

персонажей (на материале произведений И.А. Бунина)». Автор подчёркивает: «подчиняя язык реально-бытовой, социально-психологической характеристике своих героев, И.А. Бунин удивительно верно передаёт их речевую манеру, речевой стиль как типичных представителей своего сословия, определённого времени и места» (Анохина 2006, с. 172).

Ряд исследований строятся на **комплексном анализе единиц языка разных уровней**, задействованных в создании образа персонажа.

Например, в статьях Н.Г. Наумовой описываются различные языковые средства создания образа П.И. Чичикова. Так, рассматривая способы выражения целенаправленности действий Чичикова, Н.Г. Наумова эксплицирует систему последовательных действий персонажа по достижению цели: «определить человека, материально состоятельного – войти к нему в доверие, понравиться, получить приглашение – посетить его – сделать предложение о продаже мёртвых душ – договориться о цене (желательно получить бесплатно) – договориться о совершении купчей – совершить официальный акт купчей» (Наумова 2007а, с. 189). Создавать образ Чичикова помогают и глаголы речевой деятельности. (Наумова 2008). Ценностные ориентации Чичикова эксплицируются в высказываниях героя, его поступках, манере поведения с разными людьми (Наумова 2011).

М.П. Болотская и М.В. Цветкова изучают языковые средства создания трагического в художественном произведении. К этим средствам они относят соответствующие сравнения, эпитеты, авторские комментарии, лексику с семантикой страха, экспрессивную лексику, глаголы со значением насильственного действия и др. (Болотская, Цветкова 2013).

П.В. Козленко и Т.В. Маркелова анализируют роль антитезы в создании образов персонажей Ф.М. Достоевского (Козленко, Маркелова 2007; ср. также Корюкина 2013). С.В. Минибаева обращает внимание на детали, эксплицирующие эмоциональное состояние лирической героини поэтического произведения (Минибаева 2007).

Многие исследования посвящены **целостному анализу образа** какого-либо персонажа или типа личности **с учётом экстралингвистических факторов.**

В диссертации Л.В. Палойко «Образ персонажа в оригинале и литературном продолжении англоязычного романа как объект филологического анализа» в структуре образа персонажа выделяются такие составляющие, как интродукция персонажа (то есть введение персонажа в произведение), портретная характеристика персонажа, речевой портрет персонажа, социальный статус персонажа, авторская манера описания поступков персонажа, авторское отношение к персонажу, ценностные характеристики персонажа. «Категория авторского отношения и социальный статус персонажа являются сквозными, то есть пронизывают все выделенные аспекты», – отмечает Л.В. Палойко (Палойко 2014, с. 55). При этом «именно образ персонажа является центральным носителем авторских идей» (Там же, с. 199), в чём и состоит основная функциональная нагрузка персонажа в структуре целостного произведения.

Е.Н. Зайцева и Е.М. Дзюба обращаются к анализу образа слуги в прозе Г. Сенкевича и приходят к выводу, что этот образ создан в соответствии с архетипическими представлениями о слуге, ср.: «Сочетание архетипических (*“мамонт”, старец, дурак*) и конкретно-исторических (*шляхтич, солдат, рассказчик, гавэнд*) характеристик свидетельствуют о том, что Миколая Суховольского из рассказа Г. Сенкевича следует рассматривать не только как персонажа из традиционной системы (господин и его слуга), но и как образ, значимый для формирования национально-культурной и литературной картины польского мира» (Зайцева, Дзюба 2014, с. 83).

Особенностям изображения женщины в произведениях русской литературы XX–XXI веков посвящена статья Е.Д. Звуковой (Звукова 2015). В результате анализа ряда художественных произведений указанного периода автор обнаруживает, что «в современном русском языке большое внимание уделяется изображению внутреннего мира женщины, которая в настоящее

время является полноправным членом общества, равным по социальному статусу мужчине... На первый план выходят такие положительные качества женщины, как доброта, отзывчивость, благодушие, верность, самостоятельность, хозяйственность, сила, трудолюбие, способность к настоящей, искренней любви, отражённые в языке целой системой средств выражения» (Звукова 2015, с. 295). Ср. также: Киселёва, Ильченко 2014; Титова, Ильченко 2014; Степаненкова 2013; Финк 2006; Фрагмент русской языковой картины мира... 2013 и др.

В статье Л.В. Калининой рассматривается образ современного человека на материале произведений Алексея Слаповского. Автор обращает внимание на предельную конкретность А. Слаповского в описании человека, на частое использование писателем соматизмов, на множественность отрицательных характеристик современного человека (пьянство, грязь, взаимная ненависть) (Калинина 2007).

В работе И.П. Зайцевой объектом рассмотрения выступает языковая личность «нового русского», представленная в произведениях современных драматургов. В результате проведённого анализа автор приходит к выводу: «Эстетически осмысленная современными драматургами языковая личность “нового русского” в художественном дискурсе выглядит более привлекательной, нежели у реально существующих прототипов этих действующих лиц» (Зайцева 2006, с. 89). Исследователь объясняет это тем, что перед драматургами стоят в первую очередь художественные, а не документальные задачи, и авторы пьес выдвигают на первый план «наиболее привлекательные для читателя/зрителя речевые характеристики таких персонажей (например, выражения с яркой индивидуально-образной компонентой), которые в принципе не выдуманы драматургом, однако в речевых портретах существующих рядом с нами “новых русских” занимают периферийное место» (Там же).

Как видим, подходы лингвистов к анализу персонажа художественного произведения весьма разнообразны и касаются самых разных сторон описания личности человека/персонажа.

В лингвистике последних десятилетий были предприняты многочисленные попытки построения комплексных, обобщающих теорий описания человека в языке. В настоящее время в науке существует ряд «магистральных» направлений, в русле которых выполняются лингвистические исследования, связанные с характеристикой человека и/или персонажа. Это концепции «языковой личности» (Виноградов 1980; Богин 1984; Залогина 2004; Караулов 1989, Колесникова 2001 и др.), «речевого портрета» (Лаврова 2006; Ляпон 1999; Мухортов 2014 URL, Наумова 2010; Павлычева 2015; Панов 2007; Ушакова 2003 и др.), «лингвокультурного типажа» (Карасик 2003, 2004, 2007 и др.), «образа человека» (Апресян 1995; Закирова 2007а, 2007б; Кузнецова 2009; Наумова 2010; Старикова 2006; Томберг 2017; Чернова 2011, 2014; Чернухина 1984 и др.).

Термин «**языковая личность**» впервые употребляется в работе В.В. Виноградова «О художественной прозе» (ср. Виноградов 1980). Теория языковой личности в русистике наиболее подробно была разработана Г.И. Богиним и Ю.Н. Карауловым в 80-е гг. XX века.

Г.И. Богин выделяет пять уровней развития языковой личности: 1) уровень правильности (лексический запас, умение создавать тексты, учитывая правила языка); 2) уровень интериоризации (умение реализовывать и воспринимать высказывания); 3) уровень насыщенности (богатство словаря, грамматических форм и фонетических средств); 4) уровень адекватного выбора (соответствие языковых средств сфере общения); 5) уровень адекватного синтеза (соответствие текста его содержательным и коммуникативным задачам).

Данная модель отражает виды речевой деятельности (такие как чтение, письмо, аудирование, говорение), а также уровни языка (фонетический

грамматический, лексический). Эта модель включает в себя три оси и 60 параметров и может применяться при обучении языкам (ср. Богин 1984).

Наиболее подробную концепцию языковой личности предложил Ю.Н. Караулов. Согласно его определению, языковая личность является «совокупностью способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» (Караулов 1989, с. 3). Модель языковой личности, по Ю.Н. Караулову, состоит из трех уровней:

1) вербально-грамматический уровень. К нему относятся слова, морфемы, словоформы, дериваты, синонимы, словосочетания, синтаксемы, управление, согласование;

2) когнитивный уровень. Основные единицы его: денотат, сигнификат, экстенционал, интенционал, понятие, фрейм, генерализованное высказывание, фразеологизм, метафора, наглядный образ, каламбур;

3) прагматический уровень. Языковая личность здесь представлена как деятель и основными единицами уровня являются пресуппозиция, дейксис, элементы рефлексии, оценка, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и программа действия.

В книге Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» также есть специальный раздел «Художественный образ и языковая личность», где учёный, в частности, пишет: «Духовный облик личности, мир её ценностей, идеалов, устремлений, выражающийся в чертах характера и стереотипах поведения, методе мышления, социально-жизненных целях и конкретно избираемых путях их достижения и составляет зерно содержания художественного образа» (Караулов 2003, с. 69). Далее Ю.Н. Караулов говорит о возможности применения теории языковой личности к анализу образа персонажа художественного произведения и приводит развёрнутый

пример анализа языковой личности Григория Шохова, главного героя романа А. Приставкина «Городок».

Большой вклад в разработку теории языковой личности и её речевого поведения внёс В.И. Карасик. В статье «Речевое поведение и типы языковых личностей» он выделяет пять аспектов в речевой организации человека (языковая способность, коммуникативная потребность, коммуникативная компетенция, языковое сознание, речевое поведение) и разъясняет суть каждого из них (ср. Карасик 2003, с. 24). Также исследователь рассматривает различные подходы к классификации языковых личностей – этнокультурный, психолингвистический, социокультурный, социолингвистический – и предлагает в качестве одного из возможных подходов рассмотрение личности как **лингвокультурного типажа**, то есть «типичного представителя определённой этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации. Например, это русский интеллигент, английский аристократ, немецкий офицер» (Там же, с. 29). В.И. Карасик заключает, что «языковая личность представляет собой многомерное образование. Типы языковых личностей выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения, который осуществляется с позиций либо личности (этнокультурологические, социологические и психологические типы личностей), либо языка (типы речевой культуры, языковой нормы)» (Там же, с. 43). Более подробно В.И. Карасик пишет о типологии языковых личностей в своей монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» (Карасик 2004).

Персонаж художественного произведения – идеальный объект для исследования языковой личности, по мнению Е.М. Залогиной, так как он «существует только в границах данного возможного мира и вся информация – вербальная и невербальная, характеризующая его, – фиксирована, исчисляема» (Залогина 2004, с. 34). Е.М. Залогина рассматривает языковую личность на материале романа Ф.М. Достоевского

«Бесы», используя при анализе концепцию В.И. Ховаева. Он выделяет три группы единиц, в которых отражается: 1) информация о принадлежности персонажа к определенной среде; 2) состояние персонажа, его отношение к окружающему миру; 3) информация о внешности персонажа (Залогина 2004, с. 36).

Наряду с понятием «языковая личность» в лингвистике разрабатывается понятие «**речевой портрет**» (термин предложен М.В. Пановым). Несмотря на то, что не все исследователи разграничивают языковую личность и речевой портрет, между этими понятиями есть различие. Подробный анализ точек соприкосновения и расхождения между данными терминами приведён, например, в работах Макеева 2014 URL, Мухортов 2014 URL, Наумова 2010. В частности, Д.С. Мухортов видит разницу между понятиями речевого портрета и языковой личности в следующем: «Речевой портрет можно описывать как статическую величину, которая рассматривается в определённый отрезок времени и которая детерминируется условиями, задающимися особенностями жанра и регистра речи. “Языковой личности” же свойственна динамика в ее развитии... В отличие от “языковой личности” “речевой портрет” предполагает некий срез в развитии коммуникативного потенциала человека, а, с другой стороны, его можно представить как совокупность характеристик, составляющих речевой имидж личности, это то, как традиционно воспринимает и оценивает данного человека общественность, то есть некий стереотипный образ» (Мухортов 2014 URL). Ср. также Лаврова 2006; Ляпон 1999 и др.

Е.Д. Павлычева, предприняв тщательный анализ употребления термина «речевой портрет» в научных работах, предлагает такое обобщённое определение данного понятия: «Речевой портрет – это совокупность личностно-коммуникативных языковых черт индивида, представленная в виде открытой модели, отражающей также и коллективное описание представителя какой-либо конкретной культуры, обладающего способностью к проведению аналитических операций» (Павлычева 2015, с. 114). Однако в

таком понимании («...коллективное описание представителя какой-либо конкретной культуры») «речевой портрет» весьма близок понятию «лингвокультурного типажа», рассмотренного нами выше.

Примером исследования речевого портрета может служить статья Ю.Ю. Ушаковой. Автор ставит перед собой проблему описания языкового портрета ребёнка с точки зрения приписываемых ему в сравнительных конструкциях признаков (*наивный, как ребёнок; по-детски наивно* и т.д.). Автор пишет: «Анализ языкового материала показывает, что ребёнок выступает как наивный, глупый, беспечный, незащитный, слабый, откровенный, послушный, искренний, любопытный, капризный, покорный, доверчивый, беспомощный, ранимый, неразумный, непосредственный, бесхитростный и пр. То есть реальный набор коннотаций при существительном “ребёнок” гораздо шире, чем отмечается толковым словарём» (Ушакова 2003, с. 184).

Как можно заметить, описание человека через категории языковой личности или речевого портрета предполагает акцент в первую очередь на особенностях *речевого* поведения человека; категория лингвокультурного типажа требует выявления таких характеристик, которые делают то или иное лицо «типичным представителем» определённой *национально- и культурно-специфической группы*.

Наиболее подходящим для комплексного, не ограниченного тем или иным аспектом описания человека/персонажа на основе языковых данных нам представляется понятие «**образ человека**». Охарактеризуем его в специальном параграфе.

1.4. Персонаж художественного произведения как образ человека

Данный аспект анализа разрабатывается в современной науке активно и плодотворно, несмотря на то, что лингвистика достаточно поздно обращается к понятию «образ». Исследователи рассматривают образ с различных сторон.

Так, Б.М. Гаспаров даёт определение языкового образа в целом и делает с позиций воспринимающего образ субъекта: «Языковой образ представляет собой перцептивную реакцию не на предметы или понятия как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта» (Гаспаров 1996, с. 255). Он же подробно описывает когнитивные механизмы взаимодействия образа, узнанного по его словесной презентации, и сознания. Вот как Б.М. Гаспаров видит процесс этого взаимодействия: «Если в представлении говорящего возник образ выражения... это означает, что данное выражение им “узнано”, то есть принято его сознанием в качестве распознаваемого феномена. Воспринятый образ языкового выражения как бы вводит это выражение в мир языковой памяти говорящего... Только после такого первичного принятия-узнавания может начаться интерпретирующий процесс, результатом которого явится то или иное – никогда не окончательное – осмысливание. С этого момента данное выражение втягивается в работу мысли говорящего...» (Там же, с. 276).

В понимании Н.А. Илюхиной образ – это «единица, которая, имея в своей основе обобщённое чувственно-наглядное представление (эмпирический образ реалии) и аккумулируя разнообразные признаки этой реалии, во всём их многообразии эксплицируется соответствующими, прежде всего специализированными, лексико-фразеологическими средствами, образующими ассоциативно-семантическое поле» (Илюхина 1998, с. 6).

Н.В. Халикова обращается к анализу визуальных художественных образов и даёт такие определения: «Словесный образ визуального объекта – материальный компонент текста, структурно-семантическое единство, состоящее из перцептивной модели (визуальное суждение, образное содержание) и совокупности речевых и языковых средств ее репрезентации. Художественный образ визуального объекта – абстрагированная

совокупность визуальных суждений о нем, единство образных смыслов» (Халикова 2004, с. 9; ср. также Тусичишный, Халикова 2013).

Ю.Д. Апресян подчёркивает, что образ формируется посредством восприятия, памяти, воображения, интуиции (Апресян 1995, с. 37).

Ю.Д. Апресян предлагает описание образа человека в языке в соответствии с теми «системами», из которых «складывается человек». В представлении учёного это следующие системы:

- 1) Физическое восприятие (*зрение, слух, обоняние, вкус, осязание*).
- 2) Физиологические состояния (*голод, жажда, желание = 'плотское влечение', большая и малая нужда, боль* и т.п.).
- 3) Физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия (*бледность, холод, мурашки, краска, жар, пот, сердцебиение, гримаса отвращения* и т.п.).
- 4) Физические действия и деятельность (*работать, отдыхать, идти, стоять, лежать, бросать, рисовать, ткать, рубить, резать, колоть, ломать* и т.п.).
- 5) Желания (*хотеть, стремиться, подмывать, не терпеться, воздерживаться, вынуждать, искушать, соблазнять, предпочитать* и т.п.).
- 6) Мышление, интеллектуальная деятельность (*воображать, представлять; считать, полагать; понимать, осознавать; интуиция, озарение; доходить, осеять; знать, ведать; верить; догадываться, подозревать; помнить, запоминать, вспоминать, забывать* и т.п.).
- 7) Эмоции (*бояться, радоваться, сердиться, любить, ненавидеть, надеяться, отчаиваться* и т.п.).
- 8) Речь (*сообщать, обещать, просить, требовать, приказывать, запрещать, предупреждать, советовать, объявлять, ругать, хвалить, хвастаться, жаловаться* и т.п.). (См. Апресян 1995, с. 42–43).

Поскольку персонаж художественного произведения может рассматриваться как модель человека, то к персонажу могут быть применимы те же подходы и процедуры анализа, что и к реальному человеку.

Так, И.Я. Чернухина предлагает анализировать лексическую структуру образа персонажа в соответствии с моделью, состоящей из трёх уровней: 1) немаркированные тематические группы слов (глаголы движения, речи, восприятия, различные тематические группы); 2) колоритообразующая лексика (слова, выражающие общую оценку персонажа); 3) доминирующая лексика, посредством которой передается индивидуальность образа (ср. Чернухина 1984, с. 76).

О.В. Томберг предлагает свою модель изучения художественного образа в поэтической лингвокультуре: «Данная модель состоит из трёх уровней: персонажно-контекстуального, лингвопоэтического и концептуального. На первом уровне изучается персонажный репертуар образа, на втором – его лингвостилистические характеристики, а на третьем – концептуальное содержание образа... В результате образ предстаёт как комплексный феномен – проекция трёх семиотических систем: поэтики, языка и культуры» (Томберг 2017, с. 31).

В настоящей работе мы будем опираться на понятие «образ человека», разрабатываемое в исследованиях кировских лингвистов и близких им по осуществляемому подходу к интерпретации образа человека учёных (работы С.В. Черновой, Н.Г. Наумовой, Л.В. Калининой, Т.В. Петрусь, О.В. Закировой, И.А. Игнатова). В соответствии с этим подходом, теоретические, практические и методологические основания которого были разработаны С.В. Черновой, образ человека понимается как динамическая модель, в которой отражены не только статические (непроцессуальные) но и поведенческие (процессуальные) признаки человека, проявляющиеся в процессе целенаправленной деятельности человека от замысла до осуществления замысла.

Языковая модель поведения человека, по С.В. Черновой, состоит из четырех ситуационных блоков:

I. Ситуация осмысления субъектом предмета потребности, мотива и цели деятельности (установочная ситуация).

II. Мотивационный блок семантической модели «замысел – осуществление замысла»:

1. Ситуация осмысления природы необходимости.
2. Ситуация замысла (принятие первоначального решения).
3. Ситуация заинтересованности в осуществлении действия.
4. Ситуация осмысления субъектом возможности для осуществления действия.
5. Ситуация выражения субъективного отношения к осуществлению действия.
6. Ситуация боязни и страха.
7. Ситуация пробы и попытки.
8. Ситуация подготовки к осуществлению задуманного.
9. Ситуация принятия окончательного решения об осуществлении задуманного.

III. Операционно-технический блок семантической модели «замысел – осуществление замысла». В составе этого блока рассматривается только одна ситуация – ситуация фактического осуществления замысла.

IV. Верификация (процесс сличения полученного результата с действительностью) (Чернова 2008, с. 22).

Что касается понятия образ человека, то он определяется С.В. Черновой как «совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных непроцессуальных и процессуальных характеристик человека, стихийно формирующихся в сознании другого лица (лиц, группы лиц, поколения и т.д.) посредством восприятия, памяти, воображения и получающих отражение в языковых формах» (Чернова 2011, с. 13).

В другой своей работе С.В. Чернова поясняет содержание понятий «непроцессуальные» и «процессуальные» характеристики человека и даёт, таким образом, более развёрнутое определение образу человека: «Образ человека как отражение в его сознании представлений о нём самом первичен. Любой из признаков, структурирующих этот образ, выступает лишь как одна

из примет целостного образа, как то, что в каком-либо отношении конкретизирует абстрактное, общее, идеальное. Слово *образ* в значении «образ человека» толкуется нами так. Ср.: Образ – 1. Совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных *непроцессуальных* (внешность, одежда, социальное происхождение, система ценностей, пристрастия, желания и т.д.) и *процессуальных* (деятельность, модель поведения, образ жизни) *характеристик* реального человека или литературного персонажа, формирующихся в сознании другого лица (группы лиц, поколения и т.д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах (*образ человека*)» (Чернова 2014, с. 190).

Данное понимание «образа человека» представляется нам наиболее всеохватывающим и полным, не ограничивающимся только речевым аспектом характеристики, динамичным и потому наиболее подходящим и для применения по отношению к персонажу художественного произведения. В исследовательской части нашей диссертации мы будем анализировать образы персонажей Р.М. Зотова и Б. Акунина в соответствии с пониманием образа человека, представленным в работах кировских лингвистов. Но прежде чем перейти к непосредственному анализу языкового материала, рассмотрим явление исторической беллетристики и возможные лингвистические аспекты её описания.

1.5. Специфика изображения мира и человека в исторической беллетристике. Аспекты лингвистического анализа произведений на историческую тему

Историческая беллетристика, как и «серьёзный» исторический роман, представляет собой произведение, «действие которого развёртывается на фоне исторических событий» (Литературная энциклопедия URL). Однако такая дефиниция не даёт достаточно полного представления о различии, обычно проводимом между «подлинным историческим романом» и

«исторической беллетристикой». По определению Б.М. Жачемуковой и Ф.Б. Бешуковой, «исторический роман – это художественное произведение, темой которого является историческое прошлое... Художественной целью и задачей художника является воспроизведение и исследование важнейших характеристик известной личности, показ взаимосвязи личности и эпохи... Доля вымысла в данном инварианте романа не должна быть преобладающей, особенно в интерпретации исторических событий, предметного мира, характерных, установленных документально черт личности и портрета исторических персонажей. Автор в пределах художественной необходимости и идеи произведения, несомненно, имеет право на вымысел, фантазию... при этом не допуская искажения исторической действительности» (Жачемукова, Бешукова 2011 URL).

Если же в произведении об историческом прошлом преобладает вымысел, то это произведение уже относится скорее к так называемой исторической беллетристике. Ср.: **Историческая беллетристика** – это «сюжетное повествование о прошлом, обязательным элементом которого является вымысел» (Суржик 2017, с. 253). Однако на деле чёткую грань между серьёзным «историческим романом» и «исторической беллетристикой» провести бывает сложно, и подробное обсуждение данной проблемы не входит в задачи настоящего диссертационного исследования.

По отношению к исторической беллетристике может применяться также термин «исторический китч». Китч представляет собой массовую, популярную литературу; «традиционно этим термином обозначают: ценностный “низ” литературной иерархии – произведения, относимые к маргинальной сфере общепризнанной литературы, отвергаемые как <...> псевдолитература» (Литературная энциклопедия терминов и понятий 2003, с. 514). Однако, как отмечает М.И. Лыскова, «критерии отличия “высокой” литературы от “массовой” могут кардинально меняться вместе со сменой культурно-исторических эпох, для каждой из которых характерен особый тип художественного сознания, своя система ценностей. Соответственно, давать

однозначные оценки подобному явлению представляется... не совсем корректным. Литературные произведения, обозначаемые термином “китч” или “массовая литература”, неоднородны как по своему эстетическому качеству, так и по степени популярности у массового читателя» (Лыскова URL). В связи с этим обратим внимание на то, что у истоков русской исторической беллетристики стояли Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, А.А. Бестужев-Марлинский, М.Н. Загоскин, О.М. Сомов, В.К. Кюхельбекер, Ф.Н. Глинка, И.И. Лажечников, Ф.В. Булгарин, Р.М. Зотов, К.П. Масальский и др. В разные эпохи в жанре исторической беллетристики творили такие авторы, как П.Д. Боборыкин (1836–1921), П.И. Мельников (1818–1883), М.В. Авдеев (1821–1876), Д.В. Аверкиев (1836–1905), М.П. Арцыбашев (1878–1927), Л.А. Чарская (1875–1937), Д.Н. Мамин-Сибиряк (1852–1912), Б.К. Зайцев (1881–1972), В.А. Каверин (1902–1989), В.С. Пикуль (1928–1990) и др.

В рамках исторической беллетристики начинает развиваться особая писательская (авторская) стратегия, которую позже стали называть «коммерческой» (Лазарева 2004, с. 10), поскольку она ориентирована на успех у массового читателя. В целом авторская стратегия понимается исследователями как «писательское поведение, направленное на достижение успеха и проявляющееся в произведении, его структуре» (Там же). В авторской стратегии выделяют внетекстовый и текстовый аспекты. Внетекстовая стратегия представляет собой совокупность действий писателя (часто – совместно с издателем), целью которых является формирование необходимой репутации автора. Текстовая стратегия направлена на «овладение» сознанием читателя и реализуется на уровне поэтики, посредством использования определённых художественных приёмов (см. Лазарева 2004).

В рамках коммерческой авторской стратегии художественные приёмы, привлекающие читательский интерес к произведению, становятся клишированными, воспроизводятся «серийно». Поэтому то, что популярно у

массовой публики, вызывает порицание со стороны литературных критиков. Вот, например, как об этом пишет Н.Н. Акимова, исследователь творчества Ф.В. Булгарина: «Творчество Булгарина принадлежит к начальному этапу создания русской беллетристики как особого рода литературы... обладающему специфическим уровнем художественности и самостоятельными рецептивными установками, предполагающими тесный контакт с читателем. В этом контакте, с одной стороны, – секрет популярности Булгарина как любого беллетриста, но, с другой, – источник его неприятия держателями норм литературного вкуса, так как он порождал стереотипность, клишированность художественных приёмов – неотъемлемых черт формульной литературы» (Акимова 2003, с. 8–9). В приведённой цитате обратим внимание на термин «формульная литература», которым, вслед за Дж.Г. Кавелти, принято обозначать стандартизированность, штампованность, «серийность» создаваемых писателем литературных произведений. Произведения, написанные «по формуле», могут быть разного художественного качества, однако они неизменно пользуются коммерческим успехом у массового читателя (ср. подробнее: Кавелти 1996 URL). Своего расцвета коммерческая писательская стратегия достигает в 1990-е годы, в том числе и в творчестве Бориса Акунина.

Можно утверждать, что произведения и Р.М. Зотова, и Бориса Акунина принадлежат именно к жанру исторической беллетристики и что оба автора придерживаются в своих романах именно коммерческой писательской стратегии (подробнее об особенностях стиля каждого из авторов будет сказано в соответствующих параграфах диссертации), что делает сравнительный анализ созданных ими образов исторических деятелей правомерным и значимым.

Далее рассмотрим, с каких позиций художественно-исторические произведения исследуются лингвистами.

Художественные произведения на историческую тему были объектом лингвистического описания в целом ряде работ: Винокур 1991;

Завгородняя 2010; Закирова 2007б; Калинина 2012; Кравченко 2007; Куксина 2007; Мешалкина 2008; Нестеров 2010; Сомотик 2006; Троицкий 1964; Чернова 2010; Шмид 2003; Щедрина 2017 и др. Учёных интересуют проблемы соответствия языка исторического повествования языку и духу описываемой эпохи; уместного использования приёмов стилизации; соотношения вымысла («фикциональности») и «исторической правды»; выбора языковых средств для создания образа конкретного исторического деятеля и др.

В статье Г.О. Винокура «О языке исторического романа» (Винокур 1991) содержится ряд весьма ценных наблюдений за языком исторической прозы. Г.О. Винокур отмечает, что главная проблема, которая заставляет специально рассматривать язык исторического романа, это «проблема соответствия языка изображаемому» (Винокур 1991, с. 410). Однако это соответствие не должно пониматься как совпадения «языка романа с языком изображаемой эпохи», так как «в точном смысле слова это оказывается неосуществимым» (Там же). Речь может идти лишь об определённом приближении к языку изображаемой среды или эпохи, при этом автор должен иметь представление об устойчивых и изменчивых, об общих и местных (диалектных) характеристиках языка. В большинстве случаев «язык исторического романа это есть современный язык, приспособленный для изображения прошлого, а не язык прошлого, приспособленный для современного читателя» (Там же, с. 413). Автор не должен стремиться к документальной точности ни в изображении исторических событий, ни в передаче языка прошлой эпохи, поскольку «никакая документальная точность не может спасти роман от художественной неудачи, если эта точность очень назойливо подчёркивается для читателя, так что читатель всё время видит, как писатель заботится о том, чтобы не было противоречий в его языке» (Там же, с. 416).

Вольф Шмид тоже обращает внимание на то, что при изображении исторических личностей и связанных с ними ситуаций нельзя рассчитывать

на реалистичность: «А как быть с такими историческими личностями, как Наполеон или Кутузов, если они фигуры романа? Это только квазиисторические фигуры. Наполеон Толстого не является ни отражением, ни отображением реальной исторической личности, а изображением, мимесисом Наполеона, т.е. конструкцией *возможного* Наполеона. Большая часть того, что повествуется в романе об этом Наполеоне... не может быть засвидетельствована документами и немислима в историографическом тексте» (Шмид 2003, с. 32).

Именно образ Наполеона в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», создаваемый с помощью качественных прилагательных, стал предметом анализа в одной из статей О.В. Закировой. Автор отмечает, что чаще всего для характеристики Наполеона используются прилагательные *великий* и *гениальный*, которые передают положительную оценку исторического деятеля как неординарной личности. Однако для описания Наполеона Л.Н. Толстой использует и отрицательно окрашенные прилагательные *жалкий* и *ничтожный*, что усложняет характеристику персонажа. О.В. Закирова пишет: «В описании Наполеона представлены диаметрально противоположные оценки... С одной стороны, Наполеон Бонапарт характеризуется как гениальный и великий, что отражает общепринятое мнение о Наполеоне большинства людей, находивших в нём образец для подражания. С другой стороны, его действия подвергаются критике, а сам он представляется незначительной фигурой. Такого Наполеона мы видим глазами Толстого» (Закирова 2007б, с. 173). Заметим сразу, что и Р.М. Зотов, и Борис Акунин также выводят образ Наполеона на страницах своих произведений, и, как будет показано далее, «Наполеон глазами Зотова» и «Наполеон глазами Акунина» существенно отличаются друг от друга.

С.В. Чернова обращается к описанию образа Александра I на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (Чернова 2010). Её интересует Александр I как полководец и человек в свете категории деятельности, одним из видов которой является война. С.В. Чернова подчёркивает субъективность

изображения исторического деятеля в художественном произведении: «Создавая художественное произведение, писатель отображает жизнь в образах, которые выступают как образы художественные, суть которых, как мы полагаем, в том, что свойства и качества лица или предмета осмысливаются и интерпретируются автором текста в соответствии с его мировидением, знаниями, опытом и носят в силу этого субъективно-авторский характер... Задача Л.Н. Толстого – создать такой образ императора, который был бы узнаваем как образ, созданный именно им» (Чернова 2010, с. 90). В ходе анализа текста романа и сопоставления изображённых в нём эпизодов войны с историческими источниками С.В. Чернова приходит к такому заключению: «Особенностью образа императора российского, созданного Л.Н. Толстым, является то, что его Александр I, будучи олицетворением русской монархии, показан не только как император в его парадном, царственном блеске, но и как человек, трезво оценивающий свои полководческие способности, не лишённый человеческих слабостей» (Там же, с. 97). Образ Александра I является «не фотографической копией живого, реального императора, а результатом субъективной интерпретации Л.Н. Толстым, величайшим писателем и философом, сущности человека, несущего на своих плечах ответственность за государство российское и его граждан» (Там же, с. 98).

Л.В. Калинина изучала языковые средства создания образа А.Д. Меншикова в исторической и художественной литературе, рассматривая данного исторического деятеля как харизматическую личность (Калинина 2012). Автор отмечает, что авторы исторических и художественных произведений наделяют А.Д. Меншикова такими непроцессуальными и процессуальными характеристиками, как «приятная внешность и обаяние... уверенность в себе, в своей исключительности и безнаказанности, сознание своей значимости... природная одарённость, незаурядный ум, способность действовать по обстоятельствам и принимать оптимальные решения в критической ситуации, “универсальность” в качестве исполнителя любого

дела... большая энергия, напористость... чутьё, интуиция, наблюдательность, “чувствительность к внешнему окружению”... отвага и бесстрашие в бою» (Калинина 2012, с. 25). Все эти черты, по мнению Л.В. Калининой, позволяют рассматривать А.Д. Меншикова как харизматическую личность: «Мы видим человека, привлекательного внешне, обаятельного, умеющего окружить себя соответствующими его положению атрибутами и создать себе нужный “имидж” в глазах окружающих. При этом это человек чрезвычайно деятельный, активный, умный, инициативный, уверенный в себе, умеющий действовать по обстановке и принимать нестандартные решения, бесстрашный в бою и неутомимый в работе, тонко чувствующий людей» (Там же, с. 26).

Н.М. Щедрина, исследуя особенности изображения исторических лиц в эпосе А.И. Солженицына «Красное колесо», обращает внимание на «особые отношения» между автором-повествователем и историческим персонажем. Эти отношения состоят в следующем: «Если дистанция между автором-повествователем и историческим лицом увеличивается, то активность повествователя возрастает. Зачастую такое положение автора-повествователя сравнимо с положением учёного-историка или на него претендующего, который заполняет собою это пространство. Важна также определённая внутренняя дистанция между историческим лицом и повествователем. Реально это происходит именно в сознании автора, в его объективном отношении к герою» (Щедрина 2017, с. 104).

Таким образом, несмотря на то, что исторический деятель – это реально существовавший человек, о жизни и делах которого сохранились документальные свидетельства, мы не можем и не должны ожидать от автора художественного произведения абсолютного правдоподобия в изображении ни самого исторического лица, ни его эпохи в целом. Исторический деятель для писателя выступает лишь как прототип героя, то есть является «прообразом (моделью) для создания литературного персонажа» (Фесенко 2008, с. 744). Писатель интерпретирует личность исторического деятеля по-

своему, исходя из собственного замысла и руководствуясь определённой авторской стратегией. Особенно ярко «фикциональность, т.е. то обстоятельство, что изображаемый в тексте мир является фиктивным, вымышленным» (Шмид 2003, с. 22) проявляется в произведениях исторической беллетристики.

Выводы по Главе I

В Главе I разрабатывается теоретическая часть исследования, связанная со способами изучения образа персонажа художественного произведения с лингвистической точек зрения.

Во всех *словарных толкованиях* подчёркивается, что персонаж – это действующее лицо литературного произведения. Дефиниция «лицо» позволяет соотносить персонаж с человеком и рассматривать как модель человека. Это значит, что к описанию образа персонажа можно подходить так же, как и к описанию образа человека, но при этом учитывать, что персонаж – это человек вымышленный, хотя и с достаточной степенью правдоподобия.

Наиболее разработанным аспектом лингвистической характеристики персонажа является *анализ языковых средств создания образа персонажа*. При этом выделяются работы, построенные на различных подходах к анализу языковых средств: в центре внимания могут быть языковые средства, характеризующие *ту или иную составляющую образа персонажа* (внешнюю и/или внутреннюю речь, портрет, одежду и атрибуты, пространство действий персонажа и т.д.); *языковые единицы определённой части речи*, участвующие в создании образа персонажа (прилагательные, глаголы, существительные и т.д.); языковые средства, на которых строится тот или иной *стилистический приём* описания персонажа (антитеза, эпитет, сравнение и т.д.). Существуют также работы, представляющие собой *комплексную характеристику* образа персонажа с учётом всех перечисленных аспектов анализа.

В зависимости от того, на каком аспекте характеристики персонажа делается акцент, все лингвистические исследования могут быть отнесены к той или иной концепции описания человека/персонажа в языке. Крупнейшими из этих концепций в настоящее время являются *теории языковой личности, речевого портрета, лингвокультурного типажа, образа человека в языке*. Целям нашего исследования соответствует последний из названных подходов – описание целостного образа человека по данным языка, учитывающее не только речь или иные частные аспекты личности, но и позволяющие составить об образе человека/персонажа самое полное представление. Мы в настоящей диссертации будем придерживаться *динамической модели лингвистической интерпретации образа* человека, разработанной С.В. Черновой.

Также в Главе I был кратко рассмотрен феномен *исторической беллетристики* и реализующейся в произведениях данного жанра *коммерческой писательской стратегии*. Отличием исторической беллетристики от серьёзного исторического романа является бóльшая доля вымысла (причём данный критерий не всегда позволяет провести чёткую грань между «серьёзным» и «легкомысленным» историческим повествованием). Писательская стратегия оказывает влияние на выбор автором тех или иных аспектов описания персонажа (в нашем случае – исторической личности) и языковых средств для создания образа этого персонажа. Коммерческая писательская стратегия отличается клишированностью, серийностью приёмов, используемых автором для достижения читательского успеха.

Образцы лингвистического анализа исторической прозы, представленные в работах ряда учёных, позволяют выделить такие *аспекты лингвистического описания произведений на историческую тему*, как соответствие языка исторического повествования языку и духу описываемой эпохи; использование приёмов стилизации; выбор языковых средств для создания образа конкретного исторического деятеля и др.

ГЛАВА II.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В РОМАНАХ Р.М. ЗОТОВА

2.1. Р.М. Зотов как автор произведений на историческую тему.

Общая характеристика материала исследования

Рафаил Михайлович Зотов (1795–1871) известен как прозаик, драматург, переводчик, литературный и театральный критик, мемуарист, театральный деятель. Его перу принадлежат такие исторические романы, как «Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I» (1831), «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (1832), «Никлас Медвежья Лапа, атаман контрабандистов, или Некоторые черты из жизни Фридриха II» (1837), «Шапка юродивого, или Трилиственник» (1839), «Таинственный монах» (1843), «Бородинское ядро и Березинская переправа» (1844), «Два брата или Москва в 1812 г.» (1851), «Фра-диаволо, или Последние годы Венеции» (1857), «Две сестры, или Смоленск в 1812 г.» (1860). Сегодня романы Р.М. Зотова однозначно признаются беллетристикой. В своё время они пользовались большой популярностью у массового читателя: так, некоторые произведения выдержали до восьми изданий.

М.И. Лыскова объясняет феномен популярности романов Р.М. Зотова и других авторов исторической беллетристики неискущённостью читателя начала XIX века и самим духом того времени: «У истоков рождения русского исторического романа стояли Ф.В. Булгарин (1789–1859), М.Н. Загоскин (1789–1852), И.И. Лажечников (1792–1869), Н.А. Полевой (1796–1846), Р.М. Зотов (1795–1871). Произведения вышеперечисленных авторов пользовались большой популярностью у массового читателя XIX века. Исторический колорит и исторические нравы ещё не составляли романа, от него ждали занимательности, сосредоточения внимания на характерах и страстях. Оригинальное сочетание сюжетных решений, умелое художественное повествование, национальное содержание (русская история

и русские характеры), любовь к отечеству пленили современников, нашли отзвук в душе читателя... Читая романы, люди ощущали свою сопричастность недавней истории, переживали её заново... Читателей не смущал тот факт, что исторический роман – не история, а выдумка, основанная на истинном происшествии, они воспринимали его именно как реальную историю» (Лыскова 2013 URL).

Однако в то время как у «среднего» читателя романы Р.М. Зотова вызывали неподдельный интерес, в среде критиков XIX века отношение к творчеству данного писателя было более чем неоднозначным. В большинстве своём современники отзывались о творчестве Зотова отрицательно. К.А. Полевой, В.Г. Белинский, А.А. Григорьев, А.В. Дружинин, Н.А. Добролюбов и Д.И. Писарев отказывают данному автору в наличии какого бы то ни было литературного таланта и отмечают лишь недостатки его произведений.

Вот, например, в какой манере пишет В.Г. Белинский рецензию на книгу Р.М. Зотова «Шапка юродивого, или Трилиственник»: «Ба! да никак уже это почтеннейший г. Зотов... Вот его неподражаемый слог, его пламенное красноречие, его глубокомысленные рассуждения, его смелые и резкие очерки характеров и происшествий <...> г. Зотов имеет удивительную способность писать слишком плодовито и широко: прочтя одну часть его романа, вы думаете, что прочли целых пять романов. Особенно плодовиты его отступления, в которых он философствует; но их непременно надо прочесть вам самим, потому что ничего подобного в нашей литературе нет и не было...» (Белинский URL).

Современные исследователи оценивают романы Р.М. Зотова не столь критически. Так, А.Ю. Сорочан считает, что в произведениях Зотова присутствует как историческая действительность, так и развлекательное начало. При этом признаётся совершенно нормальным то, что Р.М. Зотов и не стремится быть верным исторической действительности или же охватить всю рассматриваемую эпоху. А.Ю. Сорочан пишет: «Подзаголовок первого

романа Зотова “Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона”, над которым иронизировал Белинский, отнюдь не случаен. У автора книги это указание на невозможность в принципе показать в историческом романе все черты какой бы то ни было эпохи или царствования. Многие поступки, их причины и цели окутываются флером не столько легенды, сколько загадки, и ключ к ней лежит в важнейших для Зотова понятиях *политика, гражданская жизнь* <...> Сюжеты всех романов Зотова строятся на одной коллизии: молодой человек, оставив узкий круг семейной жизни, приобщается на более или менее продолжительный срок к большой политической деятельности наравне с высокопоставленными лицами, ведущими эту игру. С достижением ряда политических целей герой осознаёт, что стоит на доступной ему вершине гражданской жизни, и оставляет общественное поприще для жизни частной» (Сорочан 2013, с. 57; ср. также Сорочан 2008).

Другой современный исследователь, А. Устинов, тоже говорит о произведениях Р.М. Зотова на историческую тему без всякой иронии, приводя цитаты из его произведений в качестве подтверждения своих мыслей о культурно-исторических процессах в России XIX века (Устинов URL).

Как видим, современные литературоведы оценивают творчество Р.М. Зотова более спокойно и объективно, чем современные писателю критики во главе с В.Г. Белинским.

Однако в любом случае в процедуру лингвистического анализа не входит критическая оценка произведений того или иного литератора. Нас произведения Р.М. Зотова интересуют как источник языкового материала.

В качестве материала для исследования мы берём следующие 6 произведений Р.М. Зотова: «Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I» (1832), «Леонид или Некоторые черты из жизни Наполеона I» (1832), «Таинственный монах» (1843), «Два брата, или Москва в 1812 году» (1851), «Таинственные силы, или Некоторые черты из царствования императора Павла I» (1859), «Две сестры, или Смоленск в 1812 году» (1860).

Именно эти произведения избраны нами потому, что в них в качестве действующих лиц выведены исторические личности, правители и полководцы: Александр I, Наполеон Бонапарт, Екатерина II, царица Софья, императрица Мария Фёдоровна, А.В. Суворов, М.И. Кутузов.

В общей сложности из произведений Р.М. Зотова нами извлечено 578 контекстов, в которых содержится характеристика того или иного исторического деятеля. Представим статистику распределения языкового материала по персонажам в таблице 1.

Таблица 1

Количественные показатели характеристики исторических персонажей в романах Р.М. Зотова

Персонаж	Количество характеризующих контекстов
Наполеон Бонапарт	279
Александр I	136
А.В. Суворов	48
Екатерина II	47
М.И. Кутузов	32
Царица Софья	24
Императрица Мария Фёдоровна	12
Итого	578

Представленная статистика позволяет сделать ряд выводов и наметить логику описания языкового материала.

Во-первых, в романах Р.М. Зотова явно выделяются две группы исторических деятелей, которые могут быть названы «Правители» (Александр I, Екатерина II, царица Софья, императрица Мария Фёдоровна, всего 197 контекстов) и «Полководцы» (А.В. Суворов и М.И. Кутузов, всего 80 контекстов). Отдельно может рассматриваться фигура Наполеона (279 контекстов), который входит сразу в обе категории: «Правители» и «Полководцы».

Во-вторых, среди исторических деятелей представлены как мужчины (Наполеон, Александр I, А.В. Суворов, М.И. Кутузов – всего 495 контекстов), так и женщины (Екатерина II, царица Софья, императрица Мария

Фёдоровна – всего 83 контекста), что даёт основание обратиться к гендерному аспекту характеристики персонажей Р.М. Зотова.

В-третьих, количественное распределение материала говорит о том, что наибольший интерес для Р.М. Зотова как для исторического романиста представляла личность императора Франции Наполеона Бонапарта (Наполеон характеризуется в 279 контекстах из 578, что составляет 48% нашего материала).

Исходя из сделанных наблюдений, мы избираем следующую логику дальнейшего изложения: сначала будет охарактеризован Наполеон как наиболее значимый исторический персонаж в романах Р.М. Зотова, входящий сразу в обе выделенные нами категории («Правители» и «Полководцы»), затем остальные «Правители» (Александр I; Екатерина II, царица Софья, императрица Мария Фёдоровна) и «Полководцы» (А.В. Суворов и М.И. Кутузов).

Образы исторических личностей будут охарактеризованы в порядке, обозначенном во Введении: распределение всех контекстов, в которых упоминается данный персонаж, на содержащие непроцессуальные и процессуальные характеристики с одновременным выявлением средств номинации персонажа; анализ языковых средств создания образа персонажа с лексико-семантической, грамматической и стилистической точек зрения; выделение контекстов, содержащих характеристику персонажа а) в словах автора; б) в словах другого персонажа; в) в собственных словах персонажа; обобщение сделанных наблюдений в виде списков слов, таблиц и схем, экспликация важнейших аспектов образа персонажа.

2.2. Языковые средства создания образа Наполеона

Образ Наполеона встречаем в четырёх исторических произведениях Р.М. Зотова: «Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра» (1832), «Леонид или Некоторые черты из жизни Наполеона I» (1832), «Два брата, или Москва в 1812 году» (1851), «Две сестры, или Смоленск в 1812

году» (1860). Данный образ одновременно включается нами в категории «Правители» и «Полководцы».

Для создания образа персонажа автором используются процессуальные (205 контекстов) и непроцессуальные (74 контекста) характеристики. Мы видим, что автор достаточно подробно описывает Наполеона.

Для собственно **номинации** данного персонажа Зотов употребляет следующие 17 лексических единиц (205 примеров): *Наполеон (152); Бонапарте (36); антихрист (2); первый полководец своего века (2); юный герой; новый император Франции; великий гений; грозный повелитель исполнинских сил; человек, поработивший Европу; необыкновенный человек; первый военный гений своего века; прохожий; гордый победитель всей Европы; божий враг; победитель народов; преемник Карла Великого; старый эйлавец.*

Естественно, что для номинации персонажа чаще всего используются части его имени собственного: *Наполеон, Бонапарте*. Имена собственные, «способные только удостоверить личность референта» (Арутюнова 1999, с. 63), относятся к идентифицирующей лексике и сами по себе никак не характеризуют объект. Однако большинство номинаций Наполеона представляют собой характеризующие предикаты с положительной, нейтральной или отрицательной оценкой. Преобладают слова с положительной и нейтральной оценкой, отрицательнооценочная лексика используется редко и только в речи определённых лиц. Так, лексические единицы *антихрист, божий враг* употребляются русскими крестьянами из ополчения. В речи самого автора встречаем слова, характеризующие Наполеона с положительной стороны: субстантивы *герой, гений, победитель* и адъективы *первый* (полководец, военный гений), *необыкновенный* (человек), *великий* (гений). Ряд номинаций подчёркивает величие Наполеона как воина, правителя и деятеля европейского масштаба: *гордый победитель всей Европы; победитель народов; человек, поработивший Европу; грозный повелитель исполнинских сил.*

Среди приведённых номинаций нельзя не заметить явное преобладание перифраз над однословными лексическими единицами: *первый полководец своего века (2); юный герой; новый император Франции; великий гений; грозный повелитель исполинских сил; человек, поработивший Европу; необыкновенный человек; первый военный гений своего века; гордый победитель всей Европы; божий враг; победитель народов; преемник Карла Великого; старый эйлавец*.

Перифраза – «описательное обозначение предмета или явления, употребляемое вместо его словесного обозначения, существующего в языке. Обычно в таких описательных выражениях выделяются характерные признаки предмета, которые важны для говорящего» (Матвеева 2003, с. 228). Также в справочной литературе отмечается, что в художественной литературе, публицистике, ораторской речи «перифраза используется как стилистический приём с целью усиления выразительности высказывания, более интенсивного воздействия на адресата» (Старичёнок 2008, с. 435).

Перифразы могут быть разделены на логические (как правило, основывающиеся на дополнительной характеристике известной личности: *великий русский баснописец* (И.А. Крылов), *автор «Недоросля»* (Д.И. Фонвизин)) и образные (строящиеся по метафорическим моделям: *солнце русской поэзии* (А.С. Пушкин), *король грибов* (боровик)) (см. Старичёнок 2008, с. 434–435).

Среди приведённых перифраз, называющих Наполеона в романах Р.М. Зотова, к логическим могут быть отнесены *первый полководец своего века (2); юный герой; новый император Франции; человек, поработивший Европу; великий гений; победитель народов; преемник Карла Великого; старый эйлавец*, к образным – *грозный повелитель исполинских сил; божий враг*. Как видим, преобладают логические перифразы.

Далее обратимся к анализу образа Наполеона в соответствии с его непроцессуальными и процессуальными характеристиками. **Непроцессуальные характеристики** (74 контекста) представлены

следующими группами языковых средств: 1) языковые единицы, характеризующие внешний облик Наполеона; 2) языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие Наполеону; 3) языковые средства, эксплицирующие систему ценностей Наполеона.

Зотов не даёт подробного описания **портрета и фигуры** персонажа, представлены лишь общие черты. Ср.: *«Лицо его было смугло и угрюмо, руки были закинута на спину; ...этот взгляд, суровый, пронизательный, неотразимый»* (Два брата...); *«Прояснившаяся погода показала ему человеческую фигуру небольшого роста, закутанную в теплую серую шинель и стоявшую впереди со сложенными на груди руками»* (Леонид..., с. 216); *«Наружность его проста и даже незначительная; взгляд быстр и пронизателен»* (Леонид... с. 251).

Как видим, Р.М. Зотов говорит о *простой* и *«даже незначительной»* наружности Наполеона, его *небольшом росте*, но обращает внимание на его лицо (*смуглое и угрюмое*) и особенно на взгляд – *суровый, пронизательный, неотразимый, быстрый*.

Языковые средства, обозначающие **предметы**, принадлежащие Наполеону, представлены только одним контекстом – автор отмечает, что Наполеон был одет в *тёплую серую шинель*.

Система ценностей – это «структурированный набор ценностей, которые на данном этапе своего личностного развития принимает и разделяет индивид» (Психологический лексикон URL). Система ценностей Наполеона выражена через его поступки, желания. Также мы можем сделать определённые выводы, анализируя речь персонажа.

Среди главных ценностей Наполеона представлены власть, слава и почести. Р.М. Зотов употребляет лексические единицы *честолюбие, властолюбие, славолюбие* и др. Их принадлежность к именам существительным подчёркивает, что это стабильные, сложившиеся, постоянные качества личности Наполеона. Наибольшей частотностью отличаются лексемы *честолюбивый* и *честолюбие*, показывающие, что

Наполеон высоко оценивает себя и свою деятельность. Ср.: *«Бонапарте был слишком славлюбив»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1., с. 498); *«Властолюбие Бонапарте поглощало все ему противящееся и воздвигало новые троны для раболепствующих клеветов своих»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1., с. 527); *«С этой минуты увидели все державы, что в честолюбии Бонапарте нет ничего священного и что мир с ним пустое слово»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1., с. 503); *«Новое сие нарушение договоров доказывало Европе, что честолюбие Бонапарте не имеет пределов»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1., с. 509); *«Снедаемый беспредельным честолюбием, Наполеон уже замышлял завоевание Испании; Наполеон отвечал, что... подписание подобного акта было бы несовместно с его достоинством»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1., с. 561); *«Этот необыкновенный человек, первый военный гений своего века, счастьем и дарованиями вознесенный из ничтожества на престол прекраснейшей монархии... вдруг непомерным своим честолюбием, для удовлетворения которого не разбирал ни средств, ни лиц, вооружил против себя все народы, обратил на главу свою всеобщую ненависть и проклятия»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2., с.102); *«Вся вина бедствий...произошла от пагубного властолюбия Наполеона»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2., с.102).

Наполеон с уважением относится к русской армии, видит в ней достойного противника. При этом он не терпит непокорности ополченцев Ср.: *«Наполеон иной раз в эти годы побеждал русских, но он всегда, однако, удивлялся их мужеству»* (Два брата...); *«Я всегда уважаю русскую армию. Она славно дралась под Аустерлицем, но я разбил её»* (Два брата...); *«Я велел без суда расстреливать этих дикарей и бунтовщиков»* (Две сестры... с. 635). Обратим внимание на использование писателем наречия *всегда*: *всегда удивлялся их мужеству, всегда уважаю русскую армию*. Это наречие в данных контекстах позволяет рассматривать указанные характеристики Наполеона именно как непроцессуальные и постоянные.

Наполеон любит увеселения, ездит на балы, но гораздо важнее для него для него военное дело. Тем не менее, он говорит, что ведет войну по принуждению. Ср.: *«...я с самых молодых лет вел войну, но никогда не любил её. Меня всякий раз принуждали обнажать меч. Все континентальные войны Европы делались в угождение англичанам. Теперешняя война тоже. Она совершенно противна выгодам России. Я и не думал начинать ее. Какой-то фатализм увлек меня и Александра»* (Два брата...); *«Наполеон...с удовольствием ездил по великолепным балам, <...> награждал храбрых чинов орденами, посылая их всегда в первый огонь»* (Леонид... с. 165); *«Обыкновенно неразговорчивый, почти односложный, когда дело шло о всяком другом предмете, Наполеон вдруг оживлялся при описании военных планов»* (Леонид... с. 274).

Система ценностей Наполеона, стало быть, складывается из трёх основных составляющих.

Во-первых, это желание власти, славы и почестей, причём писатель подчёркивает чрезмерную степень этого желания у Наполеона с помощью характеризующих конкретизаторов, выраженных различными частями речи: *слишком славолюбив; пагубное властолюбие; честолюбие его не имеет пределов; беспредельное честолюбие; непомерное честолюбие; в честолюбии Бонапарте нет ничего священного.*

Во-вторых, Наполеону нравится война: военные планы, военные действия, мужество солдат (в том числе солдат противника). Война для него – способ достижения власти, славы и почестей. Несмотря на то, что на словах Наполеон объявляет войну своей антиценностью (*«никогда не любил войну»*), его образ действий говорит об обратном – он любит и умеет воевать, так как постоянно ведёт военные действия и *«оживляется при описании военных планов»*. Значит, Наполеону свойственно притворство, неискренность, двуличность. «Двойные стандарты» Наполеона проявляются и в том, что он *«уважает русскую армию»*, но при этом велит без суда

расстреливать ополченцев (делающих то же самое дело, что и русская армия).

В-третьих, Наполеону нравятся балы и развлечения, которые дают ему возможность насладиться своей славой и почестями.

Далее перейдём к анализу процессуальных характеристик Наполеона, представленных в романах Р.М. Зотова достаточно широко, в 205 контекстах.

К процессуальным характеристикам Наполеона относятся:

- 1) мотивы и цели деятельности;
- 2) фактическое осуществление задуманного;
- 3) особенности речевого поведения, коммуникативные тактики;
- 4) верификация как завершающий этап деятельности Наполеона.

Мотивы и цели деятельности Наполеона находят отражение в 37 контекстах. Принимая во внимание особенности лексического материала, мы можем выделить следующие подгруппы: желания, стремления (выражаются с помощью глагольных форм *желал, изъявлял желание, старался склонить, стремился, устремился, хотел* и др.); замысел (*замышлял, рассчитывал, думал, вздумал* и др.); намерения (*вознамерился, цель его намерений* и др.); надежды (*надежда, надеялся*); мечты (*воображал*).

Наполеон хочет как можно быстрее завершить военные действия. Он прибегает к хитрости, стараясь заключить мирное соглашение, выгодное только для него. Ср.: *«Он действительно желал завоевания Египта и предлагал России раздел Порты»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 498); *«Он долгое время принимал ноты посредничества российского двора и даже после начатия военных действий; но это была одна маска, которой он старался склонить на свою сторону Александра I»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 498); *«2 января решился он отправить на имя английского короля письмо, в коем изображал все бедствия, терзающие народы от истребительной между ними войны, и выражая всю свою чувствительность при виде подобных несчастий, претерпеваемых человечеством, изъявлял живейшее желание к заключению мира»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 507); *«Бонапарте устремился к*

Ульму» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 513); «Наполеон <...> послал Мюрата на подкрепление <...> а сам **устремился к истреблению** половины, оставшейся в Ульме» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 513); «Между тем Бонапарте более и более **стремился к достижению владычества над всею Европою**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 530); «Наполеон **спешил заключить мир, толико для него славный**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 554); «Но можно ли осуждать его за **желание закончить войну одним ударом?**» (Двадцатипятилетие Европы... 2. с. 38); «Наполеон **желает его видеть**» (Два брата...); «Но повторяю вам, что **искренно желаю мира, мира прочного, полезного, выгодного для обеих наций**» (Два брата...); «Только дипломатические средства всегда очень медленны <...> **мне бы хотелось все это сделать проще, скорее**» (Два брата...); «Он **быстрым движением хотел было прежде их занять этот город; хотел по крайней мере сильными, ежедневными натисками её [русскую армию] расстроить и быстро бросился вслед за нею**» (Две сестры... с. 634).

Замыслы Наполеона также связаны с ведением войны. Здесь представлены идеи, отражающие его тактику. Ср.: «Бонапарт, **замышляя тогда высадку на берега Англии, приучал своих солдат к маневрам**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 510); «Бонапарте **рассчитывал иначе. Он поручил Мортье следовать за Кутузовым**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 515); «Бонапарте, видя, что безумная борьба его с Англией лишила Европу и последней надежды на какое-либо равновесие в морских силах, **решился тогда принудить всю твердую землю запереть гавани свои для английской торговли и чрез то разорить их промышленность**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 526); «Наконец **вздумал Бонапарт создать ещё новое королевство; Снедаемый беспредельным честолюбием, Наполеон уже замышлял завоевание Испании**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 532); «Вдруг **родилась в уме его исполинская мысль, один из отчаяннейших планов великого его гения**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 292); «До последней минуты **думал он, что уступчивость России**

предоставит ему диктаторство над Европой и что он победит Россию без пролития крови» (Два брата...).

Группа лексических единиц, выражающих намерения Наполеона, немногочисленна. Ср.: ***«Наполеон, узнав о приближении англичан, вознамерился действовать им в тыл»*** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 574); ***«Наполеон думал устрашить его брандскугелями»*** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 586); ***«Вскоре новые самовластные присоединения Наполеона яснее открыли цель его намерений»*** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 6).

Наполеон верит в осуществление своих надежд, а также полагается на свои предыдущие победы и родственную связь с императором Австрии Францем I. Ср.: ***«Неудовлетворительность сего ответа не лишила Бонапарте надежды <...> он решился сблизиться с санкт-петербургским Кабинетом»*** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 508); ***«Он решился или погибнуть, или сокрушить надменность британцев»*** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 511); ***«До сих пор Наполеон еще надеялся, что русские склонятся на мир»*** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 42); ***«Скорое отступление было одно средство к спасению, и он решился предупредить Чичагова в Борисове, где, надеясь соединиться с корпусами <...> он имел бы вновь с лишком стотысячную армию»*** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 55); ***«Наполеон надеялся на свои победы и родство с императором Францем»*** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 55); ***«Так кончилась и вторая победа Наполеона; одна надежда оставалась ему – быстрым преследованием расстроить отступающую армию»*** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 78).

Наполеон мечтает о том, что ему удастся так же легко завоевать Россию, как это было с Европой. Ср.: ***«Он воображал себе, что это Милан, Вена, Берлин, Мадрид»*** (Два брата...).

Как можно заметить, мотивы, замыслы, намерения, надежды и мечты Наполеона в изображении Р.М. Зотова связаны лишь с войной и завоеваниями всё новых территорий.

Лексические единицы, которые выражают **фактическое осуществление задуманного**, могут быть подразделены на две группы: 1) физическая активность; 2) ментальная активность. Ко второй группе относятся и коммуникативные тактики, то есть речевое поведение Наполеона.

Лексические единицы, описывающие физическую активность, представлены в 17 контекстах. Мы видим, что действия, совершаемые Наполеоном, обычно успешны. Ср.: «*Он смело атаковал со своей свитой сию колонну*» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 548); «*Второго декабря явился Наполеон пред стенами Мадрида и четвертого вступил в оный по заключении капитуляции*» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 573); «*Наполеон бросился на этот отряд, разбил его, завладел опять Реймсом*» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 112); «*Он бросился его преследовать и, догнав слабые отряды, опрокинул их и утвердил более и более австрийского фельдмаршала в мнимой необходимости отступления*» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 113). Заметим, что успешные действия Наполеона Р.М. Зотов изображает с помощью глагольных форм прошедшего времени с аористическим значением: *атаковал, явился, разбил, завладел, опрокинул* и др.

Но в отдельных случаях удача изменяет Наполеону, и все, что он делает, напрасно. Ср.: «*Тщетно Бонапарте собрал более 150000 на берегах Ламаншского пролива; тщетно изобретал и строил суда, тщетно грозил высадкою*» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 499). В изображении неудачных действий преобладают глагольные формы прошедшего времени с имперфектным значением.

Ментальная активность, коммуникативные тактики представлены 19 контекстами. Автор старается создать психологически правдивый образ: так,

мы видим, что Наполеон подвержен частым сменам настроения. Ср.: *«Бонапарте, по-видимому, соглашался, обещал, но не исполнил»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 497); *«Наполеон с радостью увидел, что Александр I твердо намерен сохранить Тильзитский трактат и не только не примет стороны Австрии в случае войны ее с Наполеоном, но и употребит силу оружия, дабы принудить ее к миру»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 573); *«Наполеон воспользовался сею ошибкой»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 583); *«Наполеон, не окончивший еще приготовлений своих, скрыл свое негодование...»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 6); *«Единственно для усыпления России приступил Наполеон к переговорам для сохранения мира»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 8); *«Возвратясь к людям, которые могли требовать у него отчета...он, размышляя о всей важности своей ответственности, на несколько дней заперся во дворце своем и никому не показывался»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 66); *«Наполеон с беспокойством видел успехи союзников»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 74); *«С негодованием отверг Наполеон эти предложения, осыпав Меттерниха ругательствами»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 81); *«Наполеон был в нерешимости»* (Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I. Ч. 2, с. 111); *«В самом деле! – весело сказал Наполеон и, с доверенностью подойдя к нему, взял его за рясу»* (Два брата...); *«Фанатики! фанатики! – проворчал Наполеон сквозь зубы и отошел к камину»* (Два брата...); *«Как знаете? – вскричал Наполеон и почти отскочил от него»* (Два брата...).

Верификация – «сравнение полученных результатов с поставленными ранее целями» (Наумова 2010, с. 90). Наполеон хочет подчинить себе всю Европу, а также завоевать Россию. Но все его планы разрушены, надежды не оправдались. Наполеон проявляет хитрость, используя шансы, которые ему предоставлены, но мы видим, что это единичные случаи. Ср.: *«Бонапарте слишком хорошо воспользовался сею ошибкой»* (Двадцатипятилетие

Европы... Ч. 1, с. 511); **«Сим временем Наполеон воспользовался, чтобы стянуть громады своих сил»** (Леонид... с. 263).

Он оказывается в странном, сомнительном, критическом, затруднительном положении. Ср.: **«Наконец сам Наполеон почувствовал всю затруднительность своего положения и в политическом и в стратегическом отношении»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 40); **«Не менее того положение Наполеона было самое критическое»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 115); **«Чувствуя всю странность своего положения, он еще дорогой твердил, что “от величественного до смешного один только шаг”»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 66); **«Наполеон начал чувствовать критическое своё положение. Армии его таяли, как снег»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 90); **«Положение Наполеона было довольно сомнительно»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 573).

Происходящие события не соответствуют ожиданиям Наполеона, поэтому он испытывает *огорчение* и *досаду*. Это выражается в соответствующих именных и глагольных формах, описывающих эмоциональное состояние. Ср.: **«Наполеон сильно был огорчён этим Манифестом»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 603); **«Происшествие сие крайне огорчило Наполеона»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 8); **«С крайней досадой видел Наполеон, что русские ускользнули от него и что теперь должно ему совокупить свои массы, чтоб действовать против соединенных их сил»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 15); **«Огорчённый столь оскорбительным для него молчанием и думая, что гордость препятствует русскому императору сделать первый шаг...»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 40); **«Наполеон с огорчением видел, что... нет возможности воспользоваться новой своей победой»** (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 78).

Он совершает ошибочные действия, ему приходится принять условия невыгодного для него перемирия. Автор неоднократно отмечает

ошибочность действий Наполеона, ср.: «...могильная пустота столицы уже служила ему первым доказательством **ужасной ошибки** в расчёте своём» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 35); «**Наполеон ошибся как политик**, предположив в душе Александра I и в сердцах русского народа робкую готовность принять мир» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 38); «**Наполеон согласился на перемирие**, которое сам прежде предлагал. **Всю свою жизнь раскаивался он потом в сем поступке и говорил, что это была величайшая его ошибка**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 79); «**Последствия доказали, что он ошибся**» (Леонид... с. 211).

Удача, которая сначала сопутствовала Наполеону, изменяет ему. Ср.: «**Счастье Наполеона, столь удивительным образом дотоле его лелеявшее, помрачилось с первым заревом пожара Москвы**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 38); «**Счастье Наполеона, блеснувшее при начале еще на минуту, померкло внезапно**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 89).

Он не может противостоять судьбе. Вынужденность ряда действий Наполеона выражается прежде всего глагольными формами с ярко выраженным модальным компонентом: *не позволяет* (что-либо); *не мог избежать* (чего-либо); *не удаётся* (что-либо); *ничего не остаётся* (кроме чего-либо); *остаётся* (что-либо) и т.д. Ср.: «**Обстоятельства не позволили Наполеону продолжать здесь побед своих**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 574); «**Это движение разрушало все предприятия Наполеона; лучшие планы его не удавались; судьба вела его к гибели. Вдруг родилась в уме его исполинская мысль, один из отчаяннейших планов великого его гения**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 292); «**Наполеон не мог уже избежать генерального сражения**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 106); «**Наполеону ничего более не остается, кроме совершенного отречения**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 134); «**Ему оставалось одно средство: броситься между обеими их армиями и стараться разбить их порознь**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 91); «**Оставалось**

покориться необходимости и выступить обратно на зимние квартиры» (Леонид... с. 219).

Таким образом, процессуальные характеристики Наполеона связаны прежде всего с ведением военных действий, переговоров по поводу военных действий, переживаний по поводу успеха или неуспеха военных действий.

Процессуальные характеристики передаются в основном с помощью глаголов, глагольных форм и сопутствующих им наречий. Для описания мотивов и намерений Наполеона Р.М. Зотов использует глагольные формы *желал* (завоевать, видеть, заключить мир), *старался* (склонить на свою сторону), *стремился* (к достижению владычества), *устремился* (к Ульму, к истреблению). Желания Наполеона обуславливают его планы и замыслы, о которых Р.М. Зотов сообщает с помощью глаголов *замышлял*, *рассчитывал*, *думал*, *вздумал*, *родилась в уме мысль*, *надеялся*, *воображал*, *вознамерился*. При этом писатель часто говорит о желании Наполеона добиться цели как можно быстрее: *спешил заключить мир*, *быстрым движением хотел занять город*, *хотел сделать проще, скорее* и др. Действует Наполеон тоже обычно быстро и стремительно, о чём говорит употребление форм прошедшего время с аористическим значением: *смело атаковал*, *явился*, *бросился*, *разбил*, *завладел*, *опрокинул* и др. Для достижения цели Наполеон может проявить хитрость, *воспользоваться ошибкой* противника или оппонента. В случае неудачи о ней говорится как о некоторой внешней по отношению к Наполеону силе, о чём говорят глагольные формы, не предполагающие участия субъекта или предполагающее его пассивное, вынужденное участие: *не позволяет* (что-либо); *не мог избежать* (чего-либо); *не удаётся* (что-либо); *ничего не остаётся* (кроме чего-либо); *остаётся* (что-либо) и т.д. На происходящие события Наполеон реагирует эмоционально, он испытывает то *счастье* или *радость*, то бывает *огорчён* или *оскорблён*, то испытывает *негодование*, *досаду*, *беспокойство*, *нерешимость*, *раскаяние*; речь Наполеона тоже эмоционально окрашена, ср.: *весело сказал*, *с доверенностью сказал*, *проворчал сквозь зубы*, *вскричал*, *осыпал*

ругательствами и др. Но при этом Наполеон способен трезво оценить свои действия, признать, что совершил ошибку, и раскаиваться в этом.

В целом Р.М. Зотов использует для создания образа Наполеона целую систему языковых средств, которую можно в обобщённом виде представить в таблице 2. Схематическое изображение образа Наполеона см. также в Приложении 1.

Таблица 2

**Система языковых средств создания образа Наполеона
в романах Р.М. Зотова**

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	Наполеон; Бонапарте; антихрист; прохожий	первый полководец своего века; юный герой; новый император Франции; великий гений; человек, поработивший Европу; необыкновенный человек; первый военный гений своего века; гордый победитель всей Европы; победитель народов; преемник Карла Великого; старый эйлавецкий знакомец
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
<p>Внешность</p> <p><i>а) общий внешний облик:</i> простая и незначительная наружность; небольшой рост</p> <p><i>б) лицо:</i> смуглое и угрюмое лицо</p> <p><i>в) взгляд:</i> суровый, пронизательный, неотразимый, быстрый</p> <p><i>г) атрибуты:</i> тёплая серая шинель</p> <p>Система ценностей</p> <p><i>а) желание власти и славы</i> (беспредельное честолюбие, непомерное честолюбие, пагубное властолюбие, слишком славолубив, честолюбие не имеет пределов);</p> <p><i>б) война как способ достижения цели – антиценность на словах и ценность на деле</i> (никогда не любил войну – оживлялся при описании военных действий);</p> <p><i>в) балы и развлечения</i> (с удовольствием ездил по великолепным балам)</p> <p>Интеллектуальные качества</p> <p>великий гений</p>		<p>Мотивы и цели деятельности: <i>желание власти и обдумывание путей её достижения</i></p> <p>желал (завоевать, видеть, заключить мир), старался (склонить на свою сторону), стремился (к достижению владычества), устремился (к Ульму, к истреблению); замыслил, рассчитывал, думал, вздумал, родилась в уме мысль, надеялся, воображал, вознамерился</p> <p>Фактическое осуществление задуманного: <i>быстрые и решительные действия для собственной выгоды</i></p> <p>спешил заключить мир, быстрым движением хотел занять город, хотел сделать прощ, скорее; смело атаковал, явился, бросился, разбил, завладел, опрокинул; соглашался, обещал, но не исполнил; воспользовался ошибкою; скрыл свое негодование; единственно для усиления России приступил к переговорам для сохранения мира; на несколько дней заперся во дворце своем и никому не показывался</p> <p>Особенности речевого поведения: <i>речь эмоциональная, отражающая состояние персонажа</i></p> <p>с негодованием отверг... предложения, осыпав Меттерниха ругательствами; был в нерешимости; проворчал Наполеон сквозь</p>

	<p>зубы; вскричал Наполеон и почти отскочил от него</p> <p>Верификация: <i>раскаивается в ошибках</i> сильно был огорчён; с крайней досадой видел; с огорчением видел, что ... нет возможности воспользоваться новой своей победой; ошибся; всю жизнь раскаивался; ужасная ошибка; величайшая ошибка</p>
--	---

Как можно заметить, в описании образа Наполеона представлена нейтральная лексика (*небольшой рост; смуглое и угрюмое лицо; тёплая серая шинель; родилась в уме мысль; спешил заключить мир* и т.д.). Это говорит о том, что автор на лексическом уровне избегает явной идеализации или принижения образа, стремится показать его объективно.

Этот вывод подтверждается также тем, каким образом представлены языковые средства, характеризующие Наполеона, в речи автора-повествователя, других персонажей и в прямой речи Наполеона.

В речи автора (именно в ней содержится большая часть всех характеристик образа) отмечается прежде всего гениальность Наполеона. Автор показывает Наполеона как положительного персонажа, лексика с негативной коннотацией в его характеристике отсутствует. Ср.: *«Едва началась кампания 1805 года, едва гений Наполеона составил план к истреблению армии генерала Макка...»* (Леонид... с. 144).

Однако автор показывает и то, что Наполеон не терпит чужой критики относительно своих решений и отличается самоуверенностью. Ср.: *«В радостном излиянии своих заключений Наполеон искал всегда, кто бы ему потакал...»* (Леонид... с. 278); *«Но и в сем затруднительном положении Наполеон не отчаивался в своем гении, счастии и мужестве своего войска»* (Леонид... с. 581).

В словах автора описывается и такие черты характера Наполеона, как вспыльчивость, гневливость, которые он сам осознаёт и пытается сгладить. Ср.: *«Видно было, что, предавшись всему порыву своего гнева, он вдруг вспомнил о величии своего сана и безвинности стоявшего перед ним*

человека» (Два брата...); «Все, окружавшие Наполеона, ожидали ужаснейших следствий его вспыльчивости; напротив, он вдруг сделался тих и даже ласков»; «**Наполеон вспыхнул. Он уже и прежде был в самом дурном расположении, а теперь гнев его достиг высочайшей степени**» (Два брата...).

В речи других персонажей также представлены как положительные, так и отрицательные характеристики Наполеона.

Подданные относятся к императору с уважением и преданностью. Ср.: «...но в таком случае, государь, вините наши головы, а не **сердца, которых преданность к вам вечна, неизменна**» (Леонид... с. 473). Дипломат граф Л. характеризует Наполеона как человека, наделенного исключительно положительными качествами. Ср.: «**Величайший человек нашего времени, увеличивший пределы нашего отечества, давший доброму нашему Максимилиану королевский венец, ведущий полки наши к славе и победе под сению орлов своих**» (Леонид... с. 318).

Боевые соратники императора настроены по отношению к нему более критично. Так, в словах маршала Нея отмечается чрезмерное стремление Наполеона к славе. Ср.: «**Вы слишком заняты другим волокитством, и очень постоянным, в котором хоть и часто имели успех, но все еще недовольны. <...> За славою, государь**» (Леонид... с. 273).

В уста Жана Ланна вкладывается указание на то, что Наполеон принимает решения самостоятельно, не прислушиваясь к чьим-либо мнениям. Ср.: «... и сколько наши умники Сульт и Массена ни твердили, что это движение противно всем правилам стратегии, но вас ведь ни в чём не **переупрямишь...**» (Леонид... с. 274). Ср. ещё высказывания Ланна: «**Вот до чего довел нас этот негодный капрал! <...> Вот бедный Сент-Илер, друг и товарищ мой, заплатил уже своею жизнью за глупость вашего императора**» (Леонид... с. 409).

Маршал Жерар Дюрок не одобряет желания Наполеона заключить выгодный брачный союз. Ср.: «**Вы одни, лично, держите весь состав**

монархии; без вас все распадется на части. Ужель вы так мало цените свои дела и свою славу, что хотите облагородить их брачным союзом с другою династиею? <...> Взяв предлогом благо Франции, вы отвергаете Иозефину, вы отделяете человека от государя...» (Леонид... с. 451).

Барон Лилиенберг (он же Леонид, главный герой) тоже видит в Наполеоне отрицательные качества. Ср.: *«Признаюсь, я прежде обожал Наполеона. Герой Риволи, Маренго и Ульма восхищал моё воображение, и никогда в мою голову не пришла бы, кажется, мысль, что все эти победы только клонятся ко всеобщему порабощению и что трупы его союзников почитает он только ступенями к собственному своему возвышению. Но один случай открыл мне глаза, и с тех пор я возненавидел его»* (Леонид... с. 318).

В речи самого Наполеона его поступки представлены как продиктованные благородством и заботой о народе и армии (в том числе о противника). Ср., напр.: *«Если я вам могу быть в чем полезен, то очень буду рад, теперь ступайте. Кажется, вдали идет главный ваш отряд. Посоветуйте ему ретироваться, потому что я велю по нём сейчас стрелять из шести орудий»* (Леонид... с. 217). Наполеон осознаёт ответственность за жизнь своих солдат, и утверждает, что не желает кровопролитной войны. Ср.: *«Я не виноват, я должен беречь солдат»; «Я не враг ни народу, ни царю вашему. И тот и другой заслуживают полное уважение»*. Он на словах готов также сделать первый шаг для заключения мира. Ср.: *«Я не так самолюбив и готов первый сделать это предложение...»* (Два брата...).

Таким образом, контекстный и семантически-стилистический анализ языковых средств показывают, что Наполеон как историческая личность получает в романах Р.М. Зотова разностороннюю и в целом достаточно сбалансированную характеристику. Автор, по большей части восхищаясь гениальностью Наполеона, всё же отмечает (прежде всего устами других

персонажей) и недостатки его личности: чрезмерную самоуверенность, славолюбие, корыстные мотивы поступков, вспыльчивость в общении.

2.3. Языковые средства создания образа Александра I

В группе «Правители» наиболее полная характеристика даётся Александру I. Данный исторический деятель появляется в пяти произведениях Зотова: «Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра» (1832), «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона I» (1832), «Два брата, или Москва в 1812 году» (1851), «Таинственные силы, или Некоторые черты из царствования императора Павла I» (1859), «Две сестры, или Смоленск в 1812 году» (1860).

Образ Александра I в художественных произведениях уже привлекал к себе внимание исследователей, ср., напр.: Россомахин и др. 2013; Степанова 2007; Чернова 2010.

В произведениях Р. М. Зотова нам встретилось всего 136 контекстов, в которых характеризуется Александр I, из них количество контекстов с непроцессуальными характеристиками – 97 (53 лексических единицы), процессуальные характеристики представлены 36 контекстами (26 лексических единиц).

Стоит отметить, что у Р.М. Зотова практически **отсутствует описание вещного мира императора**: в характеристике образа Александра I автор не использует описание его личности через вещи и предметы быта.

Имеются контексты, в которых даётся портрет Александра I. При этом **отсутствует конкретная портретная характеристика**; автор говорит лишь о том, что Александр I был «образцом красоты, ума и любезности». Р.М. Зотов сосредоточивает внимание читателя на внутренних качествах, присущих монарху. Ср., напр.: «*В особенности первый был образцом красоты, ума и любезности*» (Таинственные силы... с. 140).

Автор использует для обозначения **титула** Александра I существительные *монарх (16), государь (10), император (2), царь (2), вождь*

(1). Несмотря на то, что все они принадлежат к одной лексико-семантической группе, они имеют некоторые различия. Покажем разницу между семантикой данных существительных.

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает следующие определения данным словам:

«**Монарх**, -а, м. Лицо, стоящее во главе монархии (общее название для царей, королей, императоров и т.п.)».

«**Государь**, -я, м. В древней Руси и царской России: наименование князя-правителя, царя».

«**Император**, -а, м. Титул некоторых монархов, а также лицо, носящее этот титул (первоначально, в Древнем Риме, почетный титул полководцев)».

«**Царь**, -я, м. Титул монарха в Московской Руси, в России до революции».

«**Вождь**, -я, м. 1. Общеизвестный идейный, политический руководитель. 2. В старину: военачальник, предводитель» (Ожегов, Шведова 2005).

Мы видим, что существительное *монарх* имеет наиболее широкое значение и, очевидно, поэтому используется автором чаще всего. Не случайно Р.М. Зотов употребляет и слова *государь*, *царь*, которые могли служить для наименования правителей ещё в Древней Руси. Также используется существительное *император*, являющееся прямым и наиболее точным названием титула, которое соответствует эпохе. Но частотность его употребления низкая, так как автору необходимо сделать акцент не на титуле, а на отношении подданных к правителю. Слово *вождь* использовано Р. М. Зотовым однократно; здесь данное существительное характеризует Александра I как военачальника.

Далее обратимся к **непроцессуальным характеристикам** Александра.

Наиболее широко у Р.М. Зотова представлены лексические единицы, характеризующие Александра I по интеллектуальному, интеллектуально-

эмоциональному, интеллектуально-эмоционально-физическому состоянию, свойству, качеству и их проявлению.

Р.М. Зотов называет Александра I *«истинным христианином»*: помимо отношения к определённому вероисповеданию, данное существительное характеризует правителя как человека с положительными моральными и нравственными качествами. Александр *«не возносится своей чудной победой»*, то есть он скромен и преуменьшает свои заслуги, считая, что русская армия одержала победу благодаря поддержке божественных сил.

Для создания образа персонажа автор использует лексические единицы семантического поля «Названия лиц», характеризующие лицо по интеллектуальным качествам (*гений*), по душевным и эмоциональным качествам (*христианин, ангел*), по социальному статусу (*царь, монарх, правитель, вождь, император, отец*).

Р.М. Зотов также широко использует абстрактные имена существительные, описывающие духовный мир, среди которых обозначения чувств, эмоциональных состояний и их проявления (*благодать, радость, счастье; любовь, умиление; участие*); черт характера, склада личности; душевных свойств и их проявления (*благосердие, великодушие, величие, красота* (души), *милосердие, снисхождение, снисходительность, щедроты, доблесть, решимость, твердость, кротость, смирение*); обозначения интеллектуальных качеств (*мудрость, ум, гений*). См. Русский семантический словарь 2002, 2003.

Приведём ряд примеров из произведений Р.М. Зотова: *«Россия же обязана своею славою и своим счастьем великодушной твёрдости монарха своего»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 469); *«Царствование его было непрерывною цепью щедрот и благодеяний; если б историки и исчислили все царственные подвиги его по лучшей части дел его, дел благотворений, изображения ангельской души и кротости сердечной в частной жизни незабвенного сего государя перо их никогда не возможет ни описать, ни исчислить»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 563); *«Гениальная*

реши́мость императора Александра не утратила этого опасного движения» (Два брата...); «У неё [России] был **добрый, великодушный государь**, у неё была православная вера, у неё был молодецкий штык, и с первой минуты нашествия никто из русских не сомневался в торжестве своего отечества» (Два брата...); «Не возносясь своей **чудной победой**, Александр, как **истинный христианин**, сказал: “Не нам, не нам, а имени Твоему!” И как этим **смирением**, так и **доблестью** заслужил историческое наименование **Благословенного**» (Леонид... с. 652).

Наиболее часто встречающимися являются следующие лексические единицы: *великодушный, великодушие (15), кроткий, кротость (7), милосердие, милосердный (4), мудрость, мудрый (3)*. Ср.: «**Кроткий Александр I** заключил 2 апреля договор с Англией» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 508); «**Великодушный Александр** решительно объявил: для сохранения политического бытия Пруссии твердо положить вести войну до крайности» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 553); «**Столь же милосердный** в победе, сколько **твердый** в несчастиях, издал здесь же император Манифест» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 61); «**Сколько мудрый сей государь** ни отклонял доселе все обстоятельства, могущие упрекнуть его в самовластии, но честь оружия его, всеобщая польза и самое человечество требовали деятельнейших и решительных мер» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с.113).

Имена прилагательные встречаются как в процессуальных, так и непроцессуальных характеристиках (преобладают, разумеется, в непроцессуальных – 28 лексических единиц). В основном это однокоренные с вышеперечисленными существительными слова, производные от них (*мудрый, кроткий, милосердный, великий, великодушный, гениальный, царский, ангельский, отеческий*). Данные прилагательные по семантике совпадают с производящими словами.

Встречаются имена прилагательные в сравнительной и превосходной степени (*священнее, любезнее, блистательнейший, величайший, лучший*,

обширнейший). При помощи этих прилагательных автор возвышает образ Александра I.

Для описания образа правителя Зотов использует также следующие имена прилагательные: *благодетельный, несравненный, достойный, сострадательный, миролюбивый, благочестивый, чудесный, добрый, достопамятный, незабвенный, истинный, юный, августейший* (в процессуальных характеристиках); *доблестный, славный, бесчисленный, бессмертный* (в непроцессуальных характеристиках). Как видим, это всё прилагательные мелиоративной окрашенности. Ср.: *«Россия...кто опишет её чувства при виде кротости, милосердия и отеческого попечения юного ее монарха? И без славных подвигов, совершенных им впоследствии, одною благостью, мудрым законодательством и распространением просвещения между своими подданными был бы он благодетельным гением своего народа, одним из величайших государей в летописях России»* (Таинственные силы... с. 486); *«Если б, описывая внутренние происшествия России, наслаждавшейся счастьем под благотворным скипетром миролюбивого государя, надлежало в подробностях исчислять все изливаемые им на подданных своих благодеяния, то описание каждого года составило бы целые томы»* (Таинственные силы... с. 500).

Процессуальные характеристики представлены в основном глаголами (26 лексических единиц). Глаголы также могут быть разделены на группы в зависимости от их семантики с опорой на Русский семантический словарь 2007, ср.:

1) глаголы с ослабленной знаменательностью (*заслужить; становиться; приступить; совершать; долженствовать; возвести, принимать, принять участие*);

2) глаголы со значением собственно активного действия (*возвратить; исполнить, устроить; распространить; искать; даровать, наградить; спешить*);

- 3) глаголы со значением мысли, чувства, воли (*обратить внимание; надеяться*);
- 4) глаголы, обозначающие чувства, эмоции, нравственные состояния (*удивиться*);
- 5) глаголы со значением воли, требования, желания, терпения, побуждения (*велеть, повелевать, настоять; соизволить; решиться*);
- 6) глаголы со значением контакта (*ободрять*);
- 7) глаголы, обозначающие передачу, получение сообщения, обмен информацией (*объявить*).

Ср.: *«1802 год еще более доказал России отеческую любовь ее монарха. Возвратив в прошлом году дворянству все его преимущества, он обратил внимание и на благосостояние низших сословий»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 488); *«Александр I, достойный потомок Великого Петра и по подвигам своим, и по любви к народу, распорядился действиями праздника и привел в умиление все сердца знаками благоговейного почтения своего ко всем предметам, касающимся до Петра I»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 496); *«Распространение просвещения было любимейшим предметом великодушного монарха. Многочисленные заведения устраивались повсюду благотворною десницею Александра I»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 500); *«Александр I, вступая с ним в борьбу, искал не увеличения державы своей, а одного мира и безопасности Европы»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 572); *«Таковыми мерами Александр I более и более распространял отрасли промышленности и торговли, ободрял сословия и награждал трудолюбие»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 546); *«Российский монарх принимал деятельное участие в истреблении мятежных замыслов карбонариев»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 2, с. 172).

В целом в произведениях Р. М. Зотова создается образ правителя, который достаточно активен, деятелен, заботлив, осуществляет одновременно несколько действий, которые обозначаются комбинацией

«глагол-сказуемое + деепричастие» или однородными глаголами-сказуемыми, ср.: «...**возвратив** в прошлом году дворянству все его преимущества, он **обратил внимание** и на благосостояние низших сословий» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 488), «**возвел** любимый свой загородный дворец Царское Село на степень уездного города... **даровав** многие привилегии поселяющимся в оном» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 576), «**распространял** отрасли промышленности и торговли, **ободрял** сословия и **награждал** трудолюбие» (Двадцатипятилетие Европы... Ч. 1, с. 546). Но, как можно заметить, деятельность Александра изображается во многом декларативно. Характер Александра I ровный, о чём позволяет говорить употребление лексики с соответствующей семантикой.

Представим систему языковых средств, характеризующих образ Александра I в произведениях Р.М. Зотова, в таблице 3. Схематическое изображение образа Александра I см. также в Приложении 2.

Таблица 3

**Система языковых средств создания образа Александра I
в романах Р.М. Зотова**

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>монарх, государь, император, царь, вождь</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	–	–
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
Система ценностей <i>истинный христианин</i> Интеллектуальные качества <i>гений, мудрость, ум</i> Черты характера, душевные качества <i>кротость, смирение, благосердие, великодушие, снисхождение, щедроты, доблесть, решимость, твёрдость; мудрый, кроткий, милосердый, великий, великодушный, гениальный, ангельский, отеческий</i>		Фактическое осуществление задуманного: <i>забота о благе подданных и распространение своей воли</i> <i>заслужить; становиться; приступить; совершить; долженствовать; возвести, принимать, принять участие; возвратить; исполнить, устроить; распространить; искать; даровать, наградить; спешить; обратить внимание; надеяться;</i> Особенности речевого поведения: <i>отсутствие ярких эмоций, волеизъявление</i> <i>удивиться, велеть, повелевать, настоять; соизволить; решиться, ободрять, объявить</i>

Далее обратимся к вопросу о распределении характеристик Александра по речевым фрагментам, принадлежащим автору, другим персонажам и самому Александру I.

В речи автора подчёркиваются такие черты императора Александра I, как его кротость и постоянная забота о подданных. Ср.: «...и если **кротость** его отвергла суетные похвалы народов, то каждый русский с некоторою гордостью взирал на свыше благословенного своего царя...» (Двадцатипятилетие Европы... Ч.2, с. 149); «И во время самого наводнения **заботился император Александр, подобно нежному отцу, о спасении несчастных <...> явил себя истинным ангелом-хранителем, нежнейшим отцом своих подданных**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч.2, с. 184–185).

Подданные, в описании автора, отвечают императору любовью и преданностью, впадая при виде него в «радостное исступление»: Ср.: «...его поминутно останавливали на дороге, **целовали ноги, руки, мундир, плакали, кричали «ура!»**, бросали шляпы, становились на колени, одним словом, это было **радостное исступление...**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч.2, с. 136).

Смерть императора, по словам автора-повествователя, становится значительной утратой для всех. Ср.: «**Как всякое красноречие бессильно бы было выразить нашу скорбь**, так все похвалы ничтожны пред делами и добродетелями **Благословенного**. Горесть августейшей супруги его сильно, кратко и величественно выразила известие о кончине великодушнейшего из монархов, и слова её остались девизом для всех русских: “**Наш ангел на небеси!**”» (Двадцатипятилетие Европы... Ч.2, с. 186).

Автор явно восхищается императором. Ср.: «...соединив с **блеском знаменитейших подвигов добродетельнейшую душу, неизреченную кротость, сердоболие и нежнейшую попечительность истинного отца отечества**, не имея в летописях мира себе равного, да будет отличен от всех владык земли священным названием **Благословенного**» (Двадцатипятилетие Европы... Ч.2, с. 190).

Исключительно положительная характеристика даётся Александру I и **в речи других персонажей** романов. Так, жид Мозес говорит: «**Я сам его своими глазами видел. Какой молодец собою, какой ласковый ко всем,**

добрый; какой у него взгляд!» (Леонид... с. 222). Пустынник, один из главных героев романа «Два брата...», оценивает любые, даже самые неоднозначные действия Александра I положительно. Ср.: *«Я не занимаюсь политикою и не знаю намерений моего государя, но уверен, что, отдав Москву, свою первопрестольную столицу, без боя, он тем самым доказал, что готов на все пожертвования, чтоб сохранить честь своей короны и достоинство имени русского»* (Два брата...).

Даже в речи Наполеона Александр I характеризуется положительно: как добрый и великодушный правитель. Ср.: *«Он добр и великодушен»* (Два брата...).

В речи самого Александра I даются такие самохарактеристики: *«Ни завоевание Франции, ни владычество над нею никогда не были нашею целью; мы желаем только узнать желания самой нации и поддержать их. Мы хотим, чтобы народ ваш был велик, счастлив и свободен»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч.2, с. 130) – в данном отрывке император говорит о своих благородных целях. Однако он говорит о своей непреклонности по отношению к врагам внешним и внутренним: *«Строгость военных законов и субординация составляют силу моей армии. Исполнение этих законов – мой первый долг. Один пример послабления может иметь вредные последствия...»* (Леонид... с. 287).

Христианское смирение заставляет Александра I отказаться от титула «Благословенного». Ср.: *«Да соорудится мне <...> памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам. Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моём благословляю оный!»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч.2, с. 136).

Таким образом, автор всеми средствами воплощает на страницах своих произведений образ идеального правителя, который относится к подданным, как отец, и вызывает у всех чувства благоговения и абсолютного уважения. В создании образа Александра I у Р.М. Зотова отсутствуют слова, имеющие негативную коннотацию, причём мы можем наблюдать это на уровне как

процессуальных, так и непроцессуальных характеристик личности. Части речи, которые использует Зотов, помогают создать цельный образ правителя, обладающего исключительными личностными качествами, совершающего только положительные поступки. Заметим, что среди процессуальных характеристик Александра I не представлены лексические единицы со значением мотивов, целей, намерений, замысла и лексические единицы, связанные со сферой верификации. Александр показан лишь на стадии осуществления неких действий, причём все они представлены как изначально мудрые, справедливые, правильные, успешные (и потому, очевидно, не требующие верификации). Подобная характеристика обусловлена как личным отношением писателя к данной исторической личности, так и объективными заслугами Александра I.

2.4. Языковые средства создания образа Екатерины II

Образ Екатерины II открывает в нашей работе характеристику женских образов в романах Р.М. Зотова.

Образ Екатерины II находим в четырёх произведениях: «Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра» (1832), «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона I» (1832), «Таинственные силы, или Некоторые черты из царствования императора Павла I» (1859), «Шапка юродивого, или Трилиственник» (1839). В этих произведениях нам встретилось 47 контекстов, в которых характеризуется Екатерина II.

Количество контекстов, в которых даются процессуальные характеристики – 10 (8 лексических единиц). Непроцессуальные характеристики представлены 37 контекстами (29 лексических единиц).

Имена существительные, использованные Р.М. Зотовым для **номинации** Екатерины II, могут быть описаны с опорой на классификацию «Русского семантического словаря». Среди этих номинаций представлены общие обозначения (*лицо*); названия лица по интеллектуальному качеству (*гений, мудрец*); по социальному состоянию, действию, функции (*владычица,*

хозяйка; мать); по роду занятий, характеру деятельности (*журналист, литератор, поэт; государыня, императрица, принцесса; законодательница*).

Для создания целостного образа с помощью **непроцессуальных характеристик** автор использует имена существительные (29 лексических единиц) и прилагательные (17 лексических единиц).

Абстрактные существительные при этом немногочисленны (9 лексических единиц: *благосклонность, величие, дар, добро, красота, милость, намерение, свет, счастье*). Для описания качеств, которыми наделена Екатерина II, Р.М. Зотов использует в первую очередь прилагательные: *современный, истинный, великий, величественный, мудрый, умнейший; добрейший, заботливый, милостивый, любезнейший, самолюбивый; самодержавный; благотворный, ласковый, волшебный, очаровательный*. Как видим, это прилагательные с нейтральной, а чаще с яркой положительной окрашенностью.

Процессуальные характеристики представлены, по преимуществу, глаголами (12 лексических единиц), а также именами существительными (9 лексических единиц). Глаголы образуют следующие группы (согласно «Русскому семантическому словарю»):

- 1) глаголы с ослабленной знаменательностью, дейктические глаголы (*соделаться; хотеть; обеспечить; вести, совершить*);
- 2) глаголы со значением собственно активного действия:
 - а) общие обозначения (*распространять, направлять; награждать; успевать*);
 - б) мысль, чувство, воля (*одушевлять; одобрять*);
 - в) занятия, отдых (*царствовать; отдыхать*).

Имена существительные, использованные для процессуальной характеристики, как правило, входят в состав сказуемого (*соделалась обладательницей* (Двадцатипятилетие Европы... Ч.1, с. 474), *«вела переписку»* (Таинственные силы... с. 10), *«успела совершить подвиги»*,

«хотела издать благотельный кодекс» (Таинственные силы... с. 10), *«обеспечить порядок престолонаследия»* (Таинственные силы... с. 13).

Р.М. Зотов акцентирует внимание на внутренних качествах императрицы, не давая портретной характеристики – он лишь говорит, что *«величественная красота её поразила всех присутствующих»* (Шапка юродивого... с. 619), что взгляд её очаровывает. Автору гораздо более важно показать, какими добродетелями обладает императрица. Анализ лексических единиц позволяет нам говорить о том, что образ Екатерины II представлен в исключительно положительном свете. Это *«мудрая законодательница»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч.1, с. 475), *«умнейшая голова <...> в Европе»* (Таинственные силы... с. 107), *«гений»*. Зотов показывает, что Екатерина умна. Её интересует литература, журналистика, поэзия. Также императрица является *«источником добра, света и милостей»* (Таинственные силы... с.10) для своих подданных, которые относятся к ней с почтением, благоговением. Она заботится о своей державе, но при этом является *«любезнейшею в свете хозяйкою или матерью семейства»* (Таинственные силы... с. 19). Она *ласкова и благосклонна*.

Стоит отметить, что Р.М. Зотов характеризует Екатерину чаще при помощи именных частей речи, показывая в то же время процесс её возвышения. Так, он перифрастически называет её *«немецкой принцессой незначащего княжества»* (Таинственные силы... с. 10), *«первым истинно русским государем»* (Таинственные силы... с. 10), *«самодержавной государыней»* (Таинственные силы... с. 10), *«заботливой императрицей»* (Таинственные силы... с. 13), *«истинной владычицей сердец полувселенной»* (Шапка юродивого... с. 619).

Несмотря на внешнюю мягкость, Екатерина II обладает характером правителя, внутренней силой. И хотя императрица обладает властью, она не использует её в корыстных целях. Екатерина II стремится к укреплению и просвещению государства, правит разумно. *«Царствование Екатерины было удивительное, блистательное»* (Таинственные силы... с. 10), она *«проявляла*

попечительность о благе и просвещении народа» (Двадцатипятилетие Европы... Ч.1, с. 475), «*направляла <...>, одушевляла, одобряла, награждала: одним словом, – она царствовала»* (Таинственные силы... с. 168). Благополучное, крепкое, а также просвещенное государство – её цель. Екатерина II «*вела прекраснейшую переписку со всеми знаменитыми философами XVIII века»* (Таинственные силы... с. 10), совершала «*великие подвиги для славы и счастья современной России»* (Таинственные силы... с. 11).

Представим систему языковых средств, характеризующих образ Екатерины II в произведениях Р.М. Зотова, в таблице 4. Схематическое изображение образа Екатерины II см. также в Приложении 3.

Таблица 4

Система языковых средств создания образа Екатерины II в романах Р.М. Зотова

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>лицо, гений, мудрец; хозяйка, владычица; императрица, принцесса; мать, журналист, литератор, поэт; государыня; законодательница</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	<i>немецкая принцесса незначащего княжества; первый истинно русский государь; самодержавная государыня; заботливая императрица</i>	<i>отражение божества; истинная владычица сердец полувселенной</i>
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
Внешность <i>величественная красота</i> Система ценностей <i>добро, счастье</i> Интеллектуальные качества <i>мудрая, умнейшая</i> Черты характера, душевные качества <i>благосклонность, дар; милость величие, свет, счастье; добрейшая, заботливая, милостивая, любезнейшая, самолюбивая</i>		Фактическое осуществление задуманного: <i>забота о благе подданных и распространение своей воли</i> <i>хотеть; обеспечить; вести, совершить; распространять, направлять; награждать; успевать; одушевлять; одобрять; царствовать; отдыхать соделалась обладательницей; успела совершить подвиги, хотела издать благотельный кодекс, обеспечить порядок престолонаследия</i> Особенности речевого поведения: <i>вела переписку</i>

При создании образа Екатерины II, как и при создании образа Александра I, использованы слова с положительными коннотациями и мелиоративной оценкой, так как цель автора – создать идеальный образ

императрицы, по-матерински заботливой по отношению к собственным детям и к подданным.

По большей части образ Екатерины II создаётся **в речи автора**. Автор отмечает положительное влияние Екатерины на развитие страны. Ср.: *«Славный, дивный век был для России – век Екатерины II!»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч.1, с.7). Ср. также: *«...сия попечительность о благе и просвещении народа более, нежели ряды побед, соделали её достойною имени Великой». Она была мудрою законодательницею...»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч.1, с. 476). Р.М. Зотов описывает правление Екатерины II и с помощью метафорических выражений. Ср., напр., развёрнутую метафору в следующем отрывке: *«Царствование Екатерины II в 1796 году похоже было на прекрасный, длинный, тёплый, плодотворный июльский день, тихо и прелестно склоняющийся к вечеру. Много жатвы, самой благодетельной и обильной, собрано было в этот день, и семена этой жатвы могли в будущем принести сторицею плоды. <...> В европейской политике Екатерина была тогда первым лицом в Европе»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч.1, с. 140).

В речи других персонажей поддерживается авторская оценка Екатерины II. Так, баронесса Оберкирх говорит: *«У вас теперь <...> великая государыня на троне. Она выдвинула Россию в самое сердце Европы <...>. Она готова с философами и энциклопедистами переписываться и рассуждать об утопиях, но в делах царствования идёт спокойно вперед и упрочивает силу своей державы»* (Двадцатипятилетие Европы... Ч.1, с. 27).

Герой романа «Таинственные силы...» граф Силин относится к императрице с благоговением. Ср.: *«...граф отвечал, что выше той награды, которую в эту минуту получил, то есть лицезрения и ласкового слова своей государыни, он и не желает»* (Таинственные силы... с. 18); *«Я во всяком звании постараюсь заслужить милости вашего величества»* (Таинственные силы... с. 21).

Король Германии Иосиф II также отзывается об императрице положительно. Ср.: *«Удивительная великая государыня! Моя незабвенная родительница чрезвычайно уважала ее и ставила мне в образец»* (Таинственные силы... с. 66).

Сама Екатерина признаёт своё самолюбие: *«...я самолюбива»* (Таинственные силы... с. 22), но подчёркивает, что для неё важнее всего судьба страны: *«Я пламенно люблю Россию и желаю ей добра»* (Таинственные силы... с. 22).

В целом мы можем констатировать, что образ Екатерины II, созданный Р.М. Зотовым, является явно идеализированным, в нём отсутствуют какие бы то ни было отрицательные или просто малопривлекательные черты.

2.5. Языковые средства создания образов царевны Софьи и императрицы Марии Федоровны

Образ царевны Софьи встречаем в романе Р. М. Зотова «Таинственный монах», образ Марии Фёдоровны – в романе «Таинственные силы...».

Образ **царевны Софьи** складывается из процессуальных и непроцессуальных характеристик. Непроцессуальные характеристики находим в 6 контекстах, процессуальные – в 18 контекстах.

Для номинации персонажа используются следующие лексические единицы: *соцарственная правительница государства, милостивая государыня, государыня, царевна, правительница царства Русского царица Софья*.

Преобладают **процессуальные характеристики**. В большинстве случаев Софья отдаёт приказы или даёт разрешение другим лицам совершать какие-либо действия. Ср.: *«Царевна Софья дозволила ему явиться к ней; – А вот видишь выдала и приказала схватить тебя; ...поручила Грише отнести ее по принадлежности; Царевна приказала ему спрятаться в её опочивальне»* (Таинственный монах).

Действия Софьи и речь характеризуют её как активную, властную личность. Она прибегает к хитрости, чтобы достичь своей цели. Софья нетерпелива и эмоционально неустойчива – об этом свидетельствуют глаголы *перебивать, вскричать, вспыхнуть*. Ср.: *«Правительницею была назначена вдова Царица Наталья Кирилловна, но по проискам дочери её властолюбивой Софии это не состоялось»*; *«Это разделение давало Софии верный способ к захвату в свои руки самодержавия...»*; *«Прошло три недели в горячей, но безуспешной преступной деятельности Софии»*; *«Она сама захватила в свои руки бразды правления»*; *«она настояла, чтобы на престол вступил Иоанн»*; *«она задумала избавиться впоследствии от них удалением их с государственного поприща хитростью или силою, происками или новыми злодеяниями»*; *«– Величеству, боярин! – перебила его София, вспыхнув от негодования»*; *«– Говори же скорее, что тебе от меня надобно? – запальчиво спросила София»*; *«– Однако ж, благодаря самовольным распоряжениям Сергеева и Гордонова войска уже отправились, – перебила его София»*; *«– Изменник! Как он смел? – вскричала София»*; *«Царевна быстро пробежала глазами бумагу от брата Иоанна, написала ответ и поручила Грише отнести ее по принадлежности, а посланному от царя Петра дозволено было войти»* (Таинственный монах).

Софья умеет притворяться, когда ей это необходимо. Ср.: *«– Добро пожаловать, боярин! Здорово ли поживаешь? – притворно ласковым тоном спросила София»* (Таинственный монах).

Она осознаёт, что её действия незаконны, и боится наказания. Ср.: *«Царевна София побледнела и задумалась»*; *«...а сама стала ходить большими шагами по комнате, придумывая средство к спасению»*; *«– Что еще? – спросила София с беспокойством»*; *«– Какого еще приказания? – быстро спросила встревоженная царевна, бросив украдкой свой взор на двери опочивальни своей»*; *«В эту минуту двери быстро растворились и, медленно, но величественно вошел царь Иоанн Алексеевич. София замолкла,*

а остальные присутствующие с почтением поклонились в пояс» (Таинственный монах).

Софью насильно постригают в монахини, но она намеревается вернуть власть в свои руки. Ср.: *«Царевна София, хотя и пострижена была в монахини, но все еще не оставляла своих помыслов возвратить власть в свои руки, тайно сносясь при помощи немногих своих приверженцев с опальными стрельцами»*; *«У монаха Ионы между прочим созрел в голове план идти в Москву на выручку царевны Софии, томившейся в стенах монастыря»* (Таинственный монах).

Имена существительные, создающие образ царевны, называют её по социальному, сословному положению (*царевна, государыня, правительница*). Ей свойственная активная *деятельность*, при этом ради *власти и самодержавия* она готова идти на *злодеяния и происки*. В ходе осуществления своих планов Софья испытывает разные чувства и эмоциональные состояния (*радость; негодование*).

Глаголы, которые характеризуют царевну Софью, могут быть систематизированы с опорой на классификацию, предлагаемую в «Русском семантическом словаре» (2003):

- фазовые глаголы (*не оставлять своих помыслов*);
- глаголы приобретения, получения (*захватить; возвратить*);
- глаголы созидания, исполнения, приготовления (*развернуть*);
- глаголы мысли (*задуматься*);
- глаголы чувств и эмоций (*вспыхнуть; томиться*);
- глаголы волеизъявления (*приказать; настоять; поручить; дозволить; задумать*);
- глаголы проявления внимания, интереса (*бросить взор*);
- глаголы избавления (*избавиться*).
- глаголы действия, неотделимые от поведения (*ходить*);
- глаголы антиобщественного и антисоциального поведения: измена, предательство, шпионаж (*выдать*);

- глаголы участия в контактах (*сноситься*);
- глаголы речи и обмена информацией: (*спросить, замолкнуть, вскричать, перебивать, пробежать (глазами)*).

Как видим, уже сами рубрики, в которые попадают субстантивные и глагольные единицы, характеризующие царевну Софью, говорят о её статусе (*царевна, государыня, правительница*), сфере деятельности и интересов (*власть, самодержавие*), способах достижения цели (*злодеяние, происки; захватить*), а также об эмоциях (*радость, негодование; вспыхнуть, томиться* и др.), переживаемых при совершении тех или иных действий, в тех или иных ситуациях.

Мы не классифицируем имена прилагательные, так как при создании образа Софьи автор использовал только 8 лексем: *ласковый тон, властолюбивая София, горячая, но безуспешная преступная деятельность, новые злодеяния, горделивая радость, большие шаги*. Однако использованные Р.М. Зотовым прилагательные дают весьма яркую качественную характеристику царевне Софье как женщине, стремящейся любыми путями захватить власть. Представим систему языковых средств, характеризующих образ царевны Софьи, в таблице 5. Схематическое изображение образа царевны Софьи см. также в Приложении 4.

Таблица 5

Система языковых средств создания образа царевны Софьи

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>царевна, государыня, правительница</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	<i>соцарственная правительница государства, милостивая государыня, государыня, правительница царства Русского царица София</i>	–
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
Система ценностей <i>власть, самодержавие</i> Интеллектуальные качества <i>хитрость</i> Черты характера, душевные качества <i>властолюбивая, горячая</i>		Мотивы и цели деятельности: <i>захват самодержавия</i> <i>задумала; задумалась; придумывая; не оставляла помыслов (возвратить власть в свои руки); захват самодержавия</i> Фактическое осуществление задуманного: <i>готовность действовать</i>

	<p>незаконными методами избавиться хитростью или силой, происками или новыми злодеяниями; происки; преступная деятельность; захватила бразды правления</p> <p>Особенности речевого поведения: <i>речь эмоциональная, сопровождается действиями</i></p> <p>дозволила; приказала; поручила; перебила; вспыхнув от негодования; запальчиво спросила; притворно ласковым тоном спросила; спросила с беспокойством; быстро спросила; встревоженная; побледнела; стала ходить большими шагами; быстро пробежала глазами; бросив украдкой взор</p>
--	---

Языковые средства, использованные писателем для характеристики царевны Софьи, дают очень яркое представление о её целях (*захват самодержавия*), методах достижения цели (*происки, злодеяния, захват власти*), проявляемых при этом качествах (*властолюбие, хитрость*), манере речи (*приказала, поручила, дозволила, перебила, быстро спросила, запальчиво спросила*), испытываемых эмоциях (*встревоженная, притворно ласковый тон, вспыхнув от негодования*).

Можно обнаружить явное сходство между характеристикой Р.М. Зотовым Наполеона и Софьи: оба персонажа жаждут получить власть и на время её получают, причём приходят к ней незаконным путём; оба действуют насильственными методами (война у Наполеона, происки и злодеяния у Софьи), оба действуют быстро, по натуре являются людьми импульсивными и эмоциональными. При этом Софья наделена рядом типично мужских черт – она стремится к власти и активно за неё борется, любит приказывать и не терпит неповиновения и даже ходит по-мужски, «*большими шагами*».

Все приведённые выше характеристики образа Софьи представлены **в речи автора**.

Иными средствами создаёт Р.М. Зотов образ императрицы Марии Фёдоровны, жены императора Павла I.

Образ Марии Фёдоровны также составляется из процессуальных (1 контекст) и непроцессуальных (11 контекстов) характеристик.

Р.М. Зотов описывает внешность Марии Фёдоровны, а также её внутренние качества. Автор отмечает только положительные качества Марии Фёдоровны, создавая тем самым идеальный образ: *Ср.: «Мария Фёдоровна – принцесса Доротея – могла считаться первой красавицей в Европе. Правильные и нежные черты лица, высокий рост, величественная походка – казалось, она создана была для короны»* (Таинственные силы... с. 14); *«Ко всему этому присоединялось самое доброе и великодушное сердце. С самых молодых лет она находила величайшее удовольствие в том, что делала добро»* (Таинственные силы... с. 14); *«Впоследствии была она тою государынею, которая могла служить образцом всех земных добродетелей. Посреди блистательнейших торжеств двора Екатерины II великая княгиня Мария сохранила свою простоту, величие и любезность»* (Таинственные силы... с. 16); *«Прекрасная душа Марии Фёдоровны и любовь её к супругу, которого она везде описывает образцом прекраснейших качеств»* (Таинственные силы... с. 17); *«твой верный, нежный друг Доротея»* (Таинственные силы... с. 15).

Мария Фёдоровна испытывает страх и благоговение перед Екатериной II. Императрица представляется ей идеалом, которому она, по её мнению, не соответствует. *Ср.: «Я страх как боюсь Екатерины. Она представляется такой героинею в глазах моих, что я всегда буду робеть перед нею. Боюсь показаться ей дурачкою»* (Таинственные силы... с. 14).

Мария Фёдоровна скучает по родине, но она довольна своей судьбой. *Ср.: «Только в последний день тоска по родине охватила сердце её. Ей стало грустно, что она покидает мать, отечество, замок, в котором так весело провела своё детство»* (Таинственные силы... с. 15); *«Я довольна, я счастлива»* (Таинственные силы... с. 15).

Процессуальные характеристики представлены одним контекстом. Это верификация – здесь описывается сопоставление фактического результата,

полученного героиней, с предполагаемым. Мария Фёдоровна становится женой наследника престола Павла I, что превосходит её ожидания. Ср.: «*Мой успех превзошёл все мои надежды*» (Таинственные силы... с. 15).

При создании образа Марии Фёдоровны Р. М. Зотов использовал 29 лексем, из них 10 – имена существительные, 9 – имена прилагательные, 6 – глаголы, 2 – слова категории состояния.

Мария Фёдоровна получает характеристику по внешней привлекательности или непривлекательности (*красавица*); сама себя считает человеком со средними способностями (*дурочка*), но попавшей в удачные стечения обстоятельств (*успех, корона*). Ей свойственно переживание глубоких эмоций и состояний (*надежда*), она благочестива и добра, о чём говорит использование слов *добродетель, сердце, образец (добродетели), добро*.

Глаголы, характеризующие Марию Фёдоровну, это глаголы отношения (*превзойти*); приписывания признака (*считаться*), активного действия, деятельности (*делать, создать*), а также глаголы боязни (*бояться, робеть*).

Также автор использует при характеристике Марии Фёдоровны прилагательные: *правильные и нежные черты лица, высокий рост, величественная походка, самое доброе и великодушное сердце, земные добродетели, верный друг, прекрасная душа*. Данные прилагательные создают возвышенный образ, приближенный к идеалу как внешне, так и внутренне.

Проведённый анализ семантики лексем позволяет говорить о том, что Р. М. Зотов показывает будущую императрицу Марию Фёдоровну только с положительной стороны. Она наделяется различными добродетелями; автор отмечает её внешнюю красоту, доброту и вместе с этим робость, присущую женщине. Представим систему языковых средств, характеризующих образ императрицы Марии Фёдоровны, в таблице 6. Схематическое изображение образа Марии Фёдоровны см. также в Приложении 5.

**Система языковых средств создания образа
императрицы Марии Фёдоровны**

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>Мария Фёдоровна, Доротея, принцесса</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	<i>великая княгиня</i>	–
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
Внешность <i>правильные и нежные черты лица; высокий рост; величественная походка; могла считаться первой красавицей в Европе</i> Черты характера, душевные качества <i>самое доброе и великодушное сердце; верный друг; прекрасная душа; образец всех земных добродетелей; простота, величие, любезность; робость (перед Екатериной)</i>		Фактическое осуществление задуманного: <i>делала добро</i> Верификация: <i>довольна жизнью</i> <i>мой успех превзошёл все мои надежды; довольна, счастлива (несмотря на тоску по родине)</i>

Образ Марии Фёдоровны создаётся преимущественно **в речи автора**. Р.М. Зотов обращает внимание на её *«прекрасную душу»* (Таинственные силы... с. 17).

Также Мария Фёдоровна характеризуется в речи **других персонажей**. Например, баронесса Оберкирх говорит о Марии Фёдоровне так: *«Сердце этой великой принцессы <...> должно быть открыто для всех. Я берегу ее письма, как святую драгоценность, и непременно напечатаю их, чтобы Европа разделила мои чувства удивления и обожания к моей волшебнице Доротее»* (Таинственные силы... с. 25). Она же волею автора выражается так: *«Любовь к Доротее могу я назвать истинною страстью»* (Таинственные силы... с. 40).

Персонаж граф Силин отмечает *«природное величие и прелесть»* (Таинственные силы... с. 98) Марии Фёдоровны.

Таким образом, можно отметить полностью положительное изображение Марии Фёдоровны.

В целом женские образы, прототипами которых являются исторические личности, в произведениях Р.М. Зотова немногочисленны. Можно отметить следующие особенности, которые отличают их от мужских образов в исторических произведениях данного автора:

1) при создании женских образов преобладают слова, описывающие внутренний мир, эмоции, переживания персонажа;

2) в образе Софьи Зотов соединяет черты образа «Правителя» и образа женщины; в отдельных случаях можно говорить о том, что Софья наделяется мужскими чертами, что проявляется в ее решительности, настойчивости.

3) образ царицы Софьи противопоставлен по способу его воплощения образам Екатерины II и Марии Фёдоровны. Екатерина представлена как идеальная правительница, обладающая и высоким интеллектом (*мудрая, умнейшая*), и высокими моральными качествами (*добрейшая, заботливая, благосклонная*), царствующая на благо подданных (причём подробной процессуальной характеристики конкретных поступков Екатерины писатель не даёт, это некое «абстрактное» царствование). Образ Марии Фёдоровны также идеализирован, причём акцент сделан на её душевных качествах (на непроцессуальных характеристиках). Однако в образе царицы Софьи преобладают процессуальные характеристики, при этом Софья представлена в реалистическом ключе.

2.6. Языковые средства создания образов А.В. Суворова и М.И. Кутузова

Объектом рассмотрения в данном разделе являются языковые средства, используемые Р.М. Зотовым для создания образов известных полководцев Александра Васильевича Суворова и Михаила Илларионовича Кутузова.

Образ Кутузова находим в произведениях «Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I» и «Два брата, или Москва в 1812 году», образ Суворова – в произведениях «Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I» и «Таинственные силы, или Некоторые черты из царствования императора Павла I». Количество контекстов, в которых дается характеристика Суворова – 48, Кутузова – 32.

Рассмотрим вначале **образ Суворова**.

Для **номинации** Суворова автор использует различные существительные: *гений, герой, полководец, генерал, фельдмаршал, воин, старичок-оригинал, чудака, (старый) хрыч*. Эти существительные неоднородны по своему значению. Лексемы *воин, полководец, генерал, фельдмаршал* можно отнести к функциональным номинациям, они сообщают о том, кем является персонаж по роду деятельности, по выполняемым «функциям». Лексемы *герой, чудака, хрыч, старичок-оригинал* относятся к характеризующим предикатам и дают персонажу ту или иную оценку, различаясь также по стилистической окраске. Оценочные коннотации данных лексем обусловлены тем, кто именно и в какой ситуации говорит о Суворове.

Непроцессуальные характеристики Суворова представлены в 15 контекстах и заключены в таких языковых единицах, как *великий гений его [Суворова]; итальянский герой; гений и решимость Суворова; первый герой своего времени; странности в речах и обхождении; оттенок загадочности; вертлявый, шутливый старичок-оригинал; серьезный, важный, холодный полководец; чудака; лучший генерал в Европе; любезность и ласковость; бессмертный Суворов; почтенный генерал; блистательнейшие победы Суворова; старый хрыч (Таинственные силы...)*.

Прилагательные, описывающие Суворова, немногочисленны, но позволяют создать определённый образ, указывая на возраст (*старый*), отношение общества (*великий, бессмертный, почтенный*), эмоциональные состояния и их проявления (*холодный*), разные черты характера, склада личности (*серьезность*). Суворов представлен как *первый, лучший* в своем деле, но при этом он обладает оригинальным характером (*шутливый, вертлявый*).

Процессуальные характеристики Суворова даются в 33 контекстах, например: «*Суворов захлопал руками и запел петухом*»; «*Явился великий князь – и в то же время не только изменились приемы Суворова, но даже физиономия его мгновенно приняла другое выражение*»; «*Суворов,*

*нарушая этикет, вскочил со своего места и, подбежав к великому князю Константину Павловичу, с жаром поцеловал его руку»; «Суворов <...> разыграл при самом вступлении в город довольно забавную комедию, чтобы избавиться от всех народных восторгов»; «Фельдмаршал **рвёт и мечет**. Вчерашнее сражение ужасно **рассердило** его» (Таинственные силы...) и др. Как можно заметить, Суворов показан эмоциональным, импульсивным, чудаковатым человеком, и его манера держаться резко контрастирует с его истинным величием и гениальностью полководца.*

Представим систему языковых средств, характеризующих образ А.В. Суворова, в таблице 7. Схематическое изображение образа Суворова см. также в Приложении 6.

Таблица 7

Система языковых средств создания образа полководца А.В. Суворова в романах Р.М. Зотова

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>герой; полководец; генерал; фельдмаршал; воин; чудаки; старичок-оригинал; хрыч</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	лучший генерал в Европе, первый герой своего времени, итальянский герой	–
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
Возраст <i>старый; старичок</i> Интеллектуальные характеристики <i>гений</i> Черты характера, душевные качества <i>великий, бессмертный, почтенный; первый, лучший; холодный, серьезный; шутливый</i>		Особенности поведения и речи: <i>странное поведение, речь эмоциональная, сопровождается действиями</i> <i>вертлявый; странности в речах и обхождении; захлопал руками и запел петухом; изменились приёмы Суворова, физиономия его мгновенно приняла другое выражение; нарушая этикет, вскочил со своего места, подбежав с жаром поцеловал его руку; разыграл комедию; рвёт и мечет</i>

Как видим, А.В. Суворов показан писателем не столько в образе великого полководца (его гениальность как полководца просто констатируется, но ничем в романах Р.М. Зотова не подтверждается), сколько в образе чудаковатого старика. Эта тенденция прослеживается и в речи автора, и в речи других персонажей.

Ср. в речи автора: «Явился великий князь – и в то же время не только изменились приемы Суворова, но даже физиономия его мгновенно приняла

другое выражение. Из *вертлявого, шутливого старичка-оригинала* вдруг *сделался серьезный, важный, холодный полководец, с подобострастием разговаривающий с великим князем*» (Таинственные силы... с.145).

В речи других персонажей: «*Более всех изумил его Суворов. После штурма Праги он был решительно первым героем своего времени, и странности его в речах и обхождении еще более придавали ему оттенок загадочности*» (Таинственные силы... с.144); «*Чудак! А все-таки лучший генерал в Европе*» (Таинственные силы... с. 146); «*Эх, старый хрыч, куда нас завёл*» (Таинственные силы... с. 253).

Самая развёрнутая характеристика Суворова даётся в речи персонажа графа Силина, который относится к Суворову с уважением, восхищается им. Ср.: «*... и вы наш первый полководец*» (Таинственные силы... с. 179); «*Он под оболочкою шуток скрывает много гениального ума и проницательности. <...> Тут уже шуточный человек исчезает и является умный политик и великий полководец. <...> Самая тактика его основана на знании русского духа. <...> Я непременно буду надоедать тебе своим Суворовым, потому что обожаю его*» (Таинственные силы... с. 194–195).

Образ Кутузова также создаётся посредством сочетания процессуальных (23 контекстов) и непроцессуальных (9 контекстов) характеристик и полностью описывается **в речи автора**.

Для **номинации** Кутузова Зотов использует функциональные обозначения *полководец, генерал, вождь* и характеризующие предикаты *старец, гений, русский Фабий*. Примечательно, что при характеристике Кутузова Зотов упоминает имя собственное – Фабий. Здесь имеется в виду Квинт Фабий Максим Кунктатор, древнеримский полководец, применявший тактику уклонения от решающих битв в борьбе с Ганнибалом. Кунктатором (от лат. cunctator – то, кто медлит) называли М.И. Кутузова, который в войне 1812 года применил подобную тактику, принесшую положительные результаты. Ср.: «*Достопамятные слова сии <...> послужат всегдашним доказательством, что гений Кутузова предвидел последствия и конец*

войны. Произведенный им <...> превосходнейший маневр еще более удостоверяет в прозорливости и мудрости сего Русского Фабия» (Двадцатипятилетие Европы... Ч.1, с. 34).

К непроцессуальным характеристикам можно отнести следующие: знаменитый старец; русский вождь; гений Кутузова; прозорливость и мудрость сего русского Фабия; Кутузов очень ласково принял его; Кутузов печально покачал головою.

Прилагательные, характеризующие Кутузова, создают положительный образ с точки зрения общественной оценки (знаменитый, великий, бессмертный), говорят об интеллектуальных способностях (мудрый), указывают на национальную принадлежность (русский).

Процессуальные характеристики Кутузова отражены в контекстах такого рода: «Кутузов был намерен ожидать при Кремле присоединения армии Буксгевдена»; «Князь Кутузов, собрав военный совет, предложил одному вопрос: должно ли еще дать здесь сражение или уступить столицу без боя?»; «Взвесь все сии обстоятельства, князь Кутузов объявил, что “потеря Москвы не есть еще потеря отечества”, что он считает первым долгом сберечь армию и сблизиться с подкреплениями, им ожидаемыми»; «Мудрый вождь (Кутузов. – А.Г.) хотел не блистательных ударов, а верного истребления неприятеля без напрасной потери драгоценной крови своих воинов» (Двадцатипятилетие Европы... Ч.1) и др.

Представим систему языковых средств, характеризующих образ М.И. Кутузова, в таблице 8. См. также в Приложение 7.

Таблица 8

Система языковых средств создания образа полководца М.И. Кутузова в романах Р.М. Зотова

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации полководец, генерал, вождь, гений, старец	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
		русский вождь
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
Возраст старец		Мотивы и цели деятельности: сберечь армию и победить врага
Интеллектуальные характеристики		сберечь армию и сблизиться с

<p><i>гений; прозорливость; мудрость; мудрый</i> Черты характера, душевные качества <i>знаменитый; великий; бессмертный</i></p>	<p><i>подкреплениями; верное истребление неприятеля без напрасной потери драгоценной крови своих воинов</i> Фактическое осуществление задуманного и особенности речевого поведения: <i>выжидает и советуется</i> <i>был намерен ожидать; собрав военный совет, предложил оному вопрос; взвесь все сии обстоятельства, объявил</i></p>
--	--

Языковые средства, использованные Р.М. Зотовым для создания образа М.И. Кутузова, говорят о том, что Кутузов склонен основательно обдумывать принимаемые решения, не любит торопиться, готов советоваться с другими людьми, не стремится производить своими действиями внешний эффект, может взять на себя ответственность за принятое решение.

В целом мы можем говорить о том, что Р.М. Зотов выводит на страницах своих произведений образы талантливых военачальников. При этом он создаёт достаточно реалистичные образы, объективно оценивает поступки своих героев.

Выводы по Главе II

В Главе II мы проанализировали особенности создания образов исторических личностей в произведениях писателя XIX века Рафаила Михайловича Зотова. В качестве источника языкового материала нами были привлечены 6 романов Р.М. Зотова, из которых было извлечено 578 контекстов, содержащих характеристику образов исторических деятелей.

Среди исторических персонажей в романах Р.М. Зотова нами были выделены группы «Правители» (Александр I, Екатерина II, царица Софья, императрица Мария Фёдоровна) и «Полководцы» (А.В. Суворов и М.И. Кутузов). Отдельно была рассмотрена фигура Наполеона, который входит сразу в обе категории: «Правители» и «Полководцы».

Согласно нашей статистике, наибольший интерес для Р.М. Зотова как для исторического романиста представляла личность императора Франции Наполеона Бонапарта (279 контекстов из 578, что составляет 48% нашего материала).

При характеристике образа **Наполеона** было выявлено, что для номинации этого персонажа, кроме имён собственных, используются прежде всего характеризующие предикаты, представленные в основном логическими и образными перифразами (*первый полководец своего века, великий гений, победитель народов, грозный повелитель исполинских сил* и др.). Внешность и атрибуты персонажа получают весьма поверхностное описание (обозначены такие признаки, как рост, лицо, взгляд, военная одежда). Из непроцессуальных характеристик более всего представлена система ценностей (власть, война, слава). Использование для обозначения этих ценностей имён существительных (*славолюбие, честолюбие, властолюбие*) и сочетаний типа «*всегда + глагол*» (*всегда желал*) позволяет воспринимать их как устоявшиеся, постоянные. Образ Наполеона создаётся прежде всего за счёт процессуальных характеристик (представлены мотивы и цели деятельности, фактическое осуществление задуманного, особенности речевого поведения, верификация). На морфологическом уровне можно заметить обозначение успешных действий Наполеона глаголами прошедшего времени с аористическим значением, неудачных действий – формами с имперфектным значением. Верификация передаётся в основном за счёт глаголов интеллектуального и эмоционального состояния.

При создании образа **Александра I** используются однословные функциональные предикаты, называющие Александра почти исключительно «по должности». Среди непроцессуальных характеристик полностью отсутствует описание внешности и атрибутов персонажа. Система ценностей и интеллектуальные качества представлены неразвёрнуто, декларативно. Однако Р.М. Зотов сосредоточивает внимание читателя на внутренних качествах, присущих монарху, используя для этого существительные и прилагательные, нередко однокоренные, за счёт повторения в тексте подчёркивающие наличие у персонажа данного качества (*кроткий – кротость; великодушный – великодушие; мудрый – мудрость; милосердие, благосердие* и др.). Процессуальные характеристики Александра

представлены глаголами с положительной или нейтральной окрашенностью, которые в самом общем виде передают как фактическое осуществление задуманного и отчасти особенности речевого поведения. В образе Александра Р.М. Зотов воплощает представления своих современников об идеальном правителе.

При характеристике **Екатерины II** Зотов использует в первую очередь разнообразные средства номинации, представляющие собой функциональные и характеризующие предикаты, как однословные, так и перифрастические. Именно из этих номинаций читатель узнаёт о том, что Екатерина *гений, мудрец, законодательница, отражение божества* и т.д. Среди непроцессуальных характеристик практически отсутствует описание внешности, вещных атрибутов и системы ценностей, так как писатель акцентирует внимание на внутренних качествах императрицы и её интеллекте. Эти качества Р.М. Зотов нередко характеризует с помощью прилагательных в превосходной степени: *умнейшая, добрейшая, любезнейшая*. Процессуальные характеристики Екатерины даются весьма обобщённо, как констатация совершения различных действий, направленных на благо государства. Образ Екатерины II явно идеализируется писателем.

Образ **царевны Софьи** построен на заметном преобладании процессуальных характеристик над непроцессуальными. Из последних упоминаются лишь система ценностей (*власть*), интеллектуальные качества (*хитрость*) и *властолюбие* как основная черта личности. Однако языковые средства, использованные писателем для характеристики Софьи, дают очень яркое представление о её целях (*захват самодержавия*), методах достижения цели (*происки и злодеяния*), манере речи и испытываемых эмоциях. При этом писатель активно использует языковые средства, описывающие невербальные проявления эмоций Софьи в её речи и движениях. Образ Софьи строится скорее как «мужской», деятельный, его языковая основа – глагольная лексика (*задумала, захватила, приказала, побледнела* и др.).

Образ **Марии Фёдоровны** описан немногословно, но при этом явно идеализирован, причём акцент сделан на непроцессуальных характеристиках, которые констатируются с помощью сочетаний существительных с прилагательными: *нежные черты лица, высокий рост, величественная походка, прекрасная душа, верный друг* и др. Из процессуальных характеристик ей приписывается только то, что она всю жизнь «делала добро». При этом Мария Фёдоровна осуществляет верификацию, которая сводится к тому, что её «успех превзошёл все надежды».

Что касается образов «Полководцев», А.В. Суворова и М.И. Кутузова, то внешняя характеристика в обоих случаях практически отсутствует, имеется лишь указание на возраст. Хотя в том и другом случае сообщается, что каждый из полководцев – гений и обладает большим умом. Однако **А.В. Суворов** показан писателем не столько в образе великого стратега, сколько в образе чудаковатого и импульсивного *старичка, хрыча*, который ведёт себя так, как считает нужным, в том числе и «нарушая этикет», в то время как **М.И. Кутузов** – *мудрый старец, русский Фабий*, предпочитающий долгие размышления и тактику выжидания.

Наши наблюдения за распределением характеристик исторических личностей по словам автора / других персонажей / самого персонажа можно обобщить в виде таблицы 9. В этой же таблице показано наличие/отсутствие идеализации образа. Жирный плюс (+) означает, что персонаж получает характеристику от данного субъекта речи, и эта характеристика положительная. Жирный минус (--) означает, что персонаж получает характеристику от данного субъекта речи, но эта характеристика отрицательная. Совмещение обоих знаков (+/--) означает наличие как положительных, так и отрицательных характеристик. Тонкий минус (–) означает отсутствие характеристики персонажа данным субъектом речи.

**Распределение характеристик образов исторических личностей
в романах Р.М. Зотова по субъектам речи**

Персонаж Характеризующий субъект	Наполеон	Александр I	Екатерина II	Царевна Софья	Мария Фёдоровна	Суворов	Кутузов
Автор	+/--	+	+	+/--	+	+/--	+
Другие персонажи	+/--	+	+	--	+	+/--	--
Сам персонаж	+	+	+	--	--	--	--

Характеристику в речи автора получают все персонажи-исторические личности. В речи других персонажей не упоминаются царевна Софья и Кутузов. Самохарактеристика представлена только в речи правителей-императоров: Наполеона, Александра I и Екатерины II.

В целом мы видим, что Р.М. Зотов создаёт по большей части идеализированные образы исторических личностей: 4 из 7 его персонажей полностью лишены отрицательных качеств (Александр I, Екатерина II, Мария Фёдоровна, М.И. Кутузов).

ГЛАВА III.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В РОМАНАХ БОРИСА АКУНИНА

3.1. Борис Акунин и его «проекты». Общая характеристика материала исследования

Борис Акунин – писательский псевдоним современного автора Григория Шалвовича Чхартишвили.

Литературное творчество Бориса Акунина вызывает противоречивые, часто отрицательные оценки критиков. Писателя обвиняют в том, что литература для него – не искусство, а бизнес (недаром он сам выпускает свои произведения под слоганом «Проект “Борис Акунин”»); в злостном и намеренном искажении исторической правды, в излишнем либерализме убеждений, в исторической безграмотности; в потакании вкусам не самой образованной публики и т.д. (ср., напр., Беляев URL; Токмаков URL). Однако есть и более нейтральные и даже положительные оценки его произведений.

Так, Андрей Ранчин в статье «Романы Б. Акунина и классическая традиция» отмечает такие особенности романов Б. Акунина, как чётко выписанные характеры персонажей (даже второстепенных), эволюция образов центральных героев (например, Эраста Фандорина), «игры» с историей и историческими персонажами: «Борис Акунин следует не Истории-науке, а истории-молве, “народной истории”, расцветивающей подлинные события аляповато-яркими красками и превращающей действительность в цепь невероятных авантур» (Ранчин URL).

Т.Н. Маркова отмечает, что Б. Акунин «настойчиво позиционирует себя беллетристом, сочиняющим истории, а не писателем, творящим исключительно по вдохновению. Он продуцирует сюжеты, составляя их из множества классических моделей, создаёт героев на основе чётко заданных характеристик... Романы Бориса Акунина одновременно принадлежат и “серьёзному”, и “массовому” искусству» (Маркова 2013 URL, с. 51). В той же

работе Т.Н. Маркова отмечает и такую «инновационную черту акунинской стратегии: автор предоставляет читателю возможность вместе с его героями творить собственную художественную реальность, путешествовать вместе с ними во времени и пространстве... Такой способ написания произведения, несомненно, связан с опытом компьютерного гипертекста, открывающего неограниченные возможности моделирования вариативных ситуаций и немотивированного передвижения в рамках единого гиперпространства» (Там же, с. 52). В трёх из четырёх проанализированных нами романов Б. Акунина («Квест», «Внеклассное чтение», «Детская книга для мальчиков») мы наблюдаем именно такой подход Б. Акунина к созданию повествования.

О принципах создания Б. Акуниным образов исторических личностей ср. также литературоведческие работы А.М. Лобина «История и революция в творчестве Б. Акунина (на материале цикла романов «Приключения Эраста Фандорина»)» (Лобин 2014) и Т.А. Снигирёвой и А.В. Снигирёва «Игровая модернизация исторического повествования («История Российского государства» Б. Акунина)» (Снигирёва, Снигирёв 2015).

Произведения Б. Акунина, чрезвычайно популярные у массового читателя, уже привлекали к себе внимание не только критиков и литературоведов, но и лингвистов.

Так, Л.Г. Самотик изучала особенности языка исторических романов Б. Акунина (на примере романа «Турецкий гамбит») с целью ответить на вопрос, можно ли считать язык произведений Бориса Акунина исторической стилизацией. Особенность мастерства писателя Л.Г. Самотик видит в его умении оставаться в современности и в то же время создавать колорит эпохи несколькими яркими штрихами, которые, однако, нельзя называть «стилизацией» в истинном смысле этого термина. Ср.: «Основная стилистическая тональность произведения соответствует жанру, она устремлена к созданию исторического колорита. Но... говорить о стилизации языка эпохи в данном случае нельзя, речь скорее идёт о своеобразной маркировке текста. Под стилизацией мы понимаем подражательное

использование в стилистических целях ресурсов русского языка в художественных текстах для создания колорита эпохи или определённой территориальной и (или) социальной среды» (Самотик 2006, с. 136). Автор отмечает, что «роман Б. Акунина написан на современном “жаргонизированном” языке, что выражено как в речи персонажей, так и в речи автора» (Там же). Свои утверждения исследователь подкрепляет цитатами-иллюстрациями из текста романа «Турецкий гамбит».

Главную особенность идиостиля писателя Л.Г. Самотик в итоге видит в том, что язык исторического романа Б. Акунина – современный жаргонизированный, но «на этом фоне автор “вкрапляет” в текст историзмы, архаизмы, в большей части устаревшие этнографизмы. Таким образом складывается идиостиль писателя... “Турецкий гамбит” Б. Акунина отражает оригинальный способ создания пространственно-временного образа прошлого, который трудно квалифицировать как стилизацию» (Там же, с. 139).

В центре внимания кировских исследователей Т.В. Петрусь и Ю.В. Барамзиной (работающих в рамках методики интерпретации образа человека как совокупности непроцессуальных и процессуальных характеристик) оказывается главный герой романа Б. Акунина «Азазель» Эраст Фандорин. Авторы отмечают, что персонаж в романе получает лексическую характеристику в основном через тематические группы «внешность» и «вещный мир». Б. Акунин описывает черты лица, руки, молодость своего персонажа. При Эрасте Фандорине всегда есть какое-то оружие (пистолет, револьвер, кольт, пистолетик, револьвер, «герсталь», стилет), деньги и «синий портфель», в котором персонаж хранит важные бумаги. В целом «непроцессуальные характеристики Фандорина выполняют функцию создания у читателя первичного, исходного впечатления об образе главного героя романа, а процессуальные характеристики позволяют в полной мере проследить путь профессионального и личностного взросления персонажа» (Петрусь, Барамзина 2014, с. 41).

Ю.Д. Кравченко рассматривает роман Б. Акунина «ФМ» и обращает внимание на разнообразно представленный в произведении игровой аспект, который связывает с эстетикой постмодернизма: «Новый роман Б. Акунина демонстрирует характерные черты постмодернизма... Отметим влияние тех идей литературного постмодернизма, которые проявились в романе ярче всего. 1. Интертекстуальность, понимаемая лингвистами как... соотнесённость одного текста с другим... В рассматриваемом произведении Б. Акунина источником многочисленных цитат является роман Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” <...> 2. Ироничность... автор иронизирует над расхожими стереотипами массового сознания и создаёт пародию на штампы интеллектуальных детективов как одной из мифологем современной культуры <...> 3. Языковая игра» (Кравченко 2007, с. 165–168).

Л.В. Сафронова в своей монографии «Постмодернистский текст: поэтика манипуляции» (Сафронова 2009) также рассматривает творчество Бориса Акунина в русле эстетики постмодернизма, обращая внимание на способность писателя разрушать ожидания и стереотипы читателя. Средством достижения такого эффекта у Акунина становится искажение образа, или образная инверсия – «мощный суггестик, способный при помощи переконструирования (переключения) внимания исказить всё поле изображения текста и в конечном счёте пересистематизировать мировоззрение читателя» (Сафронова 2009, с. 139). В ходе дальнейшего изложения нами будут приведены конкретные примеры «реструктуризации образа-стереотипа» в произведениях Б. Акунина.

Для анализа нами были выбраны произведения «Внеклассное чтение» (2003), «Коронация, или Последний из романов» (2000), «Квест» (2015), «Детская книга для мальчиков» (2016). В данных произведениях представлены образы Екатерины II, Николая II, Василия Шуйского, Наполеона, Бориса Годунова, Марины Мнишек и Кутузова. Ср. таблицу 10.

**Количественные показатели характеристики
исторических персонажей в романах Бориса Акунина**

Персонаж	Роман	Количество характеризующих контекстов
Василий Шуйский	Детская книга для мальчиков	168
Наполеон	Квест	146
Екатерина II	Внеклассное чтение	113
Борис Годунов	Детская книга для мальчиков	65
Марина Мнишек	Детская книга для мальчиков	64
Николай II	Коронация	51
М.И. Кутузов	Квест	30
Итого		637

В случае с Борисом Акуниным мы не можем придерживаться той же логики описания персонажей, что в романах Р.М. Зотова. Если стиль повествования Р.М. Зотова от произведения к произведению не меняется, то у Бориса Акунина, согласно уже приводимому наблюдению Г. Самотик, «основная стилистическая тональность произведения соответствует жанру» (Самотик 2006, с. 136). Поэтому персонажей Бориса Акунина следует рассматривать в зависимости от того, в каком произведении они изображены. Учитывая данный факт, рассмотрим исторических личностей в изображении Бориса Акунина в следующей последовательности:

- 1) Василий Шуйский, Борис Годунов, Марина Мнишек («Детская книга для мальчиков»);
- 2) Наполеон, Кутузов («Квест»);
- 3) Екатерина II («Внеклассное чтение»);
- 4) Николай II («Коронация»).

3.2. Языковые средства создания образа Василия Шуйского

Образ Василия Ивановича Шуйского находим в романе «Детская книга для мальчиков». Данный роман написан Борисом Акуниным в рамках проекта «Жанры» и представляет собой смесь жанров подросткового фэнтези, исторического детектива и приключенческого романа. Сюжет

связан с путешествиями современного школьника во времени. Дольше всего главный герой задерживается в начале XVII века, где встречает Бориса Годунова, Василия Шуйского и Марину Мнишек. Образ Лжедмитрия, также выведенный в романе, мы не анализируем, так как в книге Акунина Лжедмитрий оказывается таким же «путешественником во времени», как и главный герой, и на самом деле является однажды «провалившимся в хронодыру» советским школьником.

Образ Василия Шуйского представлен очень развёрнуто, в 168 контекстах. Количество контекстов, в которых даются процессуальные характеристики – 123 (86 лексических единиц). Непроцессуальные характеристики представлены 45 контекстами (32 лексических единицы).

Для **номинации** персонажа Акунин использует лексические единицы: *князь-батюшко (2), князь (22), твоя боярская милость (2), батюшка боярин, боярин (20), князь Шуйский (6), батюшка (2), княже (2), верный холоп (2), князь Василий Иванович, лисья морда, вор Васька Шуйский, хитрый лис, Васька-изменник, змей, представитель одного из знатнейших боярских родов, дядька.*

Выбор лексем зависит от того, кто именно говорит о Шуйском. Так, Борис Годунов зовет Шуйского *Васькой*, слуги Лжедмитрия и сам Лжедмитрий называют его *лисьей мордой, хитрым лисом, змеем, Васькой-изменником*, персонаж-ребенок – *дядькой*, тогда как слуга Шарафутдин обращается к нему *Василий Иванович, твоя боярская милость, батюшка боярин*. На основании анализа семантики данных наименований мы можем сделать вывод об отношении разных персонажей к Шуйскому. Борис Годунов относится к нему с пренебрежением, Лжедмитрий и его свита считают Шуйского хитрым, льстивым (*лис, лисья морда*), злым и язвительным человеком (*змей*). Слуга относится к Шуйскому с уважением, даже подобострастием. Сам Шуйский уничижительно называет себя *верным холопом*, стараясь при этом захватить власть в свои руки.

За исключением идентифицирующих (*князь Шуйский, князь Василий Иванович*) и функциональных номинаций (*князь, боярин*), все остальные номинации Шуйского являются характеризующими предикатами, часто отрицательнооценочными (*змея, хитрый лис, изменник, вор* и др.).

В рамках **непроцессуальных характеристик** персонажа мы выделяем:

- 1) языковые средства, характеризующие внешний облик Василия Шуйского;
- 2) языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие Шуйскому;
- 3) языковые средства, выражающие систему ценностей Шуйского.

Что касается **внешнего облика** персонажа, то Акунин не даёт полной характеристики внешности, но обращает внимание на большое количество ярких деталей, особенно на взгляд Шуйского. Ср.: *«В кресле сидел дядька с длиннющей, наполовину седой бородой. Голова у него была прикрыта облегающей черной шапочкой, выпирающее брюхо высоко, под самой грудью, перехвачено широким парчовым поясом»; «Левая бровь была опущена совсем низко, так что под ней сгустилась тень, а глаза не было вовсе, зато широко раскрытый правый блеснул и посверкивал, будто зажженная лампочка»; «Но здесь князь опустил правую бровь, и глаз потух. Зато открылся левый. Правда, не сверкал, а был тускл и темен»; «Василий Иванович задумчиво подергал себя за кончик длинного носа...»* (Детская книга для мальчиков, с. 21).

Характеризуется также голос персонажа, ср.: *«Второй [голос] – неторопливый и какой-то мокрый, будто человек собирается отхаркнуться, да никак не соберется»; «...этот мокрогolosый и есть главный!»* (Детская книга для мальчиков, с. 215);

Одежда Шуйского и его **атрибуты** соответствуют статусу персонажа и исторической эпохе, так же, как и **обстановка** в доме. Ср.: *«...впереди боярин – важный, в шитом серебром одеянии до пят»* (Детская книга для мальчиков, с. 217); *«Князь, хоть и находился в собственном доме, облачился в длинную, покрытую парчой шубу, на голову надел высокую меховую шапку трубой. Такие головные уборы – горлатные шапки, – как потом*

узнал Ластик, могли носить лишь высшие сановники, бояре» (Детская книга для мальчиков, с. 257). Ср.: «**Терем у князя Шуйского был большущий, в три жилья (этажа), в парадных комнатах вислые потолки (затянутые тканью потолки) и образчатые (изразцовые) печи, косячатый, то есть паркетный пол, а вот с обстановкой негусто. Не прижился еще на Руси европейский обычай заставлять комнаты мебелью. Лавки, столы, рундуки да несколько новомодных шкафов (шкафов) для посуды — вот и всё**» (Детская книга для мальчиков, с. 252).

Яркую характеристику в романе получают интеллектуальные качества персонажа: Василий Шуйский хитер, дальновиден и расчётлив. Ср.: «**Я понял, умом меня Бог не обидел**» (Детская книга для мальчиков, с. 217); «...до Ластика наконец дошло, к чему клонит **хитроумный боярин**» (Детская книга для мальчиков, с. 257); «**О чем размышляет боярин, Ластик никогда не знал — очень уж хитрого, скрытного ума был человек**»; «**Как было не восхититься дальним, шахматным умом Василия Ивановича?**» (Детская книга для мальчиков, с. 273); «...чтоб не достался **интригану Шуйскому, от которого можно ожидать чего угодно**» (Детская книга для мальчиков, с. 282).

В то же время Шуйский искренне привязан к своей воспитаннице (внебрачной дочери), Соломонии Шаховской. Соломония входит в систему ценностей персонажа. Ср.: «— **Ай лепа, ай сладкозрима! — восхитился княжной Василий Иванович**» (Детская книга для мальчиков, с. 263); «— **Дурочка ты глупая. Для кого стараюсь? Если я сейчас Отрепьеву-вору не угожу, он меня самого медведям кинет. Что с тобой тогда станется?**»; «— **Княжну в светелке запереть, глаз с неё не спускать. Верёвки, ножики — всё попрятать. Если с ней худое учинится — кожу со всей дворни заживо сдеру, вы меня знаете**» (Детская книга для мальчиков, с. 290). Однако наибольшей ценностью для Василия Шуйского остаётся власть, поэтому и воспитанницу он старается использовать для достижения своих целей, предлагая главному герою, которого он поначалу принимает за царевича

Дмитрия, жениться на ней. Ср.: «– Соломонья тебе, как подрастёшь, хорошей женой будет. Люб ты ей. Станете жить-поживать, как голубок с голубкой, а я, старик, на вас порадуюсь» (Детская книга для мальчиков, с. 277).

Процессуальные характеристики Василия Шуйского делятся на несколько групп: 1) жизненный путь как отражение биографии; 2) мотивы и цели деятельности; 3) фактическое осуществление задуманного; 4) верификация; 5) образ поведения, манера общения.

Василий Шуйский – единственный из анализируемых нами персонажей, у которого автор специально характеризует **жизненный путь**. Как пишет С.В. Чернова, «*Образ человека и образ жизни – тесно связанные и взаимообусловленные понятия. Описание образа жизни человека в связи с реконструкцией его образа как совокупности непроцессуальных и процессуальных характеристик требует совмещения собственно языкового и экстралингвистического анализа материала*» (Чернова 2012, с. 121).

У Василия Шуйского непростая судьба. Ср.: «*Не миновала горькая чаша и Шуйских. Побывал Василий Иванович и в опале, и в темнице, где готовился принять лютую смерть, да сжалился Господь. «Кто при Грозном Государе состоял, они все по гроб жизни напуганные, – объяснила княжна. – Не живут, а дрожат, не говорят, а шепчут*» (Детская книга для мальчиков, с. 273); «*Шуйский на своем веку всякое перевидал. Зубы об его обломаете...*» (Детская книга для мальчиков, с. 278). Когда к власти приходит Борис Годунов, Шуйский старается быть угодным и ему. Ср.: «– *Я не следствие вёл, я жизнь свою спасал. Годунов, меня в Углич посылая, знаешь, как сказал? “Гляди, Васька, не оступись”*» (Детская книга для мальчиков, с. 225).

Характеризуя жизненный путь персонажа, Акунин вводит в текст исторические комментарии (как вставочный компонент повествования), в которых показывает дальнейшую судьбу Василия Шуйского. Ср.: «*Шуйский шёл к престолу долгим, извилистым путем. Добившись короны*

коварством, так и не сумел прочно закрепиться на троне. Ненадёжная поддержка знати, крестьянские и дворянские мятежи, появление нового самозванца Лжедмитрия II, польская интервенция сделали правление III. одной из самых тяжелых и бесславных страниц в истории России. Разбитый войсками польского короля, III. был насильно пострижен в монахи и увезен пленником в Варшаву, где и умер – по некоторым данным, был уморён голодом в темнице» (Детская книга для мальчиков, с. 454–455).

Мотивы и цели деятельности Шуйского связаны с обретением максимально возможной власти при наименьших потерях, то есть Шуйский стремится к власти и личной безопасности. Ср.: *«Ловко он всё измыслил, подготовил, выбрал точный момент и обезопасил себя на будущее»* (Детская книга для мальчиков, с. 277).

В процессе осуществления задуманного персонаж способен действовать по обстоятельствам, быстро менять первоначальные планы, осуществляя их **верификацию** на разных стадиях. Принимая главного героя (мальчика из будущего) за ожившего царевича Дмитрия, сначала Шуйский хочет сближения с этим «царевичем» ради собственного возвышения и победы над приближающимся к Москве Лжедмитрием. Ср.: *«– Будешь ты законный государь, а головушку земными делами заботить тебе не к чему. Всё я, твой верный холоп, исполнять буду»*; [Мысли главного героя о Шуйском в связи с этим]: *«Да князь ещё и намерен его своим зятем сделать. На троне усядется кукла, а править станет «верный холоп»*; *«А коли сейчас Годунова скинем да тебя народу предъявим, всё еще перевернется. Войско воспрянет духом, и побьём мы самозванца»* (Детская книга для мальчиков, с. 277).

Оказавшись в опасности, Шуйский готов отказаться от прежних планов, от помыслов о власти ради своего спасения и даже служить Лжедмитрию. Шуйский говорит Лжедмитрию: *«– А только знай, потомок достославного Рюрика: Васька Шуйский, тож Рюрикович, ради тебя не то что живота не пожалеет – готов и душу свою продать»* (Детская книга

для мальчиков, с. 304). Ср. также: *«И Шуйскому ныне тоже не до собственного царя – дай Бог голову на плечах сохранить»* (Детская книга для мальчиков, с. 285).

Однако при первой удобной возможности Шуйский вновь стремится захватить власть в свои руки любыми способами. Ср.: *«Виселиц вдоль улиц понаставлю – живо поумолкнут. А которые после народятся, будут моих летописцев читать. – Шуйский тряхнул кулаком. – Не токмо изничтожжу вора-самозванца, а ещё и память сотру – и о нём, и о тебе, чертёнке. Затем ваши прелестные (вводящие в соблазн) искореню и враспыл пушу. Чтоб умы не баламутили!»* (Детская книга для мальчиков, с. 427). На какое-то время Шуйскому удаётся прийти к власти, но судьба его складывается трагически; все попытки оканчиваются неудачей.

В романе достаточно развёрнуто представлен **образ поведения, манера общения** Шуйского. Автор обращает внимание на «глазное поведение», поведение во время приёма пищи; на то, как Шуйский общается со слугами и другими персонажами, а также на особенности речи.

Шуйский обладает пронизательным, пугающим взглядом. Ср.: *«Князь пронизательно прищурился»* (Детская книга для мальчиков, с. 258); *«...хитро прищурился правым глазом боярин»* (Детская книга для мальчиков, с. 272); *«Посверлил его боярин своим выпученным глазом...»* (Детская книга для мальчиков, с. 274); *«Глядя в упор на растерявшегося Ластика, боярин сказал»* (Детская книга для мальчиков, с. 277); *«Когда Василий Иванович поднялся, левый глаз был закрыт, а правый налит кровью и страшен»* (Детская книга для мальчиков, с. 278).

Во время приёма пищи Шуйский изображён достаточно натуралистично. Ср.: *«Василий Иванович задумчиво подергал себя за кончик длинного носа, сунул в рот орех, разгрыз. Скорлупки выплюнул на пол»* (Детская книга для мальчиков, с. 217); *«Похрустел ореховой скорлупой, побряхтел и говорит»* (Детская книга для мальчиков, с. 223); *«Вилки не дали, только ложку, да и той Василий Иванович лишь выхлебал жижу, а капусту*

и кусочки мяса доставал прямо пальцами. Иногда облизывал их или вытирал о бороду. Часто порызгивал, крестя рот» (Детская книга для мальчиков, с. 261).

Шуйский ведёт себя заискивающе, пресмыкается перед теми, кто обладает властью, от кого зависит его судьба. Ср.: *«Войдя, Василий Иванович поклонился, коснувшись рукой пола»* (Детская книга для мальчиков, с. 257); *«А Василий Иванович весь изогнулся, подался вперед...»* (Детская книга для мальчиков, с. 302); *«Василий Иванович с поклонами попятился»* (Детская книга для мальчиков, с. 304); *«Тогда Василий Иванович с поклоном обратился к Ластуку»* (Детская книга для мальчиков, с. 352); *«...больше всех распинался Василий Иванович Шуйский»* (Детская книга для мальчиков, с. 399); *«...князь Шуйский, потомок Рюрика, склонившись, лобызает руку полячки»* (Детская книга для мальчиков, с. 401). Это проявляется и в его речевом поведении. Ср.: *«Шуйский отмалчивался, поддакивал, горестно вздыхал»* (Детская книга для мальчиков, с. 293); *«Шуйский же медовым голосом пропел»* (Детская книга для мальчиков, с. 301); *«А Василий Иванович <...> сладчайше пропел»* (Детская книга для мальчиков, с. 302); *«Князь Шуйский, умильно щуря правый глаз, разразился льстивой речью, в которой назвал полячку «наияснейшей великой государыней»* (Детская книга для мальчиков, с. 401); *«Как ловко подкатывается, как мягко стелет»* (Детская книга для мальчиков, с. 442).

Шуйский достаточно часто улыбается и смеётся. Ср.: *«Оба засмеялись: один [Шуйский] жирно...»* (Детская книга для мальчиков, с. 225); *«Развеселился боярин от этих слов. Запрокинул голову, рассмеялся»* (Детская книга для мальчиков, с. 261); *«...боярин <...> маслено улыбнулся»* (Акунин 2017, с. 262); *«Довольно скоро [лицо] опять разгладилось, в уголках рта появилась улыбка»* (Детская книга для мальчиков, с. 273). Использованные в переносном значении слова *маслено*, *жирно* имеют негативную коннотацию и делают образ отталкивающим, неприятным.

Храбрость Шуйского сменяется страхом за свою жизнь, когда Басманов предаёт его, а у власти оказывается Лжедмитрий. Страх персонажа не назван прямо, но показан через внешние детали: *лил пот, дрогнули плечи, затрясся* и др. Ср.: «*Бояре делали вид, что не слышат. Стояли смиренно, по лицам рекой лил пот*» (Детская книга для мальчиков, с. 298); «*Ластик видел, как дрогнули плечи Василия Ивановича...*» (Детская книга для мальчиков, с. 300); «*...оба князя так и затряслись*» (Детская книга для мальчиков, с. 302); «*Василий Иванович и трясся, и слёзы лил, но унибука не отдал*» (Детская книга для мальчиков, с. 334).

Речь Шуйского отражает его эмоциональное состояние. Ср.: «*...сказал он довольным голосом*» (Детская книга для мальчиков, с. 222); «*...жизнерадостно сказал князь*» (Детская книга для мальчиков, с. 261); «*...проворчал Василий Иванович*» (Детская книга для мальчиков, с. 223); «*Боярин тяжело вздохнул*» (Детская книга для мальчиков, с. 226); «*Шуйский <...> горестно вздыхал*» (Детская книга для мальчиков, с. 293); «*пролепетал он, бледнея*» (Детская книга для мальчиков, с. 426).

Для данного персонажа характерна витиеватая речь, что свидетельствует о его хитрости, изворотливости. Ср.: «*Речь повёл издалека, с такими экивоками, что бедный унибук даже нагрелся*»; «*И долго еще он плел затейны словеса – путано и непонятно даже в переводе на современный язык*» (Детская книга для мальчиков, с. 257); «*Походив вокруг да около, Василий Иванович наконец подобрался к главному*» (Детская книга для мальчиков, с. 276). Обилие пауз свидетельствует о том, что Шуйский тщательно обдумывает содержание своей речи, а в отдельных случаях предпочитает промолчать. Ср.: «*...князь ни о чем не спросил*» (Детская книга для мальчиков, с. 274); «*Боярин сделал многозначительную паузу*» (Детская книга для мальчиков, с. 303); «*Боярин выдержал паузу...*» (Детская книга для мальчиков, с. 304). В случае необходимости Шуйский говорит строго, требовательно. Ср.: «*...строго оборвал его Василий Иванович*» (Детская книга для мальчиков, с. 226); «*Василий Иванович крамольную тему*

решиительно пресек. Сказал строго...» (Детская книга для мальчиков, с. 294); *«Боярин <...> с нажимом сказал»* (Детская книга для мальчиков, с. 304).

Мы видим, что Акунин изображает Шуйского как человека корыстного, лживого, изворотливого. Он расчётлив в своих действиях, а для достижения своей цели готов использовать любые средства. Страх за свою жизнь и за жизнь воспитанницы может ослабить стремление к власти, но ненадолго. Шуйский не идеализирован: автор активно использует оценочную лексику прямого и переносного значения, обращая внимание на неприятные подробности физиологии, что обеспечивает подчёркнутую реалистичность образа.

Система языковых средств, характеризующих образ Шуйского, представлена в таблице 11. Схематическое представление образа Василия Шуйского см. также в Приложении 8.

Таблица 11

Система языковых средств создания образа Василия Шуйского в романе Бориса Акунина «Детская книга для мальчиков»

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>князь, боярин, батюшка, княже, змей, дядька</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	<i>князь-батюшко, представитель одного из знатнейших родов, твоя боярская милость, Шуйский</i>	<i>батюшка боярин, Вор Васька Шуйский, верный холоп</i>
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
<p>Внешность <i>длиннющая, наполовину седая борода; выпирающее брюхо; длинный нос; левый глаз прикрыт, правый сверкает</i></p> <p>Голос <i>неторопливый; мокрый; как будто человек собирается отхаркнуться, да никак не соберется; мокроголосый</i></p> <p>Одежда <i>облегающая черная шапочка; широкий парчовый пояс; шитое серебром одеяние до пят; длинная, покрытая парчой шуба; золотканая шуба; высокая меховая шапка трубой; горлатная шапка; остроконечный шлем; полированный панцирь</i></p>		<p>Жизненный путь как отражение биографии <i>много страсти претерпел; не миновала горькая чаша; побывал и в опале, и в темнице, где готовился принять лютую смерть, да сжалился Господь; кто при Грозном Государе состоял, они все по гроб жизни напуганные; не живут, а дрожат, не говорят, а шепчут; Шуйский на своем веку всякое перевидал; зубы об его обломаете; я не следствие вел, я жизнь свою спасал; шел к престолу долгим, извилистым путем. добившись короны коварством; не сумел прочно закрепиться на троне; разбитый войсками польского короля; насильно пострижен в монахи и увезен пленником в Варшаву; был уморен голодом в темнице</i></p>

<p style="text-align: center;">Атрибуты</p> <p><i>карманный хронометр размером с хорошую грушу</i></p> <p style="text-align: center;">Окружающая обстановка</p> <p><i>большущий, в три жилья (этажа) терем; вислые потолки (затянутые тканью потолки); образчатые (изразцовые) печи; косячатый, то есть паркетный пол; с обстановкой негусто</i></p> <p style="text-align: center;">Семейное положение</p> <p style="text-align: center;"><i>холостой</i></p> <p style="text-align: center;">Система ценностей</p> <p><i>а) привязанность к воспитаннице (восхитился княжной; привязался к воспитаннице; Дурочка ты глупая. Для кого стараюсь?; Что с тобой тогда станет?; Если с ней худое учинится – кожу со всей дворни заживо сдеру, вы меня знаете)</i></p> <p><i>б) власть как высшая ценность (Всякая власть от Бога)</i></p> <p style="text-align: center;">Интеллектуальные качества</p> <p><i>всему голова; хитрого, скрытного ума человек; дальний шахматный ум; хитроумный боярин; умом Бог не обидел; мудрей не сыскать</i></p> <p style="text-align: center;">Черты характера, душевные качества</p> <p><i>интриган; самый усердный из сенаторов</i></p>	<p style="text-align: center;">Мотивы и цели деятельности:</p> <p><i>желание власти, обдумывание разных вариантов её достижения, готовность действовать незаконными методами</i></p> <p><i>не подгоняй; дай собраться с мыслями; сейчас на рожон лезть опасно и не ко времени; выставить нетленные мощи – это сейчас очень помогло бы; выставим мощи напоказ; намерен его своим зятем сделать; на троне усядется кукла, а править станет «верный холоп»; все я, твой верный холоп, исполнять буду; коли сейчас Годунова скинем да тебя народу предъявим, всё еще перевернется; побьем мы самозванца; на вас порадуясь; постарается поскорей избавиться от опасного свидетеля; живота не пожалеет; готов душу свою продать; сейчас не до собственного царя; дай Бог голову на плечах сохранить; виселиц вдоль улиц понаставлю — живо поумолкнут; которые после народятся, будут моих летописцев читать; не токмо изничтожу вора-самозванца, а еще и память сотру; затеи ваши прелестные (вводящие в соблазн) искореню и враспыл пуцу;</i></p> <p style="text-align: center;">Фактическое осуществление задуманного:</p> <p style="text-align: center;">быстрые и решительные действия для собственной выгоды и безопасности</p> <p><i>ловко всё измыслил, подготовил, выбрал точный момент и обезопасил себя на будущее; слух про то, что мощи царевича в Угличе творят чудеса, мы уже распустили; переверал волю Годунова; схватил алмаз в горсть, сорвал с цепочки и сунул англичанину</i></p> <p style="text-align: center;">Манера держаться в разных обстоятельствах:</p> <p><i>а) особенности глазного поведения (широко раскрытый правый [глаз] блеснул и посверкивал, будто зажженная лампочка; левый [глаз] не сверкал, а был тускл и темен; замигал; закрыл правый глаз, воззрился на собеседника левым; хитро прищурился правым глазом; глаза блеснули; посверлил своим выпученным глазом; умильно щуря правый глаз; правый глаз возбужденно посверкивал; левый глаз был закрыт, а правый налит кровью и страшен; пронизательно прищурился; глядя в упор);</i></p> <p><i>б) поведение во время приёма пищи (задумчиво подергал себя за кончик длинного носа, сунул в рот орех, разгрыз; скорлупки выплюнул на пол; молчал, сопя и причмокивая; похрустел ореховой скорлупой, покряхтел; выхлебал жижу, а капусту и кусочки мяса доставал прямо пальцами; иногда облизывал их [пальцы] или вытирал о бороду; часто порывивал, крестя рот);</i></p> <p><i>в) особенности общения со слугами (жестом</i></p>
--	---

подозвал слуг; покрикивал на слуг; махал на челядинцев посохом; махнул слуге; распоряжался приготовлениями; велел);

г) особенности общения с другими персонажами (менее грациозно пятился; поклонился, коснувшись рукой пола; бухнулся на колени и давай меховой шапкой по полу макать; с поклонами попятился; перед тем как исчезнуть, замахнулся на Ластика кулаком, да еще плюнул в его сторону; принял «воренка» у входа, больно сжав локоть, втащил в шатер и швырнул под ноги Дмитрию; с поклоном обратился к Ластику; больше всех распинался; склонившись, лобызает руку полячки; весь изогнулся, подался вперед; потрепал алхимика по плечу; выждав малое время, сменил тему; ловко подкатывается; мягко стелет; тряхнул кулаком);

д) поведение в радости (развеселился от этих слов; запрокинул голову, рассмеялся; сложил руки на животе и масляно улыбнулся; умильно наблюдал эту идиллию; [лицо] скоро опять разгладилось, в уголках рта появилась улыбка; подумал немножко, и вдруг ликом просветлел – видно, обнаружил для себя в загробной жизни некие перспективы);

е) поведение в состоянии волнения и страха (тут же затревожился; чело на время омрачилось, но не сказать, чтобы очень надолго; пухлая рука нервно постукивала по столу; опасливо раскрыл учебник, стал медленно перелистывать; вскрикнув, уронил книгу; стояли смирно, по лицам рекой лил пот; делали вид, что не слышат; дрогнули плечи; оба князя так и затряслись; и тряся, и слезы лил, но унибука не отдал; в первый момент так опешил, что даже попятился);

ж) особенности физических действий (Шуйского весть подкосила; кряхтя, поднялся с колен, отряхнул шубу; зашатался, рухнул на лавку и зажмурился; беззвучно шевелил губами, пару раз перекрестился; неодобрительно покачал головой; распрямился, не стоял на месте — бегал взад-вперед; посередине в одиночестве восседал; вдруг резко повернулся к двери, прислушиваясь; приподнялся со стула; с кряхтением встал)

**Особенности речевого поведения:
речь эмоциональная, отражающая
состояние персонажа**

с сомнением молвил; сказал довольным голосом; проворчал; тяжело вздохнул; засмеялся жирно; строго оборвал его; откашлялся, но начинать не спешил; речь повел издалека, с экивоками; долго плел

	<p>затейны словеса; почтительно ответил; быстро осведомился; жизнерадостно сказал; протянул по своему обыкновению; зашептал; сказал хрипло и невнятно; тихо говорит; отмалчивался, поддакивал, горестно вздыхал; вежливо поохал на огненную птицу, хотя в эти враки не верил; крамольную тему решительно пресек; сказал строго; медовым голосом пропел; сладчайше пропел; сделал многозначительную паузу; выдержал паузу и с нажимом сказал; недоверчиво переспросил; разразился льстивой речью; важно ответил; пролетел, бледнея; строго сказал; зычно крикнул; походив вокруг да около, подобрался к главному; подивился; ни о чем не спросил</p> <p>Верификация: способен отказаться от планов отказался от своих честолюбивых планов; перспективы были тухлые</p>
--	---

Образ Василия Шуйского в романе дан в оценке автора и других персонажей (Лжедмитрия и его свиты, персонажа-ребенка, воспитанницы Соломонии, слуги). Также характеристику Шуйского помогает составить его собственная речь.

В речи автора прослеживается ироническое отношение к Шуйскому. Ср.: *«Василий Иванович с неожиданной для его комплекции проворностью нагнулся...»* (Детская книга для мальчиков, с. 249); *«Подумал немножко, и вдруг ликом просветлел – видно, обнаружил для себя в загробной жизни некие перспективы. – А есть ли ангелы, которые побогаче остальных? Ну, там нектару у них запасец или амброзии поднакоплено? – хитро прищурился правым глазом боярин»* (Детская книга для мальчиков, с. 272).

В речи других персонажей отношение к Шуйскому заметно различается.

Слуги относятся к Шуйскому почтительно, угодливо, отмечают его пронизательный ум. Ср.: *«Ты мудр, князь. Тебе видней»* (Детская книга для мальчиков, с. 249); *«Ты, Василий Иванович, половчей бы обстригал, – льстиво сказал Ондрейка. – Без ножичка обошелся, чтобы дурных слухов избежать»* (Детская книга для мальчиков, с. 225).

Персонаж-ребёнок (Ластик) отмечает хитрость, изворотливость Шуйского, но видит и его страх за свою судьбу. Ср.: *«...до Ластика наконец*

дошло, к чему клонит **хитроумный боярин**» (Детская книга для мальчиков, с. 257); «*О чём размышляет боярин, Ластик никогда не знал – очень уж хитрого, скрытного ума был человек*» (Детская книга для мальчиков, с. 273); «*Уж на что изобретателен и хитёр боярин, а и ему страшно*» (Детская книга для мальчиков, с. 297). Шуйский характеризуется Ластиком однозначно негативно. Ср.: «*Сволочь какая Шуйский, – озабоченно сказал Ластик царице. – Это он клин между Дмитрием и поляками вбивает*» (Детская книга для мальчиков, с. 443); «*Так тебе, гад, и надо! – пробормотал Ластик*» (Детская книга для мальчиков, с. 455).

Лжедмитрий и его свита относятся к Шуйскому грубо, с явным пренебрежением. Ср.: «*Эй, лисья морда, иди сюда! Мы с тебя шкуру на барабан сымем!*» (Детская книга для мальчиков, с. 298).

Воспитанница относится к Шуйскому с уважением и покорностью. Ср.: «*Батюшка. На то его отцовская воля, – смиренно потупилась княжна*» (Детская книга для мальчиков, с. 266).

В собственной речи Шуйского прослеживается его уверенность в собственных силах. Ср.: «*Ништо, – сказал князь хрипло и невнятно. – Шуйский на своем веку всякое перевидал. Зубы об его обломаете...*» (Акунин 2017, с. 278).

В целом образ Василия Шуйского описан чрезвычайно подробно, с преобладанием процессуальных характеристик (средством создания которых является глагольная и адвербиальная лексика) и представлением этих характеристик в речи автора, других персонажей и самого Шуйского. Акунин изображает Шуйского как опасного хищника (ср. номинации «*лисья морда*», «*хитрый лис*», «*змей*»), широко использует оценочную лексику прямого и переносного значения, обращая внимание на неприятные подробности внешнего вида и даже физиологии персонажа, что обеспечивает подчёркнутую реалистичность образа и заставляет читателя проводить ассоциативные параллели: насколько «по-животному» (с отрывком, чавканьем, хрустом) Шуйский ведёт себя за во время еды, настолько же

легко он «сожрёт» и любого, кто встанет у него на пути. Сам Шуйский адресует своим недругам фразу, тоже ассоциативно отсылающую к физиологии еды, «пожирания» людьми друг друга в борьбе за власть: *«Шуйский на своём веку всякое перевидал: зубы об его обломаете»*.

Единственной привлекательной чертой Василия Шуйского в изображении Б. Акунина является его «шахматный ум», но вся мощь этого ума направлена исключительно на получение личной выгоды и власти.

3.3. Языковые средства создания образа Бориса Годунова

Образ Бориса Годунова также встречаем в романе «Детская книга для мальчиков». Процессуальные характеристики представлены 19 контекстами, непроцессуальные – 46 контекстами.

Для **номинации** персонажа автор использует лексические единицы *царь; государь; монарх; повелитель; царь и великий князь; самодержец* (функциональные предикаты); *батюшка-царь; царское величество; христианнейший из монархов Солнечной системы; пёс суемерзкий; чадогубитель гноеродный* (характеризующие предикаты). Выбор лексических единиц позволяет говорить о том, что данный персонаж представляет собой правителя. Василий Шуйский обращается к нему с подобострастием, используя слова *царь и великий князь, батюшка-царь, христианнейший из монархов Солнечной системы*. Сам Борис Годунов называет себя уничижительно, используя наименования с негативной коннотацией *пёс суемерзкий, чадогубитель гноеродный*, так как чувствует вину за гибель царевича Дмитрия. При этом он ощущает свою власть над окружающими, презрительно называет подданных *псы, рабы*. Ср.: «– *Падите ниц, псы!*» (Детская книга для мальчиков, с. 243); «– *Слушайте, рабы, и будьте свидетелями...*» (Детская книга для мальчиков, с. 244); «*Царь же ничуть не удивился – должно быть, ему и в голову не приходило, что окружающие посмеют не предугадать его желаний*» (Детская книга для мальчиков, с. 235).

Далее рассмотрим **непроцессуальные характеристики**.

Они могут быть разделены на три группы: 1) языковые средства, характеризующие внешний облик Бориса Годунова; 2) языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие Борису Годунову; 3) языковые средства, выражающие систему ценностей Бориса Годунова.

Акунин даёт достаточно подробное и яркое **описание внешности** Годунова, упоминая даже **запах**, исходящий от царя. Ср.: *«Борис Годунов был кряжист, краснолиц, в недлинной, стриженной клином бороде проседь»*; *«Голос у него был неожиданно звонкий, молодой. Наверно, таким хорошо кричать перед большой толпой или командовать войском»*; *«Низенький, животастый, лоб в глубоченных морщинах, лицо опухшее, заплывшие глазки так и шныряют туда-сюда, а мясистые, униженные перстнями пальцы, что сжимают посох, всё время шевелятся, будто червяки»* (Детская книга для мальчиков, с. 234); *«...наклонился, обдав запахом чеснока и пота»* (Детская книга для мальчиков, с. 239); *«Это-то ещё ладно, но когда длинный ус коснулся ноздри, случилось непоправимое»* (Детская книга для мальчиков, с. 240). Это *«...человек, одетый наполовину по-русски, наполовину по-европейски: ноги в красных чулках и башмаках с бантами, но сверху златотканый кафтан, перетянутый широким жемчужным поясом»*; *«На голове — маленькая, чёрная шапочка-нашлёпка...»*; *«...мясистые, униженные перстнями пальцы...»* (Детская книга для мальчиков, с. 234); *«...на пол брызнули большие жемчужные пуговицы»* (Детская книга для мальчиков, с. 242).

Мы можем выделить следующие тематические группы: одежда (6 лексических единиц), украшения (2 лексических единицы). Данные предметы свидетельствуют, во-первых, о высоком статусе персонажа, а, во-вторых, о его стремлении к преобразованиям в государстве (сочетание элементов русского и европейского костюмов).

Языковые средства, раскрывающие **систему ценностей** Бориса Годунова, находим в нескольких контекстах. Годунов не любит пустых

разговоров и ценит своё время. Ср.: «– **Пустого не болтай, – перебил князя царь. – Дело говори**» (Детская книга для мальчиков, с. 235). Для царя важно получить прощение, искупить свою вину перед царевичем Дмитрием. Незадолго до смерти он отрекается от престола в пользу «царевича», за которого принимает персонажа-ребёнка Ластика. Ср.: «**А мне... Мне кроме прощения ничего не нужно...**» (Детская книга для мальчиков, с. 244); «**Слушайте, рабы, и будьте свидетелями. По своей воле я отрекаюсь от царского венца. Вручаю скипетр и державу царевичу Дмитрию Иоанновичу, законному наследнику усопшего Иоанна Васильевича**» (Детская книга для мальчиков, с. 244).

Царь набожен, что обусловлено, с одной стороны, требованием времени, а с другой, – чувством вины перед погибшим царевичем Дмитрием. Ср.: «**Государь уставился точнехонько на Ластика (на самом-то деле на икону, теперь понятно) и размашисто перекрестился**» (Детская книга для мальчиков, с. 234); «**Сначала постоял на пороге и долго бормотал молитвы**» (Детская книга для мальчиков, с. 238); «**...царь <...> плакал и молился никак не меньше четверти часа**» (Детская книга для мальчиков, с. 242).

Процессуальные характеристики преобладают над непроцессуальными в количественном отношении (46: 19). Особое внимание обращается на **речевое поведение** персонажа, выраженное глаголами речи различной семантики, а также сочетаниями глаголов с наречиями, прилагательными и существительными следующих лексико-семантических групп:

- 1) тихая, невнятная речь, шёпот: *[голос] дрожит; бормотать; пролепетать; зашептать; проговорить [с трудом]; еле шевеля [губами];*
- 2) громкая речь: *крикнуть; завопить не сдавленно, а истошно;*
- 3) искажённая речь: *прохрипеть; просипеть; подавиться [криком];*
- 4) волеизъявление, требование: *[тихо, но грозно] приказать.*

Ср.: *«Голос царя дрогнул»* (Детская книга для мальчиков, с. 237); *«Дрожащий голос забормотал малопонятное...»* (Детская книга для мальчиков, с. 238); *«Вдруг как крикнет: – Эй, Василий, истинно ль рекут, что мощи сии от болезней исцеляют?»*; *«–О... ожил! – пролепетали дрожащие губы»*; *«А-а! – подавился криком Борис, в ужасе уставившись на хромкобальтовую скобку»* (Детская книга для мальчиков, с. 241); *«Зашептал в самое ухо...»*; *«–А-а-а! А-А-А-А! – завопил Годунов уже не сдавленно, а истошно»*; *«– Воскресе! – прохрипел Борис, тыча пальцем»*; *«Благодарю тебя, Боже, что явил мне перед смертью чудо великое – оживил невинно убитого царевича, грех мой тяжкий, – вот что, оказывается, говорил государь, еле шевеля побелевшими губами»*; *«– Руда навскипъ толчѣт... сердце вразрыв... – с трудом проговорил Годунов. – Отхожу, бо приступил час мой...»* (Детская книга для мальчиков, с. 242); *«Повернул голову к дверце и, хоть и тихо, но грозно приказал: – Падите ниц, псы»* (Детская книга для мальчиков, с. 243); *«Царь заговорил отрывисто, мудреными словами»* (Детская книга для мальчиков, с. 244); *«– Я... сам... Сам... Промысел Божий... – просипел монарх и показал сначала на Ластика, а потом на Василия Ивановича. – Он... Шуйский... изречет... мою волю...»* (Детская книга для мальчиков, с. 245).

Для описания действий Бориса Годунова Акунин использует глаголы с семантикой изменения положения тела в пространстве, причём один из глаголов имеет нейтральную окраску, другой – разговорную, а третий – книжную. Ср.: *«А Годунов тем временем сделал удивительную вещь – не оборачиваясь, сел прямо посреди горницы»* (Детская книга для мальчиков, с. 234); *«Однако не плюхнулся задом об пол, как следовало бы ожидать, а опустился на деревянное кресло...»* (Детская книга для мальчиков, с. 235).

Борис Годунов представлен в момент принятия решения: он хочет посмотреть на тело убитого царевича Дмитрия, но боится, не решается это сделать, так как царевич был убит по его приказу. Ср.: *«Быстро же Борис Годунов собрался, и это на рассвете! Значит, не терпится ему»* (Детская

книга для мальчиков, с. 232). *«Из Кремля царь примчался в один миг, а идти смотреть на отрока почему-то не спешил»* (Детская книга для мальчиков, с. 233); *«– Ладно... – наконец решился Борис. – Пойду»* (Детская книга для мальчиков, с. 237). Глаголы движения, фразеологические обороты иллюстрируют поведение персонажа. Ср.: *«...последним вплыл, величаво постукивая посохом»* (Детская книга для мальчиков, с. 234); *«Пока государь шёл по горнице, он и топал, и посохом об пол стучал, а вошёл в чуланчик – сделался тише воды, ниже травы»*; *«Похныкал так минуты две, а то и три, и лишь после этого осмелился подойти, причём на цыпочках»* (Детская книга для мальчиков, с. 238); *«Царь, не вставая с коленок, подполз вплотную к гробу, наклонился, обдав запахом чеснока и пота»* (Детская книга для мальчиков, с. 239).

Годунов плачет, рыдает, молится, что свидетельствует о его чувстве вины. Ср.: *«Не сразу Ластик понял, что царь и великий князь плачет»*; *«Тут самодержец совсем разрыдался. Раздался грохот – это он повалился на колени, а потом еще и мерный глухой стук <...>. Прошла, наверное, минута-другая, прежде чем догадался: лбом об пол колотит»*; *«Терпение у них тут в 17 веке было редкостное – царь стучался головой о доски, плакал и молился никак не меньше четверти часа. Наконец, поутих, засморкался (судя по звуку, не в платок, а на сторону)»* (Детская книга для мальчиков, с. 238).

Неожиданное «воскрешение Дмитрия» приводит Годунова в ужас. Чувство страха описано автором при помощи разговорных языковых средств, снижающих образ. Ср.: *«Его величество шарахнулся от гроба так, что с размаху сел на пол. Борода тряслась, глаза лезли из орбит»* (Детская книга для мальчиков, с. 242).

Акунин показывает Бориса Годунова в момент его смерти. Ср.: *«И вдруг улыбнулся – что удивительно, словно бы с облегчением»*; *«Он опрокинулся на спину, рванул ворот...»* (Детская книга для мальчиков, с. 242); *«Потом взглянул на воскресшего покойника, уже не с ужасом, а,*

пожалуй, с умилением» (Детская книга для мальчиков, с. 243); *«Он, кажется, хотел сказать что-то еще, но вдруг страшно захрипел, изо рта, из носа, даже из ушей потоками хлынула тёмная кровь»*; *«Страшно было смотреть, как по усам, по бороде Годунова течёт кровь, как растягиваются в улыбке губы, хотя что-то сказать, да уже не могут»* (Детская книга для мальчиков, с. 244). Смерть воспринимается Борисом Годуновым как естественное завершение жизни, воля судьбы. Ср.: *«—Отхожу, бо приступил час мой...»*; *«Умираю, пришёл мой час...»* (Детская книга для мальчиков, с. 243).

Образ Бориса Годунова рассматривается нами как образ, который относится к категории «Правители». В изображении Акунина персонаж представлен в реалистично-сниженном ключе. Акцент сделан на неуверенности, излишней чувствительности героя; отдельные характеристики вызывают отторжение. Объективности, нейтрально переданных характеристик в изображении Бориса Годунова не наблюдаем. Системное представление языковых средств создания образа Бориса Годунова приведено в таблице 12. См. также Приложение 9.

Таблица 12

Система языковых средств создания образа Бориса Годунова в романе Бориса Акунина «Детская книга для мальчиков»

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>царь; государь; монарх; повелитель; самодержец</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы <i>царь и великий князь; царское величество</i>	образные перифразы <i>христианнейший из монархов Солнечной системы; пёс суемерзкий; чадогубитель зноеродный</i>
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
<p>Внешность</p> <p>а) общий облик: <i>кряжист, краснолиц, низенький, животастый;</i></p> <p>б) детали облика: <i>лоб в глубоченных морщинах, лицо опухшее; мясистые, унизанные перстнями пальцы <...> всё время шевелятся, будто червяки; в недлинной, стриженной клином бородке проседь; длинный ус;</i></p> <p>в) глаза: <i>заплывшие глазки так и шныряют туда-сюда</i></p> <p>Голос</p> <p><i>голос неожиданно звонкий, молодой; таким хорошо кричать перед большой толпой или</i></p>		<p>Манера держаться в разных обстоятельствах:</p> <p>а) невербальное поведение: <i>сел; не плюхнулся, а опустился; быстро собрался; не терпит; примчался; идти смотреть на отрока почему-то не спешил; наконец решился; вплыл, величаво постукивая посохом; шел по горнице, он и топал, и посохом об пол стучал, а вошел в чуланчик – сделался тише воды, ниже травы; похныкал; осмелился подойти на цыпочках; не вставая с коленок, подполз вплотную к гробу, наклонился; плачет; совсем разрыдался; повалился на колени; лбом об пол колотит;</i></p>

<p>командовать войском</p> <p>Одежда одетый наполовину по-русски, наполовину по-европейски: ноги в красных чулках и башимаках с бантами; сверху златотканый кафтан, перетянутый широким жемчужным поясом</p> <p>Атрибуты большие жемчужные пуговицы, перстни</p> <p>Запах обдав запахом чеснока и пота</p> <p>Система ценностей а) вера в Бога: бормотал молитвы; уставился на икону; размашисто перекрестился; плакал и молился никак не меньше четверти часа б) получение прощения: мне кроме прощения ничего не нужно</p> <p>Черты характера, душевные качества терпение редкостное (на молитве)</p>	<p>стучался головой о доски, плакал и молился никак не меньше четверти часа; поутих, засморкался; шарахнулся от гроба так, что с размаху сел на пол; борода тряслась, глаза лезли из орбит;</p> <p>б) поведение в момент смерти: улыбнулся словно бы с облегчением; опрокинулся на спину, рванул ворот; взглянул на воскресшего покойника, не с ужасом, а с умилением; хотел сказать что-то еще; страшно захрипел; растягиваются в улыбке губы, хотят что-то сказать, да уже не могут</p> <p>Особенности речевого поведения: речь эмоциональная, отражающая состояние персонажа голос дрогнул; забормотал малопонятное; вдруг как крикнет; зашептал в самое ухо; пролепетали дрожащие губы; подавился криком; завопил уже не сдавленно, а истошно; прохрипел; с трудом проговорил; говорил, еле шевеля побелевшими губами; тихо, но грозно приказал; заговорил отрывисто, мудреными словами; просипел</p>
--	--

Характеристика Бориса Годунова формируется посредством **слов автора** (большинство приведённых ранее примеров), слов других персонажей, а также с помощью прямой речи самого персонажа.

Из **других персонажей** образ Годунова характеризуется в первую очередь в речи Василия Шуйского. Шуйский относится к царю с притворным подобострастием, так как осознаёт свою зависимость от воли Годунова. Ср.: *«О, маестат! О, крестьяннейший из подсолнечных царей! Пожаловал убогий домишко раба твоего!»* – торжественно провозгласил князь <...> *О, царское величество! О, христианнейший из монархов Солнечной Системы!.. Ты оказал высокую честь скромному дому твоего слуги!»* (Детская книга для мальчиков, с. 235); *«Ты можешь убедиться в этом своими собственными ясными глазыньками»* (Детская книга для мальчиков, с. 236). Сразу после смерти Годунова отношение к нему Шуйского изменяется, что прослеживается в использовании разговорной сниженной лексики. Ср.: *«В чудеса верит чернь или ополоумевший от страха царь...»* (Детская книга для мальчиков, с. 244).

Мы видим Бориса Годунова также глазами персонажа-ребёнка. Царь представляется ему неприятным внешне, не соответствующим образу

монарха. Ср.: *«Голос у него был неожиданно звонкий, молодой... Но кроме голоса ничего привлекательного в самодержце Ластик не обнаружил. Низенький, животастый, лоб в глубоченных морщинах, лицо опухшее, заплывшие глазки так и шныряют туда-сюда, а мясистые, униженные перстнями пальцы, что сжимают посох, всё время шевелятся, будто червяки. Шестиклассник впервые видел настоящего живого монарха и даже расстроился. Ничего себе царь. Как такого несимпатичного «всем народом выбрали»? Где у избирателей глаза были? Неужто во всей России никого получше не нашлось?»* (Детская книга для мальчиков, с. 234).

Автохарактеристика персонажа, его самоуничижение, позволяет сделать вывод о том, что он раскаивается в совершённом по его приказу убийстве. Ср.: *«Пёс я суемерзкий, чадогубитель гноеродный! Ах, отрок безвинный! Аки бы мог аз, грешный, житие свое окаянное вспять возвратить! Увы мне! Што есмь шапка царская, што есмь власть над человеками? Пошто загубил аз, сквернодеец, душу свою бессмертну? Всё тлен и суета!..»* (Детская книга для мальчиков, с. 238–239).

В целом можно сказать, что образ Годунова представлен в сниженном, даже шаржированном виде. Главная черта этого образа – крайняя противоречивость, двойственность. Одет персонаж *«наполовину по-русски, наполовину по-немецки»*. Обладая звонким, «молодым» голосом, которым хорошо *«командовать войском»*, Годунов постоянно *«сипит»*, *«хрипит»*, *«бормочет»*, *«говорит с трудом»*, *«лепечет»* и т.д. При людях он ведёт себя величественно, не сомневается в том, что даже его невысказанные желания будут угаданы (не глядя садится на мгновенно поданный стул), а наедине с собой *«ходит на цыпочках»*, *«ползает на коленках»*, *«плачет»*, *«рыдает»* и *«стучится головой о доски»*. Ср. ещё примеры противоречивого поведения персонажа, подчёркиваемого противительными синтаксическими конструкциями: *«Из Кремля царь примчался в один миг, а идти смотреть на отрока почему-то не спешил»*; *«Пока государь шёл по горнице, он и топал, и посохом об пол стучал, а вошёл в чуланчик – сделался тише*

воды, ниже травы». Очевидно, не случайно персонаж, живущий в таком напряжении и таких противоречиях, не успев появиться на страницах романа, тут же умирает. В момент смерти у него отовсюду идёт кровь, буквально и символически снимая это огромное напряжение и доставляя Годунову облегчение перед смертью: *«изо рта, из носа, даже из ушей потоками хлынула тёмная кровь»*; *«по усам, по бороде Годунова течёт кровь»*; *«и вдруг улыбнулся – что удивительно, словно бы с облегчением»*.

3.4. Языковые средства создания образа Марины Мнишек

Образ Марины Мнишек в романе Бориса Акунина «Детская книга для мальчиков» складывается из процессуальных и непроцессуальных характеристик. Непроцессуальные характеристики находим в 31 контексте, процессуальные – в 33 контекстах.

Для **номинации** персонажа использовано 12 лексических единиц: *царица (5), невеста (2), царская невеста, ясновельможная пани, полячка, честолюбица, царская избранница, полноправная государыня, молодая царица, государыня, ясновельможная царица, иноземка*. Выбранные автором лексические единицы (в основном функциональные и оценочные предикаты) характеризуют отношение окружающих к Марине Мнишек, её статус.

Непроцессуальные характеристики представлены в 31 контексте. Можно выделить три группы языковых единиц:

- 1) языковые единицы, характеризующие внешний облик Марины Мнишек;
- 2) языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие Марине Мнишек;
- 3) языковые средства, эксплицирующие систему ценностей Марины Мнишек.

Описывая внешность Марины Мнишек, Акунин обращает особое внимание на её взгляд, улыбку. Складывается впечатление, что улыбкой и ласковым взглядом Марина пользуется словно бы по расчёту, только в те

моменты, когда ей нужно кого-то очаровать или изобразить симпатию. Ср.: *«...она выглядит взрослее своих восемнадцати лет. Взгляд прямой, гордый, совсем не девичий. Губы тонкие, будто поджатые. Непохоже, чтобы эта девушка часто улыбалась. В принципе ничего, но не такая сногшибательная красавица, как расписывал Юрка. В какой-то книжке было написано, что настоящая красавица всегда прекрасней своего наряда, как бы он ни был хорош. А у Марины внешность, пожалуй, уступала великолению платья, слишком густо обшитого драгоценными камнями. Они так сверкали и переливались, что лицо оказалось словно бы в тени»* (Детская книга для мальчиков, с. 371); *«И лицо её преобразилось. Сухие губы раздвинулись в улыбке, обнажив ровные, белоснежные зубы – большую редкость в эпоху, когда о зубной пасте и слыхом не слыхивали. Глаза будто распахнулись, наполнились светом»*; *«Оказывается, она в самом деле редкостная, просто невероятная красавица...»* (Детская книга для мальчиков, с. 374); *«Даже Ластик не смог бы отказать, если б она так смотрела на него своими нежными сине-зелеными глазами...»* (Детская книга для мальчиков, с. 386); *«Легко согнув тонкий стан, поклонилась суженому до земли»* (Детская книга для мальчиков, с. 391); *«Но уста полячки озаряла ясная улыбка, и глаза сияли»* (Детская книга для мальчиков, с. 398).

Богато украшенная одежда Марины Мнишек – подтверждение её высокого статуса. Ср.: *«А у Марины внешность, пожалуй, уступала великолению платья, слишком густо обшитого драгоценными камнями. Они так сверкали и переливались, что лицо оказалось словно бы в тени»* (Детская книга для мальчиков, с. 371). Она надевает русский наряд, но только для того, чтобы завоевать доверие окружающих. *«Ради торжественной церемонии Марина Мнишек нарядилась в московское платье, голову увенчала ажурным кокошником, ещё и укрыла платком, чтобы, не дай бог, не торчало ни единой прядки»* (Детская книга для мальчиков, с. 391). Ср. ещё описание одежды Марины Мнишек: *«...нужно*

было в считанные дни сшить две дюжины платьев, да украсить их десятью тысячами драгоценных камней, сотнями аршин золотой и серебряной канители, кружевами, затейливой вышивкой» (Детская книга для мальчиков, с. 396); *Невеста опять нарядилась по-русски. Её платье было так густо обшито самоцветами, что никто не смог бы понять, какого цвета ткань. Марина еле переставляла ноги в этом тяжёлом, негнущемся наряде – её вели под руки две боярыни* (Детская книга для мальчиков, с. 398).

Марина Мнишек пытается создать впечатление, что уважительно относится к русским традициям, но допускает оплошности. Ср.: *«Та едва кивнула и заговорила первой, что вообще-то было нарушением этикета, поскольку князь Солянский представлял здесь особу государя»* (Детская книга для мальчиков, с. 372); *«Легко согнув тонкий стан, поклонилась суженому до земли. Народ одобрительно загудел – уважает иноземка стародавние русские обычаи»* (Детская книга для мальчиков, с. 391); *«Когда Марина подошла целовать икону – все ахнули, потому что царица облобызала образу не руку, а уста, по польскому обычаю»* (Детская книга для мальчиков, с. 399); *«Но в самый разгар пира Марина совершила новую оплошность. Марина, просияв, протянула боярину руку для поцелуя, что при польском дворе почиталось бы знаком особой милости»* (Детская книга для мальчиков, с. 401).

Марина Мнишек обладает твёрдым характером. Она хладнокровна и умна. Ср.: *«Но у дочери характер оказался потвёрже, чем у отца»* (Детская книга для мальчиков, с. 372). *«От этой визгливой, истеричной команды любой нормальный человек в два счёта сошёл бы с ума, а Марина ничего, справлялась»*; *«В любой ситуации невеста сохраняла полное хладнокровие»* (Детская книга для мальчиков, с. 395); *«И твёрдая, и воспитанная, и умная, на лету всё схватывает»* (Детская книга для мальчиков, с. 400); *«Хладнокровие сохраняла одна государыня; Марина была бледна <...> но*

голос не дрожал, взгляд пылал решимостью, а в руке она сжимала заряженный пистоль» (Детская книга для мальчиков, с. 440).

Процессуальные характеристики дают представление о мотивах и целях деятельности, осуществлении задуманного. Марина Мнишек принимает православие и выходит замуж за Лжедмитрия, как она утверждает, по любви. Но на самом деле ею движет жажда власти. Ср.: *«– Мой король, я не смогу разлюбить тебя, даже если ты нарушишь все клятвы в мире! <...> Разве я хочу, чтобы ты погиб?»* (Детская книга для мальчиков, с. 382); *«Впервые в русской истории царскую избранницу короновали – будто полноправную государыню. Ластик не знал, чья это идея – то ли честолюбницы Марины, то ли самого Юрки, который ратовал за женское равноправие»* (Детская книга для мальчиков, с. 399). Её интересуют только богатство и власть, все действия основаны на расчёте: в момент опасности она предаёт Лжедмитрия ради собственной выгоды. Ср.: *«Сама, однако, прятаться не стала. Решительной походкой вышла в коридор и двинулась прямо к лестнице»* (Детская книга для мальчиков, с. 441); *«Сделала два маленьких шажка назад. И вдруг сделала вот что: приложила свой пистоль к воеводиному затылку да спустила курок»;* *«Отшвырнула пистоль, схватилась обеими руками за рычаг, дёрнула – и решётка поползла вверх»* (Детская книга для мальчиков, с. 443).

Марина умело взаимодействует с окружающими, манипулирует ими, добиваясь необходимого ей результата, завоевывая доверие. Ср.: *«Появится Марина, на одних прикрикнет, других успокоит – глядишь, снова тишь и гладь»;* *«То фрейлины забунтуют против русской еды – мол, у них от солений, икры и кваса животы болят. Марина шлёт записку жениху, и в тот же день русских кухарок сменяют польские»;* *«Ладно, она даёт им аудиенцию. Ластик... видит, как быстро Марина усмиряет иезуитов: немножко поворковала с ними, помолилась, тут же исповедовалась, и они ушли укрощённые»* (Детская книга для мальчиков, с. 395). Не является исключением и персонаж-ребёнок. Ср.: *«– Отныне, князь, ты и мне будешь*

братом, – с улыбкой молвила Марина Ластикку» (Детская книга для мальчиков, с. 382); *«Думал, она рассердится, что он смеет так разговаривать с монархом. Но Марина, наоборот, ласково ему улыбнулась»* (Детская книга для мальчиков, с. 389); *«С Ластиком она теперь держалась совсем не так, как при первой встрече, а ласково и открыто, называла трогательно: “братик”»* (Детская книга для мальчиков, с. 396); *Марина засмеялась, потрепала его по волосам* (Детская книга для мальчиков, с. 397). К слугам она относится с пренебрежением, что проявляется в её речи. Ср.: *«– Тихо вы, гусыни! – топнула ногой царица. – Забейтесь по углам и молитесь!»* (Детская книга для мальчиков, с. 441).

Речевое поведение Марины Мнишек достаточно разнообразно и свидетельствует о её умении в нужный момент демонстрировать нужные эмоции. Ср.: *«Та едва кивнула и заговорила первой...»* (Детская книга для мальчиков, с. 372); *«– Дмитрий! Мой Дмитрий! – пронзительно вскричала Марина»*; *«– Мой милый, – тихо проговорила ясновельможная пани»* (Детская книга для мальчиков, с. 374); *«– Не говори так! – воскликнула Марина, схватив его за руку»* (Детская книга для мальчиков, с. 383); *«– Доктор отлично предсказывает будущее, – сказала она, слегка нахмурившись»* (Детская книга для мальчиков, с. 386); *«Марина вскрикнула и перекрестилась...»*; *«– О какой страшной опасности, угрожающей тебе в будущем, хотели предупредить духи? – всхлипнула Марина»* (Детская книга для мальчиков, с. 389); *«– Я верю тебе, мой император! – с восторгом вскричала она»* (Детская книга для мальчиков, с. 390); *«– Что, заговор?– отрывисто спросила она»* (Детская книга для мальчиков, с. 440).

Представим систему языковых средств, характеризующих образ Марины Мнишек, в таблице 13. Схематическое представление образа Марины Мнишек см. также в Приложении 10.

**Система языковых средств создания образа Марины Мнишек
в романе Бориса Акунина «Детская книга для мальчиков»**

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>царица, невеста, государыня, иноземка, полячка</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	<i>царская невеста, ясновельможная пани, ясновельможная царица, честолюбива Марина, царская избранница, полноправная государыня, молодая царица</i>	
Непроцессуальные характеристики		Процессуальные характеристики
<p align="center">Внешность</p> <p>а) общий облик: внешность уступала великолепию платья;</p> <p>б) детали облика: лицо оказалось словно бы в тени; губы тонкие, будто поджатые; сухие губы; ровные белые зубы</p> <p>в) улыбка: непохоже, чтобы эта девушка часто улыбалась; сухие губы раздвинулись в улыбке, обнажив ровные, белоснежные зубы;</p> <p>г) глаза: нежные сине-зеленые глаза; взгляд прямой, гордый, совсем не девичий</p> <p align="center">Возраст</p> <p>выглядит взрослее своих восемнадцати лет</p> <p align="center">Одежда</p> <p>платье, слишком густо обшитое драгоценными камнями; московское платье; ажурный кокошник; платок; две дюжины платьев [с] десятью тысячами драгоценных камней, сотнями аршин золотой и серебряной канители, кружевами, затейливой вышивкой; платье густо обшито самоцветами; ночная рубашка; шерстяной платок; шаль</p> <p align="center">Атрибуты</p> <p align="center">пистоль</p> <p align="center">Система ценностей: богатство и власть</p> <p>Впервые в русской истории царскую избранницу короновали – будто полноправную государыню</p> <p align="center">Интеллектуальные качества</p> <p>умная; на лету всё схватывает</p> <p align="center">Черты характера, душевные качества</p> <p>а) хладнокровие, твердый характер: характер оказался потвёрже, чем у отца; твердая; сохраняла полное хладнокровие; ничего, справлялась; голос не дрожал; взгляд пылал решимостью;</p> <p>б) воспитанность: воспитанная</p> <p>в) низость в нравственном отношении, притворство: подлая</p>		<p align="center">Мотивы и цели деятельности: получение власти через замужество и коронацию</p> <p>– Я верю тебе, мой император!; – Ах, скорей бы свадьба!; – Ты хочешь принять православие по расчету? – Не по расчету, а по любви.</p> <p align="center">Фактическое осуществление задуманного: активные действия в критической ситуации</p> <p>прятаться не стала; сделала два маленьких шажка назад; решительной походкой вышла в коридор и двинулась прямо к лестнице; приложила свой пистоль к воеводиному затылку да спустила курок; отивырнула пистоль, схватилась обеими руками за рычаг, дернула – и решетка поползла вверх</p> <p align="center">Манера держаться в разных обстоятельствах:</p> <p>а) улыбается, с виду ласкова в обращении: ласково ему улыбнулась; держалась ласково и открыто, называла трогательно: «братик»; засмеялась, потрепала его по волосам; с улыбкой молвила</p> <p>б) особенности общения с различными персонажами: на одних прикрикнет, других успокоит – глядишь, снова тишь и гладь; дает им аудиенцию; быстро Марина усмиряет иезуитов: немножко поворковала с ними, помолилась, тут же исповедовалась, и они ушли укрощенные; – Тихо вы, гусыни! – топнула ногой царица. – Забейтесь по углам и молитесь!</p> <p align="center">Особенности речевого поведения: речь эмоциональная, отражающая состояние персонажа</p> <p>заговорила первой; пронзительно вскричала; сказала, слегка нахмурившись; с восторгом вскричала; вскрикнула и перекрестилась; всхлинула; отрывисто спросила</p>

Данный образ интересен своей двойственностью, неоднозначностью.

Это проявляется как в непроцессуальных, так и в процессуальных

характеристиках. Все действия персонажа подчинены мотиву личной выгоды. Марина Мнишек умело управляет людьми, подстраивается под обстоятельства.

Кроме приведённых выше примеров характеристики Марины Мнишек **в речи автора**, в тексте романа также присутствует её оценка **в речи других персонажей**. Так, Лжедмитрий (= советский юноша, в подростковом возрасте «упавший в хронодыру») восхищается ею, всегда ждёт с нетерпением, ценит ум и проницательность Марины. Ср.: *«Посмотришь, какая она, моя Маринка. Увидишь, с ней у нас дело шустрей пойдет! Она девчонка классная, и соображает, как Петросян»* (Детская книга для мальчиков, с. 366).

На Ластика (персонажа-ребёнка) Марина Мнишек вначале не производит особого впечатления. Ср.: *«В принципе, ничего, но не такая сногшибательная красавица, как расписывал Юрка»* (Детская книга для мальчиков, с. 371). Но постепенно его мнение меняется. Ср.: *«Кто бы мог подумать, что эта самая Марина, столь мало ему понравившаяся, может так улыбаться, говорить таким голосом. Оказывается, она в самом деле редкостная, просто невероятная красавица, не соврал Юрка»* (Детская книга для мальчиков, с. 374). Ср. также: *«Хорошую Юрка выбрал себе жену, с этим ясно. И твёрдая, и воспитанная, и умная, на лету всё схватывает»* (Детская книга для мальчиков, с. 400). После того как Марина Мнишек предаёт Лжедмитрия, становится очевидной двойственность её натуры. В соответствии с её поступками изменяется отношение к ней Ластика. Ср.: *«...и спросил про подлую Марину»* (Детская книга для мальчиков, с. 455).

Явно выраженная **самохарактеристика** Марины Мнишек в романе отсутствует – о том, что её слова лживы, а поступки вероломны, мы узнаём из слов автора и других персонажей. Сама Марина Мнишек старается говорить и вести себя в соответствии со своим пониманием ситуации.

В целом можно заключить, что образ Марины Мнишек не идеализируется автором, но и не является карикатурным, отличаясь психологической правдоподобностью, полнотой.

3.5. Языковые средства создания образа Наполеона

Император Наполеон Бонапарт является одним из ключевых персонажей в романе Бориса Акунина «Квест». Данный роман входит в серию «Жанры» и представляет собой стилизацию под компьютерную игру в жанрах шпионского романа и научной фантастики. Охарактеризуем жанр этого романа словами Лины Сарин: «Жанровая категория “квест” действительно существует в литературе, чаще всего её относят к некоторым образцам средневековых рыцарских романов; однако на сегодня термин “квест” воспринимается как жанр в первую очередь не литературы, а компьютерной игры. Именно в этом смысле использует термин и Акунин – и действительно, в этом произведении он постарался объединить обычную книгу и компьютерную игру» (Сарин 2017, с. 88). Игровое начало отражается не только в сюжете, целиком основанном на вымысле, но и, выражаясь словами Л.В. Сафроновой, в «инверсии образа» Наполеона, в разрушении привычного представления о нём как о выдающейся личности.

Наполеон действует в одной из сюжетных линий романа. По замыслу автора, секрет успеха великого императора (как и других правителей, выведенных в романе) заключается вовсе не в характере или природной гениальности, а во владении секретным эликсиром – «сыворотке власти», которую императору регулярно подаёт его личный врач доктор Анкр. Молодой русский медик Самсон Фондорин стремится лишить Наполеона этой сыворотки, чтобы остановить войну и избавить мир от тирана.

Образ Наполеона создаётся с помощью процессуальных (68 контекстов) и непроцессуальных (78 контекстов) характеристик.

Для **номинации** персонажа автор использует следующие лексические единицы: *император* (33); *Наполеон* (29); *Бонапарт* (15); *Великий Человек*

(15); *Маленький Капрал* (7); *полководец* (6); *государь* (6); *сир* (6); *монарх* (4); *Гений* (3); *его величество* (3); *генерал Бонапарт* (2); *тиран*; *диктатор*; *властелин*; *кумир*; *пухлый человек с гениальным чутьем и несгибаемой волей*; *природный вождь*; *безусловный genius войны*; *великий полководец*; *гений войны*; *гениальный полководец*; *непобедимый полководец*; *грозный повелитель*: *Император Всех Французов*; *сгорбленный завоеватель*; *августейший подопечный*; *без пяти минут повелитель Европы*; *властитель Европы*; *человек по имени Наполеоне Буонапарте*; *способный полководец*; *дельный администратор*; *гений государственного управления*; *болезнетворная молекула*; *бацилла*; *идеальный по форме и материалу сосуд*; *кукла*. Преобладают неоднословные перифрастические номинации, так или иначе характеризующие личность Наполеона. Выбор этих номинаций, как и других языковых средств для создания образа Наполеона, обусловлен замыслом автора разрушить образ «великого императора». С одной стороны, Б. Акунин использует привычные штампы, традиционно применяющиеся к Наполеону: *Великий Человек*; *Гений*; *тиран*; *диктатор*; *властелин*; *кумир*; *природный вождь*; *безусловный genius войны*; *великий полководец*; *гений войны*; *гениальный полководец*; *непобедимый полководец*; *грозный повелитель*: *Император Всех Французов*; *без пяти минут повелитель Европы*; *властитель Европы*; *гений государственного управления* и др. Это, по мысли автора, образ «ненастоящего Наполеона». С другой стороны, Б. Акунин показывает императора как человека, зависящего от «секретного эликсира», без которого Наполеон мало чем отличается от людей средних достоинств: *пухлый человек*; *сгорбленный завоеватель*; *дельный администратор*; *идеальный по форме и материалу сосуд*; *кукла* и др. Именно этот Наполеон у Б. Акунина является «настоящим».

Двойственность образа, построенного на противопоставлении того, «кем кажется» и «кем является» персонаж, прослеживается и во всех остальных характеристиках, которыми наделяет его автор.

Рассмотрим **непроцессуальные характеристики**, которые представлены следующими группами языковых средств: 1) языковые единицы, характеризующие внешний облик Наполеона; 2) языковые единицы, обозначающие предметы, принадлежащие Наполеону; 3) языковые единицы, выражающие систему ценностей Наполеона.

Автор отмечает наиболее яркие черты **внешности** французского императора. Это *«пухлый человечек»* (Квест, с. 120) невысокого роста: во французской армии его называют *«Маленький Капрал»* (Квест, с. 211). Ср.: *«Низенький полный человек в затрапезном сюртуке, большой шляпе без плюмажа, ссутулясь, ехал шагом, с двух сторон заслоняемый телохранителями»* (Квест, с. 213); *«Вблизи стало видно, что... этот человек с внешностью булочника...»* (Квест, с. 214).

Несмотря на невзрачную внешность, Наполеон способен вдохновлять людей. Ср.: *«От всей неказистой фигуры Маленького Капрала, от его одутловатой физиономии исходили физически ощутимые волны могучей силы и неколебимой уверенности. Он медленно шагал вдоль шеренги, и люди будто заряжались частицей этой мощи; их плечи распрямлялись, глаза зажигались экстатическим огнём. Взгляд императора обладал поразительной особенностью: будучи устремлён на людей гораздо более рослых, он производил впечатление света, лучившегося откуда-то сверху, с недостижимой высоты»* (Квест, с. 214); *«И снова Фондорин поразился власти этого толстячка над людьми»* (Квест, с. 215).

В целом описание внешности императора имеет явно сатирические черты. Ср. описание Наполеона глазами молодого медика Самсона Фондорина: *«Рост? Пожалуй, два аршина и два вершка, то есть, по принятой у французов метрической системе, около ста пятидесяти сантиметров. Туловище довольно длинное, а ноги короткие. Цвет лица выдаёт склонность к желудочным коликам и печёночную недостаточность. Голова мезоцефального типа с вдавленными висками, борода редкая»* (Квест, с. 214).

Языковые средства, которые обозначают **предметы**, принадлежащие Наполеону, немногочисленны: одет в «затрапезный сюртук», на нём «большая шляпа без плюмажа», при этом едет он на «прекрасном арабском коне» (Квест, с. 213). Акунин упоминает символы власти императора – орла (символ победы) и пчелу (символ возрождения, бессмертия), которые, однако, дисгармонируют с внешностью самого императора. Ср.: «Штандарты Наполеона были украшены **пчёлами**, на древках сияли **имперские орлы**, но сам властитель напомнил Фондорину не крылатое созданье, а скорей подводную тварь – белую акулу или касатку» (Квест, с. 214).

Система ценностей Наполеона раскрывается посредством описания его действий и предпочтений. Основной целью императора становится победа в войне, поэтому он ценит солдат, которые являются средством для достижения этой цели. Ср.: «...этот человек с внешностью булочника – безусловный **genius войны**, то есть само воплощение её алчного, неукротимого духа» (Квест, с. 214); «– Как это «ни одного пленного?» – сердито воскликнул **Бонапарт**. – Этого не может быть!» (Квест, с. 215); «Он верил в свою неизменную звезду и ждал от неё всегдашнего знака, внятного ему одному, но звезда пока молчала» (Квест, с. 120); «Он всегда говорил, что лучшее лекарство от болезней – души из ядер и картечи. Близость сражения пьянила его и заряжала бодростью (Квест, с. 224); «Но **Бонапарта** занимали не врачи, а раненые. Их было не менее двух сотен; император не пропустил ни одного» (Квест, с. 215); «– Мой бедный Пикар, – молвил он, наклоняясь. – Что я вижу? Тебе отрезали ногу! Но ты ведь послужишь мне и на деревяшке, старый чёрт? Тебе рано на тот свет, ты нужен мне здесь; – Пикар был со мной ещё при Маренго. Я не желаю его терять. Юван, подите сюда! Вылечите мне этого человека!» (Квест, с. 216); «Я видел, как императору не хочется жертвовать своими любимыми усачами» (Квест, с. 599).

Для Наполеона важно соблюдение внешних приличий, формальностей. Ср.: *«Император не любит, когда военный чиновник или наш брат лекарь расхаживает в партикулярном платье»* (Квест, с. 211).

Акунин также обращает внимание на гастрономические предпочтения французского императора. Ср.: *«Перед большой битвой у Гения всегда зверский аппетит»* (Квест, с. 213); *«Про то, что великий полководец перед сражением всегда просыпается до рассвета и с неизменным аппетитом завтракает, знала вся Европа»* (Квест, с. 220); *«— Котлетки вряд ли, — сказал он, отодвигая кастрюльки одну за другой. — Фрикасе точно не будет. А вот чашку бульона обязательно выпьет. И суфле на всякий случай разогрею»* (Квест, с. 221); *«Однако Фондорин знал, что Великий Человек, не выпив кофею, с места не тронется и вообще не любит перемещаться во мраке»* (Квест, с. 509).

Наполеон полагает, что на нём лежит ответственность за ход истории. Поэтому вероятность попасть в плен пугает его больше, чем смерть. Ср.: *«У меня к вам две просьбы, Анкр, — сказал он. — Изготовьте мне яд мгновенного действия. Я не могу позволить себе попасть в плен. Слишком высока моя ответственность перед историей»* (Квест, с. 598).

Характеристика интеллектуальных качеств Наполеона противоречива. С одной стороны, он обладает *гениальным чутьем, несгибаемой волей, выдающимися качествами полководца и правителя*. Но, с другой стороны, все эти качества — лишь результат приёма особого чудодейственного препарата, а сам Наполеон — обычный человек, который, к тому же, страдает психическим расстройством. Ср.: *«Стало быть, Бонапарт зависим от некоего сильнодействующего препарата? Принял эликсир — гений, не принял — обыкновенный человек? Иными словами, властитель Европы мало чем отличается от заядлого опиомана, который не может обходиться без дурманящего зелья?»* (Квест, с. 244); *«Эта совокупность черт предполагает сверхчувствительность к запахам и зависимость от метеорологических условий. В сырые дни у этого человека могут быть*

невыносимые мигрени, даже судороги. Да-да, судороги непременно. Возможно, эпилептического свойства...» (Квест, с. 215); *«Им будет невдомёк, что гений войны никак не может собрать воедино обрывки разрозненных, непослушных мыслей»* (Квест, с. 223); *«– Тем же недугом страдает и наш император. Психическое нездоровье свойственно всему роду Буонапарте... Сам он подвержен припадкам с судорогами и обмороками. Об этом знает вся Европа. Но никому не известно, что, не будь у Великого Человека этой болезни, он не стал бы великим. – Не так, не так, – медленно проговорил Самсон. – Наполеон не стал бы великим, если б не вы с вашим эликсиром. Это ведь снадобье превращает обычную эпилептоидность в гениальность...»*; *«Что он без эликсира? Всего лишь талантливый полководец, какие найдутся и у нас»* (Квест, с. 251).

Мы также можем проанализировать лексические единицы, показывающие отношение других людей к Наполеону. Подданные тщательно оберегают его. Ср.: *«Как добраться до тирана, которого охраняют лучше, чем любого из жителей земли?»* (Квест, с. 142); *«...ехал шагом, с двух сторон заслоняемый телохранителями»* (Квест, с. 213); *«Великого Человека оберегала двойная охрана»*; *«В главный шатёр, опекаемый с особенной строгостью, попасть он не стремился...»* (Квест, с. 218); *«Цепочка телохранителей была смята, императора от пик и сабель защищали штабные»* (Квест, с. 516); *«На хвосте у казаков сидела конница Мюрата и Понятовского, жаждавшая отомстить наглецам, что осмелились покушаться на Маленького Капрала»* (Квест, с. 517).

Наполеоном восхищаются, в него верят. Ср.: *«Маленьким Капралом» во французской армии любовно называли Бонапарта»* (Квест, с. 211); *«–Я говорил с Маленьким Капралом! – лепетал счастливый Демулен. – Будет что рассказать детям и внукам!»* (Квест, с. 217); *«Все глядели на довольное лицо полководца и чувствовали одно и то же: радостное предвкушение то ли праздника, то ли чуда»* (Квест, с. 225); *«Даже в самый разгар схватки никто не посмеет подгонять грозного повелителя, требовать от него*

незамедлительных решений. Все приближённые **привыкли полагаться на чутьё и волю непобедимого полководца**» (Квест, с. 223). Наполеона бояться потерять – внезапное недомогание пугает подданных. Ср.: *«Никто из генералов и офицеров больше не смотрел в сторону сражения. Все глядели на покачивающийся полог, боясь пошевелиться»* (Квест, с. 232).

Тем не менее, неудача при наступлении на флешу русской армии заставляет подданных усомниться в гении полководца. Ср.: *«Радостное возбуждение, первоначально царившее на холме, давно уже сменилось тревогой и растерянностью. Никогда еще свита не видела, чтобы их кумир в разгар битвы был так угрюм и неподвижен»*; *«Когда император повелел готовиться к наступлению на флешу в восьмой раз, соответствующие распоряжения были отданы, свежие силы подтянуты, но в штабе приказ был встречен гробовым молчанием»* (Квест, с. 227). Захват укреплений, ставший возможным благодаря ранению Багратиона, возвращает веру в Наполеона. Ср.: *«Не из-за того, что ценой тысяч жизней удалось захватить несчастную земляную насыпь, а из-за воскресшей веры в гений великого человека. Они все сомневались, а он настоял на своём и оказался прав!»* (Квест, с. 228).

Барон Анкр, который изготавливает чудесный эликсир, относится к императору с иронией. Наполеон является орудием в его умелых руках. Ср.: *«Самсону показалось, что слова «le Grand Homme», давно ставшие нарицательным прозвищем Бонапарта, фармацевт произнёс иронически»* (Квест, с. 244); *«– Пускай не кукла. Сосуд. Идеальный по форме и материалу. Однако наполняю этот сосуд я»* (Квест, с. 511).

Процессуальные характеристики, представленные 68 контекстами, включают в себя: 1) мотивы и цели деятельности; 2) фактическое осуществление задуманного; 3) особенности речевого поведения, коммуникативные тактики; 4) верификацию как завершающий этап деятельности Наполеона.

Прежде чем принять определённое решение, Наполеон долго размышляет, колеблется. **Намерения** Наполеона передаются сочетаниями типа «модальный глагол + инфинитив»: *собирается ударить, надеется заключить мир, хочет идти на Петербург*. Ср.: «Относительно планов императора разговоры в армии ходят разные. Кто говорит, что **Маленький Капрал собирается ударить на Петербург**» (Квест, с. 409); «**Император надеется заключить мир** и послал к вашему государю парламентёров...» (Квест, с. 500); «**Он хочет идти на Петербург, но время упущено**» (Квест, с. 501).

Размышления Наполеона передают также слова разных частей речи с модальным значением. Ср.: «**Император понимает, что нельзя** вытягивать армию по Новой Калужской дороге, когда с фланга нависает собранное в кулак войско Кутузова. **Можно** развернуться к русским лицом, **но нет уверенности**, что они примут бой. **Очень вероятно**, что они станут отступать и **придётся** их преследовать» (Квест, с. 600).

Фактическое осуществление задуманного у Наполеона сводится к принятию окончательных решений и повелениям: *принял решение, послал парламентёров, построил план, повелел готовиться* и др.

Поведение Наполеона противоречиво, отличается постоянным присутствием некоторой «маски»: автор сообщает нам, что Наполеон нервничает, плохо спит, пребывает в растерянности, но с виду он сохраняет спокойствие и бодрость духа и «держится безукоризненно».

Однако эмоциональное состояние Наполеона может выдавать его **речь**, ср., напр.: *сердито воскликнул; проворчал; хмуро сказал; на что-то сетовал; бранился на медика; злобно воскликнул; в сердцах вскричал; заговорил без гнева и раздражения с глубокой горечью; голос задрожал от волнения, а может быть, от страха* и др.

Верификация Наполеона представлена в нескольких контекстах, где персонаж оценивает свои действия как правильные или (чаще) ошибочные.

Представим систему языковых средств, характеризующих образ Наполеона, в таблице 14. См. также Приложение 11.

Таблица 14

**Система языковых средств создания образа Наполеона
в романе Бориса Акунина «Квест»**

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>Наполеон; Бонапарт; император; Гений; тиран; диктатор; полководец; властелин; государь; монарх; сир; кумир</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	<p><i>пухлый человек с гениальным чутьем и несгибаемой волей; Маленький Капрал; природный вождь; Великий Человек; безусловный genius войны; великий полководец; гений войны; гениальный полководец; грозный повелитель: Император Всех Французов; сгорбленный завоеватель; августейший подопечный; его величество; генерал Бонапарт: без пяти минут повелитель Европы; властитель Европы; человек по имени Наполеоне Буонапарте; способный полководец; дельный администратор; гений государственного управления; природный вождь</i></p>	<p><i>болезнетворная молекула; бацилла; идеальный по форме и материалу сосуд; кукла</i></p>
Непроцессуальные характеристики	Процессуальные характеристики	
<p>Внешность а) общий облик: <i>пухлый человек; толстячок; рост два аршина и два вершка, около ста пятидесяти сантиметров, туловище довольно длинное, а ноги короткие; неказистая фигура; внешность булочника; бледный, покрытый испариной; кулаки судорожно сжаты;</i> б) лицо: <i>одутловатая физиономия; цвет лица выдаёт склонность к желудочным коликам и печёночную недостаточность; голова мезоцефального типа с вдавленными висками; борода редкая; лицо императора сделалось недовольным;</i> в) взгляд: <i>взгляд производил впечатление света; быстрый, всепроницающий взор; тяжёлый взгляд</i></p> <p>Атрибуты <i>затрапезный сюртук, большая шляпа без плюмажа, прекрасный арабский конь</i></p> <p>Система ценностей: а) власть и война за её: <i>Безусловный genius войны, то есть само воплощение её алчного, неукротимого духа; верил в свою неизменную звезду; не могу позволить себе попадать в плен; слишком велика ответственность перед историей;</i> б) армия: <i>Бонапарта занимали не врачи, а раненые; не желаю его терять; не хочется жертвовать своими любимыми усачами; не любит, когда военный чиновник или наш брат лекарь расхаживает в партикулярном платье;</i> в) еда: <i>зверский аппетит; не выпив кофею, с</i></p>	<p>Мотивы и цели деятельности: планирование военных операций <i>еще сам не принял решения; погруженный в глубокую задумчивость; длительные раздумья; надеется заключить мир; собирается ударить на Петербург; хочет идти на Петербург; оставить в Малоярославце мощный заслон, а основную часть армии вести на запад; не дадим Кутузову опомниться; кавалерия довершит разгром; это будет самая быстрая из моих побед; не дам ему испортить мой триумф; остаюсь в Кремле;</i></p> <p>Фактическое осуществление задуманного: Решительность, но непоследовательность действий <i>послал к вашему государю парламентёров; принял такое рискованное решение; на том я и построил свой план; ленивая неторопливость, в любое мгновение грозящая обратиться смертоносным рывком; вдруг ослабил натиск и дал русским оправиться; принял решение дать полякам независимость; переместившись на тысячу вёрст западнее, Бонапарт сможет держать в узде всю Европу; со всем согласился и поблагодарил меня за бесценную помощь; приготовил на завтра кушанье, которого русские ещё не пробовали; вступая в сражение, спокоен и уверен в победе; повелел готовиться к наступлению на флешу в восьмой раз; принял рискованное решение</i></p>	

<p><i>места не тронется; перед сражением всегда просыпается до рассвета и с неизменным аппетитом завтракает</i></p> <p>Интеллектуальные качества <i>гениальное чутье, несгибаемая воля; стратегический гений; никак не может собрать воедино обрывки разрозненных, непослушных мыслей; от природы ... обладает выдающимися качествами полководца и правителя; психическое нездоровье; прослыл непредсказуемым и непобедимым</i></p>	<p>Манера держаться в разных обстоятельствах: <i>сохраняет внешнее спокойствие</i> <i>ночь провёл плохо, его мучили почечные колики, но проснулся бодрым, в прекрасном настроении; открыв глаза, он вспомнил, какой сегодня день, улыбнулся и крикнул; велел монарх, садясь к столу и вытягивая шею, чтоб ему повязали салфетку; не чувствуя одухотворения, Наполеон растерялся; загрохотали сердитые шаги; сидел в седле, сложив руки на груди, и смотрел на резню со спокойной улыбкой; во время стычки держался безукоризненно</i></p> <p>Особенности речевого поведения: <i>речь эмоциональная, отражающая состояние персонажа</i> <i>ему хотелось шутить; сердито воскликнул; со смехом дёрнул маршала за ухо; проворчал властелин, успокаиваясь, и двинулся дальше; оборонил великий человек, смерив его взглядом; вышел к штабу, всё так же улыбаясь и потирая руки; хмуро сказал, потирая лоб; твердил одно и то же; на что-то сетовал; бранился на медика; оглядел затянутое дымом поле, злобно воскликнул; объявил, что не нуждается в каплях; вздохнул и продолжил уже не так бодро; в сердцах вскричал; заговорил без гнева и раздражения с глубокой горечью; голос задрожал от волнения, а может быть, от страха</i></p> <p>Верификация <i>способен объективно оценивать свои действия</i> <i>настоял на своём и оказался прав; не нужно, ничего не нужно; теряем время; был нетерпелив, делал ошибки, каждая битва могла оказаться последней; со всем согласился и поблагодарил за помощь</i></p>
---	--

Характеристика Наполеона даётся не только **в речи автора** (см. примеры выше), но и в речи других персонажей (барона Анкра, Самсона Фондорина, Демулена), а также в речи самого императора.

Из **речи других персонажей** мы узнаём следующее.

Фондорин считает Наполеона «болезнетворной молекулой». Ср.: *«Избавившись от болезнетворной молекулы, отравляющей весь её организм, Европа вздохнёт с облегчением»* (Квест, с. 142).

Демулен относится к Наполеону с подобострастием. Ср.: *«Я знаю привычки Великого Человека»* (Квест, с. 211); *«Я говорил с Маленьким*

Капралом! – лепетал счастливый Демулен. – Будет что рассказать детям и внукам!» (Квест, с. 217).

Анкр полагает, что все победы Наполеона совершены под воздействием изготовленных им особых капель. Наполеон тщеславен и управляем. Ср.: *«Всеобщая лесть и громкие победы пьянят крепче любого вина. Настал день, когда мой подопечный, без пяти минут повелитель Европы, вновь объявил, что не нуждается в моих каплях. <...> Но не чувствуя того особого одухотворения, к которому его приучил мой эликсир, Наполеон растерялся»* (Квест, с. 244).

Сам Наполеон знает, что имеет влияние на окружающих и использует это. Ср.: *«Очень хорошо зная, какой эффект он производит на окружающих, Наполеон засмеялся. Ему хотелось шутить»* (Квест, с. 225). Но Наполеон осознаёт, что стал марионеткой в руках Анкра. Ср.: *«Я был нетерпелив, я делал ошибки, каждая моя битва могла оказаться последней... Но я был свободен! Пока не повстречался с вами... Теперь, вступая в сражение, я спокоен и уверен в победе. Мир – будто кость в моих зубах, и я грызу её, как мне заблагорассудится. Но зато теперь я похож на пса, которого держат на поводке»* (Квест, с. 374).

Речь Наполеона иллюстрирует его эмоциональность и в то же время – нерешительность, неуверенность в собственных действиях. Ср.: *«Я приказал расстреливать поджигателей на месте безо всякого суда! Ах, Кутузов думает, что я испугаюсь огня и уйду? Чёрта с два! Я не дам ему испортить мой триумф! Я остаюсь в Кремле, в этой колыбели московского царства! – Император вздохнул и продолжил уже не так бодро. – ...Или же все наоборот: зная мой нрав, Кутузов именно на это и рассчитывает? Хочет, чтобы я назло ему остался в Москве и не пустился бы в погоню за его потрепанной армией?»* (Квест, с. 373).

Образ Наполеона в романе «Квест» – это образ правителя и полководца. Но Акунин изображает Наполеона слабым, безвольным человеком, который страдает психическим заболеванием и не способен

принимать решения без специального препарата. Наполеон сравнивается с куклой, марионеткой, «сосудом», что значительно снижает образ, лишая его каких-либо по-настоящему привлекательных черт.

3.6. Языковые средства создания образа М.И. Кутузова

Образ Кутузова представлен в романе Б. Акунина «Квест». Количество контекстов, в которых дана характеристика полководца – 30. Образ Кутузова создан посредством сочетания процессуальных (14 контекстов) и непроцессуальных (16 контекстов) характеристик. Но развёрнутой характеристики полководца в романе Акунина мы не находим – даны только отдельные черты.

Для **номинации** персонажа автор использует следующие лексические единицы: *фельдмаршал, фельдмаршал Кутузов, светлейший, главнокомандующий, князь Кутузов, князь, заслуженный полководец, Михаила Илларионович, новый командующий*. Эти единицы номинации лишь идентифицируют персонажа или называют его «по выполняемой функции», оценочных характеристик они почти не содержат (за исключением сочетания *заслуженный полководец*).

Непроцессуальные характеристики Кутузова заключены в таких языковых единицах, как *хорошо знал людей; человек он был основательный, ни от каких шансов не отказывался, даже самых мизерных; морщинистое лицо; по-стариковски прослезился* и др.

Акунин указывает на пожилой возраст полководца. Ср.: «*Фельдмаршал Кутузов, занятый множеством дел, вначале слушал вполуха, однако скоро с его морщинистого лица сползла нейтрально-любезная улыбка*»; «*В конце по-стариковски прослезился...*» (Квест, с. 143).

Кутузов характеризуется как человек проницательный и серьёзный. Ср.: «*Фельдмаршал Кутузов, занятый множеством дел, вначале слушал вполуха*» (Квест, с. 143). Он использует любую возможность для достижения положительных результатов. Ср.: «*Князь хорошо знал людей, он сразу*

увидел, что перед ним не сумасшедший и не праздный болтун»; *«Не то чтоб светлейший так уж поверил диковинному рассказу, но человек он был основательный, ни от каких шансов не отказывался, даже самых мизерных»* (Квест, с. 143).

Процессуальные характеристики позволяют составить представление об особенностях поведения Кутузова, а также некоторых его действиях.

Кутузов назначен главнокомандующим, чтобы вдохновить войска, помочь одержать победу в Бородинской битве. Ср.: *«А ещё в русскую армию прибыл новый командующий, затем и назначенный, чтобы воодушевить войска на генеральное сражение»* (Квест, с. 120).

При этом активных действий он не совершает, применяя оборонительную и выжидательную тактику. Ср.: *«И так понятно, что Кутузов закопался в землю и приготовился к обороне, то есть полностью отказался от всякой инициативы»* (Квест, с. 224). Противники считают, что Кутузову, несмотря на попытки сбить их с толку, не удастся одержать победу. Ср.: *«Кажется, Кутузов морочит нам голову»* (Квест, с. 501); *«Кутузов, вероятно, попробует нас остановить, но ему не устоять против Наполеона»* (Квест, с. 503).

Поведение Кутузова показывает его как человека, равнодушного к происходящему, внимательного к другим. Но это внимание, по Акунину, показное – на деле Кутузов не вникает в проблемы и предложения других людей, если они кажутся ему несерьёзными, он лишь изображает внимание и любезность. Ср.: *«Главномкомандующий прикрыл дверь плотнее, велел никого к нему не впускать и долго шушукался с мальчишкой. В конце по-стариковски прослезился, расцеловал профессора, перекрестил, помянул Давида с Голиафом, картинно поклонился в пояс. <...> Когда юноша вышел, фельдмаршал покачал головой, вздохнул да снова уткнулся в важные бумаги. Об очкастом “Давиде” он немедленно позабыл»* (Квест, с. 143).

Языковые средства, характеризующие образ М.И. Кутузова, представлены в таблице 15. См. также Приложение 12.

Таблица 15

**Система языковых средств создания образа Кутузова
в романе Бориса Акунина «Квест»**

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>Кутузов, князь, фельдмаршал, светлейший, главнокомандующий</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	<i>новый командующий, заслуженный полководец</i>	–
Непроцессуальные характеристики	Процессуальные характеристики	
Внешность <i>морщинистое лицо</i> Интеллектуальные качества <i>хорошо знал людей</i> Черты характеры, душевные качества <i>человек он был основательный, ни от каких шансов не отказывался, даже самых мизерных; занятый множеством дел; слушал вполуха</i>	Мотивы и цели деятельности: <i>воодушевление войск назначенный, чтобы воодушевить войска на генеральное сражение</i> Фактическое осуществление задуманного: Оборонительные и выжидательные действия <i>вероятно, попробует нас остановить, но ему не устоять против Наполеона; морочит голову; назначил быть опорному пункту левого фланга; закопался в землю и приготовился к обороне, то есть полностью отказался от всякой инициативы</i> Манера держаться: равнодушие под маской интереса <i>нейтрально-любезная улыбка скоро сползла с лица; прикрыл дверь плотнее, велел никого к нему не впускать; шушукался с мальчишкой, расцеловал профессора, перекрестил, помянул Давида с Голиафом, картинно поклонился в пояс; по-стариковски прослезился; покачал головой, вздохнул, уткнулся в важные бумаги; об очкастом «Давиде» немедленно позабыл</i>	

Образ Кутузова в романе «Квест» представлен в оценке автора и других персонажей. Прямой речью данный персонаж не наделен.

Автор оценивает Кутузова объективно, но с долей иронии. Ср.: *«Когда юноша вышел, фельдмаршал покачал головой. Вздохнул да снова уткнулся в важные бумаги. Об очкастом «Давиде» он немедленно позабыл»* (Квест, с. 143).

Из речи других персонажей следует, что Кутузов *«слишком хитер»* и *«морочит <...> голову»* (барон Анкр) (Квест, с. 253, 501). Негативная оценка Кутузова встречается в тексте один раз в речи случайного казака. Ср.: *«Казак ответил матерно. В переводе на приличный язык реплика означала “мне нет*

дела ни до какого Кутузова”, причем фамилия полководца была срифмована самым малопочтенным образом» (Квест, с. 508).

В целом языковые средства, использованные Борисом Акуниным для создания образа М.И. Кутузова, говорят о том, что Кутузов – человек серьезный, хорошо разбирающийся в людях, опытный полководец, способный привести армию к победе. Но при этом и Кутузову свойственно некоторое притворство – изображая заинтересованность в идеях другого персонажа, Кутузов тут же забывает и об идеях, и о самом человеке, так как не считает их на самом деле важными. Кутузов во всём «экономит силы», будь то силы армии или его собственное внимание и эмоции.

3.7. Языковые средства создания образа Екатерины II

В романе Бориса Акунина «Внеклассное чтение», где мы встречаем образ императрицы, параллельно развиваются две сюжетные линии: действие происходит в начале XXI века, а также в последний год правления Екатерины II. По сюжету, ближайшие подданные хотят отравить императрицу, но об этом случайно узнаёт Митридат (Митя), мальчик-вундеркинд, отданный собственным отцом Екатерине для её развлечения.

Образ Екатерины II представлен в романе достаточно полно. Как и в случае в Наполеоном, мы наблюдаем у Б. Акунина определённую «инверсию» привычного образа «великой императрицы»: она показана просто как старая, недалёкая, непривлекательная внешне женщина.

Единицами **номинации** по отношению к Екатерине выступают такие слова и сочетания, как *Екатерина (18), государыня (13), императрица (10), её величество (8), царица (7), жирная/толстая старуха (6), матушка-императрица (4), Богоподобная Фелица (2), великая монархиня (2) матушка-государыня (2), императрица Екатерина Великая, величайшая женщина русской истории, повелительница Российской империи, Афина Паллада, Минерва, старая бабушка, (новая) Семирамида, российская Юнона, ваше*

императорское величество, государыня-императрица, самодержица, повелительница, августейшая персона, августейшая бабка, матушка.

Выбор лексем обусловлен тем, кто именно говорит про Екатерину.

Автор использует как функциональные номинации (*государыня, императрица, царица*), так и метафорические оценочные предикаты на базе прецедентных имён собственных (*богоподобная Фелица, новая Семирамида, российская Юнона*). Однако образные номинации Екатерины используются явно в ироническом ключе, вводятся в снижающий образ контексты, благодаря чему Б. Акунин и добивается «переструктуризации» традиционного образа. Ср., напр.: **«Богоподобная Фелица была вся такая: толстая, раздутая, будто едва втиснувшаяся в платье»** (Внеклассное чтение).

Во внутренней речи Митридата Карпова (персонажа-ребёнка) представлены оценочные характеризующие предикаты (*жирная (раз), старуха, старая бабушка*). Отец Митридата относится к императрице с подбострастием, называет её *Афина Паллада, Минерва, ваше императорское величество, матушка-императрица*. Персонажи, которые устраивают заговор, употребляют лексику с негативной коннотацией (*старуха*), но в обществе других людей относятся к императрице с почтением, что находит отражение в лексике (*матушка, матушка-государыня*).

Непроцессуальные характеристики представлены 63 контекстами (24 лексических единицы). Можно выделить три группы языковых единиц: 1) языковые единицы, характеризующие внешний облик Екатерины II; 2) языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие императрице; 3) языковые средства, эксплицирующие систему ценностей Екатерины II.

Акунин изображает Екатерину II реалистично, в отдельных случаях даже натуралистично. Автор описывает **лицо, глаза, щеки, подбородок, руки, ноги**. Акцент сделан на **фигуре** императрицы: это очень полная женщина. Также активно используется приём сравнения. Ср.: **«Богоподобная**

Фелица была вся такая: толстая, раздутая, будто едва втиснувшаяся в платье. Ступня, поставленная на резную скамеечку, выпирала из сафьяновой туфельки, как разбухшее тесто из чугунка, подбородок висел складками, и даже под носом, где по физиогномическому устройству вроде бы и не положено, тоже была складка»; «Но папенька, казалось, не заметил ни поросячьих щек, ни противной складки под носом, ни волосатой бородавки»; «Государыня повернулась всем своим грузным телом, отчего нога, покоившаяся на скамеечке, соскользнула на пол»; «Жирная рука нерешительно взяла из желоба на столе белую фишку, подержала на весу»; «И Митридат стал стоять смирно, только смотрел уже не на жирную старуху, а на других игроков» (Внеклассное чтение).

При этом Акунин подчёркивает, что у Екатерины лучистые глаза, солнечный взор, простое лицо, что, очевидно, является её достоинствами. Ср.: *«Глаза же у матушки-государыни оказались светло-серые, лучистые, с хитрыми морщинками по краям. А может, морщинки не от хитрости, а от щек, подумал Митридат. Вон какие щеки пухлые, словно две подушки; Лицо размягченное, простое»; «...как оно все превосходно в их жизни переменится, когда матушка-императрица Митридатом восхитится и к своей особе его приблизит, а там, глядишь, вспомнит прежнюю симпатию и устремит свой солнечный взор на некоего отставного секунд-ротмистра»* (Внеклассное чтение).

Также Акунин обращает внимание читателя на малоприятные детали внешности Екатерины (бородавка рядом с ухом). Ср.: *«А что это у её величества пониже уха (государыня как раз повернулась к партнерше слева)? Ей-богу, бородавка, сиречь кожный узелок на эпителиуме, и из бородавки седые волоски»* (Внеклассное чтение).

Мы видим, что Екатерина не идеализируется автором. Слова, при помощи которых Акунин создаёт образ императрицы, относятся к пейоративно окрашенной или стилистически сниженной лексике: *пухлые*

(неодобр.) щеки, поросячьи щеки, жирная (разг.) рука, жирная (разг.) старуха, противная складка (Внеклассное чтение).

Языковые средства, обозначающие **предметы**, принадлежащие персонажу, не так многочисленны. Только в трёх контекстах даётся представление о предметах гардероба. Ср.: *«Ступня, поставленная на резную скамеечку, выпирала из сафьяновой туфельки»*; *«Екатерина тут была совсем не такая, как давеча, в Малом Эрмитаже. Одета попросту, в свободное платье и белый тюлевый чепец»*; *«Бокал полетел на пол, обрызгав царицыно гродетуровое платье»* (Внеклассное чтение).

Акунин показывает, что в различных ситуациях Екатерина одета по-разному: в официальной обстановке на ней платье из гродетура, плотной шёлковой ткани тёмного цвета, сафьяновые туфли. В кругу приближённых она может чувствовать себя более свободно, об этом свидетельствует и её одежда: свободное платье, чепец из тюля – лёгкой прозрачной ткани.

Из предметов обстановки автор выделяет лишь кресло, украшенное живыми цветами, ср.: *«Митя обреченно направился к возвышению, где уже поставили украшенное оранжерейными ландышами кресло для государыни»* (Внеклассное чтение).

Автор отмечает даже **запах**, исходящий от императрицы, создавая тем самым более завершённый «физический», «плотский» образ. Ср.: *«От неё пахло лавандой, пудрой и чем-то пряным, вроде муската»* (Внеклассное чтение).

Мировоззрение, **ценности** Екатерины II выражаются в её речи, действиях. Императрица любит различные увеселения, развлечения. Ей нравится играть в бостон, раскладывать пасьянс, ей интересны уродцы, которых специально приводят. Ср.: *«Жирная рука нерешительно взяла из желоба на столе белую фишку, подержала на весу»*; *«– Хорошо», – говорила. – Только здесь душой и развежишься. Должно быть, у государей душа не от того отдыхает, от чего у обычных смертных»*; *«Засмеялась и императрица: – Ой ли? Ослабшая от смеха Екатерина махнула рукой: – Ну тебя, старый греховодник. Убери свою монстру. Да сто рублей подари. Ох,*

распотешил»; «А государыне нравилось. Она до слез смеялась адмираловым историйкам, особенно если попадались нехорошие слова, несколько раз даже их повторяла» (Внеклассное чтение).

Императрица трепетно относится к своей собачке и переживает, что не может вступить в брак с фаворитом. Ср.: *«Уж прости, дружок, – обратилась она к Внуку, – что твою Лизаньку сюда не зову, больно свежа да хороша. А так рядом с моими старушками я могу чувствовать себя красавицей... Ну а вы-то, Аделаида Ивановна, куда морду тычете? Ах, полизать хочет, моё золотице!»; «Раскладывала государыня пасьянс-солитэр, пребывала в мечтательном настроении. – Ах, – говорит, – мой маленький птенчик, отчего это старому мужчине, хоть бы даже и шестидесятилетнему, незазорно жениться на молоденькой, а зрелой даме того же возраста повенчаться с женщиной двадцати шести или семи лет почитается невозможным? И опять смотрит с надеждой, вздохнуть боится» (Внеклассное чтение).*

Она опасается, что её отравят повара, и не подозревает о надвигающейся опасности, которая исходит от приближённых. Ср.: *«Готовили в Зимнем дворце плохо, потому что государыня на кушанья была непривередлива, больше всего любила вареную говядину с соленым огурцом, и ещё потому, что её величество никогда не бранила поваров – боялась, что какой-нибудь отчаянный обидится да яду подсыплет» (Внеклассное чтение).*

Екатерина ценит людей с выдающимися способностями, покровительствует им. Не поощряет неразумные поступки. Негативно относится к политике Франции. Она с презрением относится к своему сыну, Павлу I, не видит в нём достойного преемника. В этих деталях Б. Акунин опирается на исторические факты: известно «негативное отношение Екатерины II к французской революции» (Пискунова 2012 URL, с. 59). Ср.: *«Царица нахмурилась – не любила французов»; «– Я дурству не*

потатчица!»; «Екатерина презирает своего сына и ни за что не передаст ему скипетр» (Внеклассное чтение).

Процессуальные характеристики представлены 50 контекстами (23 лексические единицы), но все эти контексты дают представление об лишь о её манере общения императрицы, а не о каких-то её делах и поступках.

Ср.: «...Её величеству **приходится много улыбаться без истинной веселости**»; «Государыня ласково **поправила** князю замявшийся кружевной манжет»; «**Наклонилась, зашептала** придвинувшемуся Зурову что-то, по всему видать, веселое – сама **мелко смеялась, трясла подбородками**»; «Теперь дошла очередь и до Карповых – российская Юнона, **еще не доулыбавшись, повела взором с Мити на папеньку**»; «...**волшебный взор Екатерины** может самую малую травинку **вмиг обратить** в прегордый баобаб»; «...императрица, **еще не отсмеявшись** над препирательством грека с англичанином, **вдруг повернула голову и взглянула** на маленького человека»; «**Глаза Семирамиды изумленно расширились** – видно, во дворце никто ей языка не показывал»; «По **ласковой улыбке** видно было, что хочет задать вопрос полегче»; «**Царица руками всплеснула**»; «Но Екатерина **ничего, не обиделась, а даже облобызала** Митю в обе щеки. **Назвала “милончиком” и “умничкой”**»; «**Императрица, та подарила сто червонцев и велела** завтра ввечеру **приходить** в Бриллиантовую комнату, в шахматы играть, но **сказала это лениво, зеваячи**» (Внеклассное чтение).

Для описания действий Екатерины наряду с нейтральной лексикой Акунин использует книжные глаголы: *велеть, облобызать*.

Императрица ласкова, большинство её речевых действий сопровождаются улыбкой. Но, как указывает автор, это мнимое веселье и лёгкость. Ср.: «Её величеству **приходится много улыбаться без истинной веселости**» (Внеклассное чтение).

Акунин показывает Екатерину в состоянии покоя, безмятежности: «**сказала это лениво, зеваячи**»; «**привольно потянулась**» (Внеклассное чтение).

«Автор указывает и на решительность императрицы в отдельных ситуациях – правда, эти ситуации скорее комические и отнюдь не государственной важности. Ср.: «– А всё же выпью настоечки», – **сказала решительно** государыня. – *Хоть и пятница, да грех небольшой. Опять же церковь не воспрещает, если для здоровья польза*» (Внеклассное чтение).

Образ Екатерины II, созданный Акуниным, достаточно сложен. Анализ языковых средств позволяет сделать вывод о том, что автор стремился показать Екатерину не столько императрицей, сколько обычной женщиной. Он методично показывает её недостатки, слабости, делая образ нетрадиционным, непарадным, утрированно сатирическим.

Представим систему языковых средств, характеризующих образ Екатерины II в произведениях Б. Акунина, в таблице 16. Схематическое представление образа Екатерины II см. также в Приложении 13.

Таблица 16

Система языковых средств создания образа Екатерины II в романе Б. Акунина «Внеклассное чтение»

Единицы номинации персонажа	
Однословные номинации <i>Екатерина, государыня), императрица, царица, Минерва, самодержица, повелительница, матушка</i>	Неоднословные номинации
	логические перифразы <i>её величество, величайшая женщина русской истории, повелительница Российской империи, великая монархиня, ваше императорское величество, августейшая персона, августейшая бабка</i>
Непроцессуальные характеристики	Процессуальные характеристики
<p>Внешность</p> <p>а) общий облик: грузное тело; жирная старуха; толстая, раздутая, будто едва втиснувшаяся в платье; морщинистое лицо;</p> <p>б) части тела, детали облика: лицо размягчённое, простое; поросячьи щёки; противная складка; волосатая бородавка; жирная рука; ступня выпирала из туфельки, как разбухшее тесто из чугуна; подбородок висел складками; щёки пухлые, словно две подушки;</p> <p>в) глаза: светло-серые, лучистые, с хитрыми морщинками по краям; солнечный взор</p> <p>Возраст старуха, бабка, бабушка</p> <p>Одежда платье; свободное платье; гродетуровое</p>	<p>Манера общения и поведения в разных обстоятельствах</p> <p>а) много смеётся и улыбается: приходится много улыбаться без истинной веселости; мелко смеялась, трясла подбородками; еще не доулыбавшись, повела взором; еще не отсмеявшись вдруг повернула голову и взглянула на маленького человека;</p> <p>б) оттенки взгляда: волшебный взор Екатерины может самую малую травинку вмиг обратить в прегордый баобаб; Глаза Семирамиды изумленно расширились;</p> <p>в) особенности общения с персонажем-ребёнком: не сразу придумала, что спросить; хочет задать вопрос полегче; облобызала в обе щеки; назвала</p>

<p>платье; сафьяновая туфелька; белый тюлевый чепец</p> <p>Атрибуты резная скамеечка; украшенное оранжерейными ландышами кресло</p> <p>Запах от неё пахло лавандой, пудрой и чем-то пряным, вроде муската</p> <p>Система ценностей а) увеселения, развлечения: взяла белую фишку; до слез смеялась адмираловым историйкам, особенно если попадались нехорошие слова, несколько раз даже их повторяла; б) желание считаться красавицей: рядом с моими старушками я могу чувствовать себя красавицей; в) желание выйти замуж за молодого фаворита: отчего это зрелой даме повенчаться с мужчиной двадцати шести или семи лет почитается невозможным?.. г) привязанность к собачке: Аделаида Ивановна, куда морду тычете?.. моё золотице!</p> <p>Система антиценностей а) не любит французов: не любила французов; б) не любит сына: Екатерина презирает своего сына и ни за что не передаст ему скипетр; в) не любит глупых людей: Я дурству не потатчица!</p> <p>Черты характеры, душевные качества государыня на кушанья была непривередлива; боялась, что какой-нибудь отчаянный обидится да яду подсыплет</p>	<p>“милончиком” и “умничкой”;</p> <p>г) особенности общения с другими персонажами: ласково поправила князю замаявшийся кружевной манжет; руками всплеснула; сказала это лениво, зеваючи; сказала решительно</p>
---	--

Как видим, в образе Екатерины очень подробно представлены непроцессуальные характеристики. Её внешность (за исключением «солнечного взора») оказывается малопривлекательной и даже отталкивающей. Сами единицы номинации Екатерины изображают её как старую толстую женщину (*старуха, бабка*), а метафорические обозначения *Юнона, Фелица, Семирамида, Минерва, Афина Паллада* воспринимаются как ирония, издёвка. Б. Акунин описывает внешность Екатерины с помощью существительных, прилагательных, сравнительных оборотов. Ценности Екатерины оказываются совершенно мелкими (развлечения, желание

считаться красивой и покорять мужчин) или же характеризуются через отрицание (чего или кого Екатерина не любит). Процессуальные характеристики оказываются таковыми лишь формально (выражены глагольной лексикой), но по сути они близки непроцессуальным характеристикам: Екатерина показана как улыбчивая, смешливая, благодушная, расслабленная. Образ Екатерины, созданный Ю. Акуниным, лишён какой бы то ни было комплиментарности и больше напоминает шарж на историческую личность, чем её объективное изображение.

Снижение образа Екатерины II осуществляется не только **в речи автора**, но и **в речи самой Екатерины** благодаря использованию разговорно-просторечных выражений. Ср.: «– **Я чай**, дама-то бубновая вышла? – произнёс слабый, дребезжащий голос»; – «Кого **нынче** привели, Лев Александрович? Чем **распотешите?** – спросила царица, приглядываясь. – **Усы-то** у неё настоящие?»; «– **Ну тебя**, старый греховодник. Убери свою **монстру**. Да сто рублей подари. **Ох, распотешил...**» (Внеклассное чтение).

Также речь императрицы свидетельствует о её неуверенности, недалёковидности. Ср.: «– **Что делать, душенька? Объединиться с Европой против якобинцев, или пускай они и дальше промеж себя режутся, друг дружку ослабляют?** Скажи, дружок, отчего эти голодранцы всех бьют? Ведь и ружей у них не хватает, и пушек, и мундиров нет, и в провианте недостача? Что за напасть такая? **И смотрит на него с надеждой, словно ей сейчас некая великая истина откроется**» (Внеклассное чтение).

В речи других персонажей отношение к Екатерине проявляется по-разному. Слуги Екатерины II относятся к ней с почтением, называют «матушкой». Ср.: «– **Знаешь ли ты, мой добрый сын, что за тобой прислала матушка-императрица?**»; «– **Сьто, матуська, нозька болит?** – закричал он, смешно коверкая слова. – **А вот он я, твой верный Козепуло, и волсебная водитька со мной!**»; «– **Так ведь знаете, матушка, как в народе-то говорят: «Лук от семи недуг»**» (Внеклассное чтение). Персонажи-заговорщики

(фаворит Зуров и его сообщники) притворяются преданными слугами на людях, но не скрывают своей антипатии к Екатерине, когда думают, что их никто не слышит, ср.: *«Старуха мне поверит <...> Старуха выпьет и околеет, но не сразу – дня через два. Успеет и завещание написать, и Внуку скипетр передать... А ведь «старуха» – это государыня императрица, догадался Митя, и ему стало очень страшно»* (Внеклассное чтение).

Таким образом, авторская ирония, обилие сниженной лексики, натуралистических, малопривлекательных деталей, делают образ Екатерины в изображении Б. Акунина не просто сниженным, а карикатурным.

3.8. Языковые средства создания образа Николая II

«Коронация, или Последний из романов» (2000) относится к серии «Приключения Эраста Фандорина». Действие происходит в 1896 году. Накануне коронации похищен Мика, сын великого князя Георгия Александровича. В качестве выкупа похититель (доктор Линд) требует бриллиант, который украшает скипетр императора, в противном случае, он угрожает вернуть ребёнка по частям. Но без скипетра коронация невозможна; императорская семья оказывается перед сложным выбором. Борис Акунин показывает Николая II в достаточно трагических обстоятельствах – и исторических, и семейных, и личных, так как ответственность за данный выбор лежит прежде всего на нём. От него зависит судьба не только императорской семьи, но и России. Повествование в романе ведётся от имени дворецкого великого князя Георгия Александровича, Афанасия Зюкина.

Для **номинации** Николая II автор использует 14 лексических единиц: *государь; царь; его величество; император; Ники; русский царь; государь император; его высочество; самодержец всероссийский; молодой наследник; высочайший племянник; цесаревич; Всепресветлейший, Державнейший, Великий государь император Николай Александрович; монарх*. Выбор обусловлен тем, какой персонаж говорит о Николае II. Так, «дядья» называют его *Ники*, для народа он – *царь*, в речи остальных героев

романа появляются различные номинативные единицы в зависимости от ситуации.

Непроцессуальные характеристики представлены 24 контекстами. Мы можем разделить их на три группы: 1) языковые средства, характеризующие внешний облик Николая II; 2) языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие Николаю II; 3) языковые средства, выражающие систему ценностей Николая II.

В романе нет подробного описания **внешности** Николая II. Образ его постоянно даётся лишь в сравнении с образами родственников, на их фоне, причём внешнее впечатление оказывается «не в пользу» Николая. Ср.: *«Рядом со статными, высокими дядьями его величество казался совсем маленьким и невзрачным, почти подростком»*; *«Рядом с высокими, осанистыми дядьями его величество смотрелся совсем неимпозантно, словно шотландский пони среди чистокровных скакунов»* (Коронация, или Последний из романов).

Автор отмечает, что быть императором для Николая II – сложная, непосильная задача, с которой он едва ли сможет справиться, так как его слабость и «нестойкость» проявляются даже физически. Ср.: *«Из всех Романовых Господь зачем-то избрал именно этого, чтобы возложить на его некрепкие плечи тяжкое бремя ответственности за судьбу монархии»*; *«На последней из ступенек государь споткнулся и чуть не упал – Кирилл Александрович едва успел схватить венценосного племянника за локоть»* (Коронация, или Последний из романов).

В тексте произведения находим только 5 лексических единиц, обозначающих **предметы**, принадлежащие Николаю II. Ср., напр.: *«скромный полковничий мундир императора выглядел довольно убого»*; *«Я сделал три шага вперед, почтительно склонил голову и уставился на сверкающие лаком сапоги его величества»* (Коронация, или Последний из романов).

Автор описывает императора в момент коронации. Ср.: *«Его величество ехал в одиночестве, очень представительный в семеновском мундире. <...> Правая рука в белой перчатке застыла у виска в воинском салюте, левая слегка пошевеливала золоченую уздечку»* (Коронация, или Последний из романов).

Гораздо большее внимание Б. Акунин уделяет описанию **внутреннего мира, ценностных ориентаций** персонажа.

Акунин обращает внимание на то, что император обладает прекрасной зрительной памятью. Ср.: *«Изысканная вежливость его величества и поразительная способность запоминать имена и лица общеизвестны. <...> способности его величества по этой части воистину необыкновенны. Раз увидев человека, государь запоминает его навсегда, что производит на многих огромное впечатление»* (Коронация, или Последний из романов).

Николай II отличается набожностью. Как истинный христианин, он во всем полагается на волю Бога. Ср.: *«Его величество ответил на это с видом глубокой убежденности: – Я не вижу, что тут может помочь кроме молитвы. Всё в руке Всевышнего. Если Он решил устроить мне, слабому и недостойному, такое испытание, значит, в этом есть некий великий смысл. Надо довериться Его воле, и Он даст избавление»; «– Бог свидетель, – горестно вздохнул государь, – я никогда не желал короны, но таков уж, видно, мой крест. Недаром я появился на свет в день Иова Многострадального. Господи, научи, вразуми, что делать?»* Он испытывает эмоциональный дискомфорт, если не имеет возможности совершить молитву. Ср.: *«При этих словах его величество с видом крайнего беспокойства заозирался по сторонам, зачем-то оглядывая углы гостиной»* (Коронация, или Последний из романов).

Для Николая II важна репутация царской семьи и России. Ср.: *«– Однако если “Орлова” не отдать, – встрепенулся его величество, – этот Линд убьёт Мику, и завтра подкинет тело на Красную площадь или к Храму Христа Спасителя. Это выставит меня, русского царя, на позор*

перед всем цивилизованным миром!» (Коронация, или Последний из романов).

Император – патриот своей страны. Ср.: *«Государь, известный своим патриотизмом, единственный из присутствующих все время говорил только по-русски»* (Коронация, или Последний из романов).

Он вежлив по отношению ко всем, включая прислугу, проявляет благодарность. Ср.: *«Что же до вежливости, то из всей августейшей семьи только царь и царица говорят прислуге “вы”»; «– Подойдите, Афанасий Степанович, – торжественным голосом произнес государь. – Я хочу, чтобы вы знали: Романовы умеют ценить и вознаграждать беззаветное служение»; «– Взамен содержимого некоей шкатулки, благодаря вам вернувшейся к царице, – мне показалось, что здесь в голосе императора зазвучала лукавая нотка, – мы жалуем вас бриллиантовой табакеркой с нашим вензелем и наградными из нашего личного фонда – десятью тысячами рублей»* (Коронация, или Последний из романов).

В романе император представлен как человек неуверенный, робкий, неопытный. Он нуждается в советах и наставлениях, всегда соглашается с мнением старших, что подчёркивается с помощью лексических единиц *жалобно спросил, неуверенно кивнул, кротко подтвердил, смущённо кашлянул, тихо сказал, мягко сказал* и др. Ср.: *«Государь неуверенно кивнул»; «– Что же мы решим с этим Фандориным? – жалобно спросил император»; «Вопрос был задан явно для формы, ибо не бывало случая, чтобы его величество возражал против чего-то, одобренного старшим из своих дядьев»; «Император сказал свое слово, этикет был соблюден, и председательство как-то само собой перешло к Кириллу Александровичу»; «Безусловно, его величество был ещё слишком неопытен в подобных тонкостях и нуждался в наставлении»; «– Да, – кротко подтвердил государь. – Тот самый, купленный графом Орловым в Амстердаме в 1773 году по поручению Екатерины Великой»; «Если бы видел – уж наверняка промолчал бы, а так начал примирительным голосом: – Дядя Сэм, дядя*

Кир, выслушайте мое мнение...»; «– *Да-да, дядя Кир, целиком и полностью»*; «*Государь смущенно кашлянул, пробежал взглядом исподлобья по лицам присутствующих и тихо сказал: – Это ужасно. Просто ужасно. Дядя Кир, что же теперь делать?»* (Коронация, или Последний из романов).

Он отличается мягким характером, способен к состраданию. Ср.: «*Государь с состраданием взглянул на кузена и мягко сказал: – И потом, Полли, господин Фандорин весьма убедительно пояснил, что передача алмаза нашего Мику все равно не спасёт...*» (Коронация, или Последний из романов).

Процессуальные характеристики в романе почти отсутствуют. Мы можем проанализировать только отдельные контексты, в которых так или иначе проявляется активность Николая II. Поведение императора напрямую связано с особенностями его личности. Ср.: «*Государь и государыня распорядились произвести похороны за казенный счет, а семьям, потерявшим кормильца, назначили вспомоществование»*; «*Голос его величества дрогнул, и государь сделал паузу, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами. Императрица сотворила знак крестного знамения, и царь немедленно последовал ее примеру, еще и поклонившись висевшему в углу образу»* (Коронация, или Последний из романов).

Отношение к Николаю II **других персонажей романа** выражено в 8 контекстах. Выделяются оценки родственников, слуг, народа. Родственники императора низко оценивают его умственные способности, используют в своей речи разговорные, бранные слова. Ср.: «*Дело в том, что его императорское величество не очень быстро усваивал сказанное, и августейшие дядья стали терять терпение, иногда употребляя в адрес племянника выражения, возможно, допустимые между близкими родственниками, но немыслимые в присутствии слуг»*; «*Не говоря уж о том, что покойный государь, бывший не очень высокого мнения об умственных способностях цесаревича, не считал нужным посвящать*

его в секреты высшей дипломатии»; «Изнутри донесся густой, сердитый голос Кирилла Александровича: – Ники, ну нельзя же быть таким болваном! Во время аудиенции Ли-Хун-Чжану про концессии ничего говорить не нужно! Ни в коем случае! Ты все испортишь!» (Коронация, или Последний из романов).

Также явно прослеживается неодобрительное, пренебрежительное отношение к набожности будущего императора. Ср.: «– Скажите, дядя Джорджи, где у вас тут икона? – спросил монарх. Георгий Александрович недоуменно взглянул на племянника и пожал плечами. – Ах, Ники, ради бога! – поморщился Кирилл Александрович. – Только без “помазанника Божия”. Тебя, кстати, ещё и не помазали. А если коронация будет сорвана, то и не помажут»; «Пока император с искренним чувством и даже со слезами на глазах произносил слова молитвы, великие князья терпеливо ждали, только Симеон Александрович, позевывая, полировал бархоточкой и без того безупречные ногти» (Коронация, или Последний из романов).

Народ относится к Николаю II недоброжелательно. События на Ходынском поле, произошедшие во время торжеств по случаю коронации, стали причиной негативного отношения к императорской семье, распространения слухов. Ср.: «А по Москве среди простонародья уже слухи ходят, что царь со своей немкой отплясывали да радовались, что столько православных душ загубили. Ужасно, просто ужасно!»; «Мне показалось, что газета чересчур уж восторгается щедростью их величеств, оставляя в умолчании причину высочайшей милости. Вряд ли москвичам тон статьи придется по вкусу» (Коронация, или Последний из романов).

Даже слуги считают будущего императора слабовольным человеком. Ср.: «...Характер закаляют, – говорил Дормидонт в тот миг, когда я вошёл в лакейскую. Увидел меня, почтительно приподнялся и продолжил. – Сами очень суеверны, но хотят во что бы то ни стало судьбу перебороть»; «–

Что ж, укрепление воли для монарха – дело неплохое. Его величеству не помешало бы иметь характер покрепче».

Однако автор приводит и другую точку зрения: дворецкий Афанасий Зюкин давно служит членам императорской семьи и знает, что *«государь вовсе не так безволен, как кажется их высочествам. И злопамятен»* (Коронация, или Последний из романов).

Речь самого Николая II также характеризует его как чрезвычайно неуверенного в себе человека, что подтверждается обилием вопросительных предложений в его речи. Ср.: *«Государь смущённо кашлянул, пробежал взглядом исподлобья по лицам присутствующих и тихо сказал: – Это ужасно. Просто ужасно. Дядя Кир, что же теперь делать?»*; *«– Что же мы решим с этим Фандориным? – жалобно спросил император. – Звать его сюда или нет? Попросить о помощи или арестовать?»*.

В романе «Коронация» Акунин создает неоднозначный, сложный и снова сниженный образ правителя. Быть императором для него нелегко, он нуждается в советах, наставлениях, обладает мягким характером. Акцент сделан на религиозности Николая II. Личности императора даётся различная оценка: дядья относятся к нему снисходительно, с пренебрежением; слуги, находящиеся в непосредственной близости от императора, отмечают, что Николай II обладает интеллектом, положительными внутренними качествами и не отрицают наличие у него силы воли. Народ относится к новому императору негативно, настороженно. Акунин не случайно создаёт на страницах романа именно такой образ: судьба императора трагична (об этом прямо говорится в тексте Ср.: *«Последний – из – Романов»*), и он об этом знает. Возможно, именно по этой причине в тексте уделяется большее внимание внутреннему миру героя, его переживаниям, нежели действиям.

Представим систему языковых средств, характеризующих образ Николая II, в таблице 17. См. также Приложение 14.

**Система языковых средств создания образа
Николая II в романе Бориса Акунина «Коронация»**

Единицы номинации персонажа		
Однословные номинации <i>государь; монарх; царь; император; цесаревич; Ники; Всепресветлейший; Державнейший;</i>	Неоднословные номинации	
	логические перифразы	образные перифразы
	<i>его величество; русский царь; его высочество; самодержец всероссийский; молодой наследник; высочайший племянник; Великий государь император Николай Александрович</i>	–
Непроцессуальные характеристики	Процессуальные характеристики	
<p align="center">Внешность</p> <p><i>казался совсем маленьким и невзрачным, почти подростком; смотрелся совсем неимпозантно, словно шотландский пони среди чистокровных скакунов; некрепкие плечи</i></p> <p align="center">Одежда и атрибуты</p> <p><i>скромный полковничий мундир; сверкающие лаком сапоги; семёновский мундир; белая перчатка; золочёная уздечка</i></p> <p align="center">Система ценностей</p> <p>а) вера в Бога: <i>Все в руке Всевышнего; Надо довериться Его воле, и Он даст избавление; Таков уж, видно, мой крест. Недаром я появился на свет в день Иова Многострадального. Господи, научи, вразуми, что делать;</i></p> <p>б) патриотизм: <i>известный своим патриотизмом, единственный из присутствующих все время говорил только по-русски</i></p> <p align="center">Интеллектуальные качества</p> <p>а) хорошая память: <i>поразительная способность запоминать имена и лица;</i></p> <p>б) инертность мышления: <i>не очень быстро усваивал сказанное; покойный государь, бывший не очень высокого мнения об умственных способностях цесаревича...; нельзя же быть таким болваном</i></p> <p align="center">Черты характеры, душевные качества</p> <p>а) благодарность: <i>Романовы умеют ценить и вознаграждать беззаветное служение;</i></p> <p>б) неуверенность в себе, мягкость характера: <i>неуверенно кивнул; не бывало случая, чтобы его величество возражал против чего-то, одобренного старшим из своих дядьев; смущенно кашлянул; с состраданием взглянул;</i></p> <p>в) злопамятность: <i>государь злопамятен</i></p>	<p align="center">Фактическое осуществление задуманного: поступает как заведено, следует примеру императрицы</p> <p><i>распорядились произвести похороны за казенный счет; назначили вспомоществование; Императрица сотворила знак крестного знамения, и царь немедленно последовал ее примеру, еще и поклонившись висевшему в углу образу</i></p> <p align="center">Особенности речевого поведения</p> <p><i>жалобно спросил император; одобренного кротко подтвердил государь; начал примирительным голосом; тихо сказал; мягко сказал</i></p>	

Таким образом, Николай II в изображении Бориса Акунина выглядит слабым и явно не подходящим для роли императора. В его образе

преобладают непроцессуальные характеристики, потому что, несмотря на критическую ситуацию, сложившуюся по сюжету, он не предпринимает и не способен предпринять никаких решительных действий. Всё, что он может делать – это молиться, слушаться советов старших и неуверенно вставлять реплики в разговор. Как и образ Екатерины II, образ Николая II у Акунина выглядит скорее шаржированным, чем объективно отражающим качества последнего российского императора.

Выводы по Главе III

В III главе мы рассмотрели лексические единицы, которые использовал Б. Акунин в произведениях «Детская книга для мальчиков», «Квест», «Внеклассное чтение» и «Коронация, или Последний из романов» для создания образов Василия Шуйского, Бориса Годунова, Марины Мнишек, Наполеона Бонапарта, Михаила Илларионовича Кутузова, императрицы Екатерины II и императора Николая II.

В целом можно сказать, что Борис Акунин, создавая образы исторических личностей в русле эстетики постмодернизма, активно вводя в свои произведения игровое начало и прибегая к приёму «реструктуризации образа», склонен показывать исторических персонажей критически, делая акцент на малопривлекательных чертах их внешности и поступков, подчёркивая отдельные «говорящие» детали и активно используя пейоративно окрашенную лексику.

Наиболее подробно среди проанализированных нами образов писателем разработан образ **Василия Шуйского** в романе «Детская книга для мальчиков». Акунин изображает Шуйского как человека-хищника (ср. номинации *лисья морда, хитрый лис, змей*) изворотливого и коварного, любыми путями рвущегося к власти и готового «сожрать» любого, кто ему помешает (ср. большое количество подробностей о поведении Шуйского во время приёма пищи и его самохарактеристику: *Шуйский на своём веку всякое перевидал. Зубы об его обломаете*).

Образ **Бориса Годунова** представлен Б. Акуниным в сниженном, даже шаржированном виде. Главная черта этого образа – крайняя противоречивость, что проявляется в описании одежды персонажа (*одет наполовину по-русски, наполовину по-немецки*), его голоса (*звонкого и «молодого»*), но на деле постоянно *сиплого, хриплого, дрогнувшего* и т.д.), поведения персонажа на людях и без них и в других деталях. Противоречивость персонажа подчёркивается в том числе на синтаксическом уровне – с помощью использования противительных конструкций с союзами *а, но*. Не успев появиться в романе, он тут же скоростижно умирает.

Доминирующей характеристикой образа **Марины Мнишек** является скрытность, притворство, двуличие персонажа. Истинная сущность Марины и её основная цель – получение власти – скрываются за богатыми нарядами, отвлекающими внимание от лица, за притворной улыбкой, за любезными и «правильными» речами. Выглядит она *взрослее своих восемнадцати лет*, и эта деталь тоже подчёркивает в образе персонажа несоответствие истинного и кажущегося. Даже православие для Марины является своеобразной «маской», которую нужно надеть, чтоб добиться своих целей. Наконец, в её речи отсутствует самохарактеристика (принадлежащие ей слова нельзя признать самохарактеристикой, поскольку все они оказываются лживыми).

Образ **Наполеона** в романе «Квест» – это ещё один пример несоответствия реального и кажущегося положения дел. Несоответствие статуса «великого человека» и носителя этого статуса подчёркивается в романе множеством деталей, к которым относятся комичная внешность персонажа (*пухлый человек, толстячок, человек с внешностью булочника*), его атрибуты (*затрапезный сюртук*), зависимость от еды и энергетического эликсира. Акунин устами персонажа доктора Анкра называет Наполеона *идеальным сосудом*, который нужно только правильно наполнять (и в прямом смысле – едой, и в переносном – теми или иными идеями). При этом Наполеон не лишён привлекательных черт, к числу которых можно отнести

его заботу о солдатах и осознание трагизма своего положения. Он сам называет себя *псом, которого держат на поводке*.

Языковые средства, использованные Борисом Акуниным для создания **образа Кутузова**, говорят о том, что Кутузов – человек серьёзный, уважаемый, в силу возраста и опыта хорошо разбирающийся в людях и вызывающий у окружающих доверие. Но при этом Кутузову бывает свойственна неискренность – на словах он может выражать одно, а на деле другое. Отметим, что Кутузов, как и Марина Мнишек, лишён какой-либо самохарактеристики – все его оценки представлены в речи автора или других персонажей.

При описании образа **Екатерины II** Б. Акунин делает акцент на непривлекательной внешности императрицы (из языковых средств активно используются адъективно-субстантивные и сравнительные обороты: *жирная рука; ступня выпирала из туфельки, как разбухшее тесто из чугунка*). Единственное внешнее достоинство императрицы – «*лучистые глаза*». Ценности Екатерины оказываются совершенно мелкими не только для главы государства, но даже для обычной женщины (развлечения, желание считаться красивой и покорять мужчин). Вся активность Екатерины сводится к тому, что она только сидит и разговаривает, то есть процессуальные характеристики оказываются таковыми чисто формально.

В образе **Николая II** подробно дана характеристика его душевных качеств, свидетельствующих о слабости и нерешительности императора. Эти качества в наибольшей степени проявляются в речи Николая, причём они подчёркиваются характеризующими наречиями (*тихо* сказал, *мягко* сказал, *жалобно* спросил и т.д.). Ценности Николая, сами по себе достойные императора и человека (религиозность, патриотизм, забота о России) поданы писателем скорее как недостатки – религиозность показана как набожность, как навязчивое стремление помолиться вместо того, чтобы обдумать ситуацию и принять самостоятельное рациональное решение. Патриотизм выражается в том, что государь «*говорит по-русски*». Николай повторяет

действия за женой или слушается старших родственников, поэтому по факту он представлен как совершенно бездеятельный правитель.

Почти все проанализированные нами персонажи Б. Акунина получают в его романах характеристику «из трёх источников»: в словах автора, в словах других персонажей и в собственных словах. Ср. табл. 18, в которой также отмечается наличие/отсутствие идеализации персонажей Б. Акунина (система условных обозначений была нами описана ранее на с. 105). Поскольку в большинстве случаев писатель изображает своих персонажей иронически, через снижение якобы присущих им положительных качеств, то «минусы» стоят в таблице перед «плюсами».

Таблица 18

**Распределение характеристик образов исторических личностей
в романах Б. Акунина по субъектам речи**

Персонаж Характери- зующий субъект	Шуйский	Борис Годунов	Марина Мнишек	Наполеон	Кутузов	Екатерина II	Николай II
Автор	--	--	--/+	--	--/+	--	--/+
Другие персонажи	--/+	--/+	--/+	--/+	--/+	--/+	--/+
Сам персонаж	+	--	--	--/+	--	--/+	--/+

Таким образом, в изображении Бориса Акунина все исторические личности показаны как не соответствующие тому, кем должны быть или кем хотят казаться, что передаётся с помощью лексических, стилистических и отчасти грамматических средств.

В заключительной главе диссертации мы сопоставим языковые средства, с помощью которых оба писателя, Р.М. Зотов и Б. Акунин, создают образы исторических личностей. Особое внимание будет уделено персонажам, встречающимся у обоих авторов: Наполеону, Кутузову, Екатерине II.

ГЛАВА IV.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В РОМАНАХ Р. М. ЗОТОВА И Б. АКУНИНА

4.1. Система признаков, избираемых Р.М. Зотовым и Борисом Акуниным для создания образов исторических личностей

В настоящем разделе мы сосредоточимся на том, насколько часто каждый из писателей обращается к тем или иным характеристикам для создания образа исторической личности и какие характеристики используются обоими авторами для создания образа исторической личности чаще всего. Прежде всего обобщим в специальной таблице соотношение непроцессуальных и процессуальных характеристик по всем персонажам Р.М. Зотова и Б. Акунина (совпадающие персонажи выделены жирным). См. таблицу 19.

Таблица 19.

Соотношение непроцессуальных и процессуальных характеристик образов исторических личностей в романах Р.М. Зотова и Б. Акунина

Автор и его персонажи	Количество контекстов с непроцессуальными характеристиками	Количество контекстов с процессуальными характеристиками	Общее количество характеризующих контекстов
Р.М. ЗОТОВ			
Наполеон	74	205	279
Александр I	97	36	133
Екатерина II	37	10	47
Царевна Софья	6	18	30
Мария Фёдоровна	11	1	12
А.В. Суворов	15	33	48
М.И. Кутузов	9	23	32
<i>Всего у Зотова</i>	<i>249</i>	<i>329</i>	<i>578</i>
Б. АКУНИН			
Василий Шуйский	45	123	168
Борис Годунов	46	19	65
Марина Мнишек	31	33	64
Наполеон	78	68	146
М.И. Кутузов	16	14	30
Екатерина II	63	50	113
Николай II	27	24	51
<i>Всего у Акунина</i>	<i>306</i>	<i>331</i>	<i>637</i>
Всего у обоих авторов	555	660	1215

Как видим, в целом у обоих авторов **количественно преобладают контексты, в которых представлены процессуальные характеристики персонажей**, хотя это общее преобладание достигается за счёт лишь отдельных персонажей у каждого автора.

Для каждого проанализированного персонажа мы также составили наглядное схематическое представление структуры его образа (см. Приложения 1–14). Данные схемы позволяют сделать обобщённые выводы относительно степени разработанности, детализации непроцессуальных и процессуальных характеристик у разных персонажей в изображении обоих авторов. Непроцессуальные характеристики на схемах расположены в левой части, процессуальные – в правой. Очевидно, что **оба автора более подробно детализируют непроцессуальные характеристики**: левая сторона почти во всех схемах заполнена гораздо больше, чем правая. В случае Р.М. Зотова это справедливо для образов Александра I (Приложение 2), Екатерины II (Приложение 3), Суворова (Приложение 6) и Кутузова (Приложение 7); в случае Б. Акунина – для образов Василия Шуйского (Приложение 8), Бориса Годунова (Приложение 9), Марины Мнишек (Приложение 10), Екатерины II (Приложение 13) и Николая II (Приложение 14). Очевидно, факт подробной детализации непроцессуальных характеристик (прежде всего описания внешности персонажа) можно объяснить тем, что, по словам Б.М. Гаспарова, «в формировании языкового образа зрительному представлению принадлежит решающая роль» (Гаспаров 1996, с. 265).

Если мы соотнесём данные таблицы 19 и Приложений 1–14, то увидим, что в образах исторических личностей в произведениях Р.М. Зотова и Бориса Акунина **по количеству контекстов преобладают процессуальные характеристики** (в соотношении 555: 660), но **тематически преобладают непроцессуальные характеристики** (они более ярко и детально представлены у 9 из 14 персонажей).

Далее сопоставим обращение обоих авторов к тем или иным конкретным критериям характеристики образов исторических личностей. См. таблицу 20.

Таблица 20.

Использование Р.М. Зотовым и Б. Акуниным характеристик разных типов для создания образов исторических личностей

Писатель	Р. М. ЗОТОВ							Б. АКУНИН						
Персонаж	Суворов	Кутузов	Наполеон	Александр	Софья	Мария Фёдоровна	Екатерина	Шуйский	Годунов	Мнишек	Наполеон	Кутузов	Екатерина	Николай
Характеристика														
Единицы номинации														
Однословные (1)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>Неоднословные</i>														
Логические перифразы (2)	+	+	+		+		+	+	+	+	+	+	+	+
Образные перифразы (3)			+				+	+	+		+	+	+	
Непроцессуальные характеристики														
<i>Внешность</i>														
Общий внешний облик (4)			+			+	+	+	+	+	+		+	+
Лицо и другие части тела (5)			+			+			+	+	+	+	+	
Глаза, взгляд (6)			+					+	+	+	+		+	
Улыбка (7)										+			+	
Возраст (8)	+	+								+			+	
Запах (9)									+				+	
Голос (10)								+	+					
Одежда и атрибуты (11)			+					+	+	+	+		+	+
Семейное положение (12)						+		+		+				+
Интеллектуал. качества (13)	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+		+
Черты характера, душевные качества (14)	+	+		+	+	+	+	+	+	+		+		+
Система ценностей (15)			+	+	+		+	+	+	+	+		+	+
Процессуальные характеристики														
<i>Жизненный путь как отражение биографии (16)</i>								+						
<i>Мотивы деятельности (17)</i>		+	+		+			+		+	+	+		
Фактическое осуществление деятельности (18)		+	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+
Речевое поведение, манера общения (19)	+		+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
<i>Верификация (20)</i>			+			+		+			+			
Всего характеристик у персонажа	5	6	13	6	8	6	9	16	12	15	13	8	12	10
Всего характеристик у персонажей, созданных данным автором	53							86						

Данная таблица, учитывающая 20 возможных признаков описания (порядковый номер критерия характеристики приведён в скобках в первом столбце), даёт наглядное представление о степени разработанности образа каждого из персонажей – всего нами рассмотрено 14 персонажей, по 7 у каждого автора. Как видим, наиболее подробно показан образ Василия Шуйского, созданный Б. Акуниным – 16 признаков из 20. Далее следует образ Марины Мнишек этого же автора – 15 признаков. Образ Наполеона и у Р.М. Зотова, и у Б. Акунина складывается из 13 признаков. Замыкают список «персонажей-лидеров» (в таблице их столбцы выделены жирным) Борис Годунов и Екатерина II, охарактеризованные Б. Акуниным по 12 признакам из 20 возможных.

Меньше всего характеристик сообщается образам Суворова, Кутузова, Александра I и Марии Фёдоровны у Р.М. Зотова (по 5-6 признаков из 20 возможных).

Также из таблицы видно, что оба автора определённым образом называют своих персонажей: однословные **номинации** (строка выделена цветом) есть у каждого персонажа (14 из 14), логические перифразы – у 12 (строка выделена цветом), образные перифразы – лишь у 7.

Из **непроцессуальных характеристик** у персонажей-исторических личностей чаще всего отмечаются **«интеллектуальные качества»** и **«черты характера, душевные качества»** (строки выделены цветом) – эти критерии свойственны 11 образам из 14. «Интеллектуальные качества» не получают специальной характеристики для образов Марии Фёдоровны у Р.М. Зотова, Бориса Годунова и Екатерины II у Б. Акунина. «Душевные качества» не проработаны у «обоих Наполеонов» (в изображении Р.М. Зотова и Б. Акунина) и у Екатерины II у Б. Акунина.

Из **процессуальных характеристик** 12 из 14 персонажей получают характеристику по признаку **«речевое поведение, манера общения»** (данная характеристика отсутствует лишь у двух персонажей Р.М. Зотова: Кутузова и Марии Фёдоровны). Также 11 из 14 персонажей описываются по критерию

«фактическое осуществление деятельности» (лишены этой характеристики А.В. Суворов у Р.М. Зотова, Борис Годунов и Екатерина II у Б. Акунина). Строки с указанными характеристиками в таблице выделены цветом.

Очевидно, что перечисленные 4 типа характеристик можно признать **основными, базовыми** при описании образа исторической личности.

Реже всего встречаются следующие признаки.

А. Непроцессуальные.

«Запах» – им «обладают» лишь два персонажа Б. Акунина: Борис Годунов и Екатерина II.

«Голос» – он также охарактеризован лишь у двух персонажей Б. Акунина, Шуйского и Годунова.

«Возраст» – о нём сообщается лишь для 4 персонажей: для А.В. Суворова и М.И. Кутузова у Р.М. Зотова и для Марины Мнишек Екатерины у Б. Акунина. Примечательно, что в трёх случаях из четырёх подчёркивается старческий возраст персонажей, а про Марину Мнишек говорится, что она «выглядела *старше* своих восемнадцати лет».

«Семейное положение» тем или иным образом упомянуто у Марии Фёдоровны (она замужем за сыном императрицы Екатерины II), Василия Шуйского (холост), Марины Мнишек (становится женой Лжедмитрия) и Николая II (женат и сильно зависим от мнения жены). Семейное положение остальных исторических личностей в романах остаётся «за кадром».

Б. Процессуальные.

«Жизненный путь» – он прослежен автором лишь в 1 случае: Б. Акунин сообщает читателю не только те факты из жизни Василия Шуйского, которые происходят с персонажем во время событий романа или происходили до этих событий, но и информацию о дальнейшей судьбе персонажа.

«Верификация» – отмечена для четырёх образов, Наполеона и Марии Фёдоровны у Р.М. Зотова и Шуйского и Наполеона у Б. Акунина.

В целом таблица показывает, что Б. Акунин описывает образы исторических личностей гораздо более детально, чем Р.М. Зотов – в произведениях Б. Акунина образы исторических личностей разработаны в 1,6 раза подробнее, что следует из итогового суммарного соотношения характеристик, «приписанных» каждым из авторов своим персонажам: 53 у Р.М. Зотова и 86 у Б. Акунина. Возможно, этот факт объясняется закономерностью, отмеченной Н.М. Щедриной: «Если дистанция между автором-повествователем и историческим лицом увеличивается, то активность повествователя возрастает» (Щедрина 2017, с. 104).

Таким образом, в данном параграфе мы показали, что в произведениях обоих авторов по общему количеству контекстов преобладают процессуальные характеристики, но тематически более детально представлены непроцессуальные характеристики. При создании образа исторической личности наиболее важными, базовыми оказываются следующие 4 вида характеристик: 1) речевое поведение, манера общения; 2) фактическое осуществление деятельности; 3) интеллектуальные качества; 4) черты характера, душевные качества.

Далее рассмотрим подробнее образы персонажей, встречающихся у обоих авторов: образы Наполеона, Кутузова и Екатерины II.

4.2. Образ Наполеона в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина

Напомним, что образ **Наполеона** встречается нескольких романах Р.М. Зотова и в романе Б. Акунина «Квест». Если Р.М. Зотов пытается изобразить Наполеона действительно великим человеком и всячески это подчёркивает средствами языка, то для Б. Акунина характерно использование такого приёма поэтики постмодернизма, как искажение, демонтаж, реструктуризация образа-стереотипа (см. об этом: Сафронова 2009, с. 143–146). В романе Б. Акунина Наполеон, традиционно представляемый массовым сознанием как природный гений и харизматик,

показан как весьма заурядный человек, принимающий некий «эликсир», пробуждающий «гениальность», и от этого эликсира зависимый.

Несмотря на разницу эпох, жанров и особенностей реализации писательской стратегии, образ Наполеона описан обоими авторами на основе сходной совокупности характеристик. Кроме того, у обоих беллетристов Наполеон получает характеристику из всех трёх «источников»: из слов автора, других персонажей и собственных слов. Но если Р.М. Зотов описывает «своего» Наполеона со всей серьёзностью, то Б. Акунин использует узнаваемые черты персонажа лишь для того, чтобы с их помощью воссоздать стереотипное представление о Наполеоне, которое затем будет искажено, «переформатировано». Обратимся к непосредственному сопоставлению образа Наполеона в романах двух авторов.

В текстах и Р.М. Зотова, и Б. Акунина используются сходные **единицы номинации**. Это прежде всего имена собственные *Наполеон* и *Бонапарте* (у Р.М. Зотова) и *Бонапарт* (у Б. Акунина). О формах имени Наполеона, употребительных в той или иной сословной и культурной среде, см. (Кульпина 2002).

Также у обоих писателей встречаются номинации, характеризующие Наполеона как одарённого полководца, правителя, наделённого выдающимися качествами. Повторяются лексемы *гений*, *император*, *повелитель*, *полководец*; *Европа*, *Франция*; *великий*, *военный*, *гениальный*, *грозный*, а также ряд перифраз на основе этих слов. Ср.:

Номинации Наполеона у Р.М. Зотова	Номинации Наполеона у Б. Акунина
– <i>первый полководец своего века</i> ; – <i>первый военный гений своего времени</i> ;	– <i>великий полководец</i> ; – <i>безусловный genius войны</i> ; – <i>гений войны</i> ; – <i>гениальный полководец</i> ; – <i>способный полководец</i> ;
– <i>великий гений</i> ;	– <i>гений государственного управления</i> ; – <i>Великий Человек</i> ;
– <i>грозный повелитель исполинских сил</i> ;	– <i>грозный повелитель</i> ;
– <i>новый император Франции</i> ;	– <i>император всех французов</i> ;
– <i>человек, поработивший Европу</i> ; – <i>гордый победитель всей Европы</i>	– <i>властитель Европы</i> ; – <i>без пяти минут повелитель Европы</i>

Если Р.М. Зотов использует эпитеты *великий, гениальный, гений, грозный* в их прямом значении и тем самым возвышает, возвеличивает образ Наполеона, то Б. Акунин помещает их в иронический контекст, и образ Наполеона у него явно снижен. Ср.:

Возвеличивание образа Наполеона Р.М. Зотовым	Снижение образа Наполеона Б. Акуниным
<p><u>«Этот необыкновенный человек, первый военный гений своего века, счастьем и дарованиями вознесенный из ничтожества на престол прекраснейшей монархии...»</u> (Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I. Ч. 2., с.102);</p> <p><u>«Вдруг родилась в уме его исполинская мысль, один из отчаяннейших планов великого его гения»</u> (Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I. Ч. 2, с. 292);</p> <p><u>«Величайший человек нашего времени, увеличивший пределы нашего отечества, давший доброму нашему Максимилиану королевский венец, ведущий полки наши к славе и победе под сению орлов своих»</u> (Леонид, или..., с. 318).</p>	<p><u>«...этот человек с внешностью булочника – безусловный <i>genius</i> войны»</u> (Акунин 2017а, с. 214);</p> <p><u>«Перед большой битвой у Гения всегда зверский аппетит»</u> (Акунин 2017а, с. 213);</p> <p><u>«Про то, что великий полководец перед сражением всегда... с неизменным аппетитом завтракает, знала вся Европа»</u> (Акунин 2017а, с. 220);</p> <p><u>«Однако Фондорин знал, что Великий Человек, не выпив кофею, с места не тронется и вообще не любит перемещаться во мраке»</u> (Акунин 2017а, с. 509).</p> <p><u>«Принял эликсир – гений, не принял – обыкновенный человек? Иными словами, властитель Европы мало чем отличается от заядлого опиомана, который не может обходиться без дурманящего зелья?»</u> (Акунин 2017а, с. 244)</p>

Непроцессуальные характеристики частично совпадают в описании внешнего облика и системы ценностей Наполеона. Сделан акцент на непримечательной внешности, небольшом росте Наполеона, но для их описания используются разные языковые средства, отличающиеся, к тому же, разными коннотациями и стилистической окрашенностью: *простая и незначительная наружность; небольшой рост* (Зотов) – *пухлый человечек; толстячок; рост два аршина и два вершка, около ста пятидесяти сантиметров; внешность булочника* (Акунин). С помощью одинаковых (*быстрый*) или схожих по значению (*проницательный* у Зотова, *всепроницающий* у Акунина) лексем описывается взгляд Наполеона. То, что основной ценностью для Наполеона является власть, также находит отражение в текстах обоих авторов. И снова мы можем отметить нейтральное

или возвышенное словоупотребление у Р.М. Зотова и ироническое, сниженное у Б. Акунина. Ср., напр., отдельные примеры характеристики внешности, взгляда, честолюбия Наполеона

в изображении Р.М. Зотова	в изображении Б. Акунина
<p>«<i>Лицо его было смугло и угрюмо, руки были закинутаы на спину; ...этот взгляд, суровый, пронизательный, неотразимый</i>» (Два брата, или Москва в 1812 году);</p> <p>«<i>Наружность его проста и даже незначительная; взгляд быстр и пронизателен</i>» (Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона, с. 251).</p> <p>«<i>Снедаемый беспредельным честолюбием, Наполеон уже замыслил завоевание Испании</i> (Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I. Ч. 1., с. 561)</p>	<p>«<i>От всей неказистой фигуры Маленького Капрала, от его одутловатой физиономии исходили физически осязаемые волны могучей силы и неколебимой уверенности... Взгляд императора обладал поразительной особенностью: будучи устремлён на людей гораздо более рослых, он производил впечатление света, лучившегося откуда-то сверху, с недостижимой высоты</i>» (Акунин 2017а, с. 214);</p> <p>«<i>И снова Фондорин поразился власти этого толстячка над людьми</i>» (Акунин 2017а, с. 215).</p> <p>«<i>...этот человек с внешностью булочника... есть само воплощение её (войны. – А.Г.) алчного, неукротимого духа</i>» (Акунин 2017а, с. 214); «<i>Он верил в свою неизменную звезду и ждал от неё всегдашнего знака, внятного ему одному, но звезда пока молчала</i>» (Акунин 2017а, с. 120)</p>

Р.М. Зотов и Б. Акунин дают во многом совпадающие описания Наполеона и при создании его **процессуальных характеристик**: Наполеон склонен к длительным размышлениям и решительным действиям, иногда совершает ошибки.

Наполеон в изображении Р.М. Зотова более активен и деятелен, о чём свидетельствует обилие глаголов физического действия, движения, перемещения: *смело атаковал, явился, бросился, разбил, завладел, опрокинул*. Деятельность Наполеона в изображении Б. Акунина сводится скорее к планированию военных операций и волеизъявлению: *построил свой план, принял рискованное решение, повелел готовиться к наступлению, послал парламентёров* и др.

Речь Наполеона эмоциональна в изображении обоих авторов, он показан вспыльчивым человеком. Но в романах Р.М. Зотова лексические единицы, обозначающие отражение в речи различных состояний человека, не

так разнообразны (с негодованием отверг, осыпав ругательствами; вскричал; проворчал сквозь зубы; вспыхнул; предался порыву гнева), как в текстах Акунина (сердито воскликнул; злобно воскликнул; в сердцах вскричал; проворчал, успокаиваясь; хмуро сказал; на что-то сетовал; бранился; заговорил без гнева и раздражения с глубокой горечью и др.). Также Б. Акунин обращает внимание на манеру Наполеона держаться в разных обстоятельствах, умение при необходимости сохранять внешнее спокойствие; у Зотова эта характеристика отсутствует.

Схожа в описании обоих авторов и верификация, то есть оценка персонажем своих действий, признание ошибок. Ср.: *ошибся; всю жизнь раскаивался* (Зотов) – *был нетерпелив, делал ошибки* (Акунин).

Отличия в изображении Наполеона двумя беллетристами сводятся к тому, что Наполеон у Р.М. Зотова не получает развёрнутой портретной характеристики; предстаёт как истинный военный гений, как фигура великая и трагическая; причиной краха замыслов Наполеона Р.М. Зотов считает чрезмерное честолюбие Бонапарта и допущенные из-за него стратегические ошибки.

Наполеон у Б. Акунина изображается в иронически-пародийном ключе, о чём, как уже было отмечено, свидетельствуют:

а) использование сниженной стилистически окрашенной лексики (разговорной, просторечной) при описании внешности персонажа (*пухлый человек, толстячок, одутловатая физиономия* и др.);

б) употребление «высоких» слов в ироническом и принижающем контексте (*перед большой битвой у Гения всегда зверский аппетит; властитель Европы мало чем отличается от заядлого опиомана; Самсону показалось, что слова «le Grand Homme», давно ставшие нарицательным прозвищем Бонапарта, фармацевт произнёс иронически* и др.);

в) принижающие статус персонажа или отталкивающие сравнения и номинации (*человек с внешностью булочника; Штандарты Наполеона были украшены пчёлами, на древках сияли имперские орлы, но сам*

властитель напомнил Фондорину не крылатое создание, а скорей подводную тварь – белую акулу или касатку; Избавившись от болезнетворной молекулы, отравляющей весь её организм, Европа вздохнёт с облегчением);

г) изображение «великого человека» в бытовых, «низких» ситуациях – Наполеон у Б. Акунина показан любителем поесть, толстячком, ставящим еду чуть ли не выше войны и государственных забот (*Про то, что великий полководец перед сражением всегда... с неизменным аппетитом завтракает, знала вся Европа; Однако Фондорин знал, что Великий Человек, не выпив кофею, с места не тронется);*

д) сама идея о том, что гениальность Наполеона объясняется действием особого эликсира (*Это ведь снадобье превращает обычную эпилептоидность в гениальность...; Что он без эликсира? Всего лишь талантливый полководец).*

Таким образом, по характеристикам Наполеона, которые дают Р.М. Зотов и Б. Акунин, вполне можно понять, что речь идёт об одном и том же человеке, однако отношение писателей к этой исторической личности заметно отличается: образ Наполеона в романах Р.М. Зотова является возвышенным, романтическим, в романе Б. Акунина – сниженным, представляющим собой «искажённый стереотип» (в соответствии с «формулой» создания постмодернистского произведения).

Это же различие писательских текстовых стратегий проявляется и в создании образа М.И. Кутузова.

4.3. Образ М.И. Кутузова в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина

В изображении М.И. Кутузова у обоих авторов также наблюдаются лексические совпадения, позволяющие признать в персонаже конкретное историческое лицо, и стилистические различия в интерпретации этого образа.

Для **номинации** образа Кутузова оба писателя используют лексические единицы, указывающие на его статус. Общим и для Р.М. Зотова, и для Б. Акунина является употребление лексемы *полководец*. Р.М. Зотов ещё называет Кутузова *генералом, вождём*, Б. Акунин – *фельдмаршалом, командующим, князем*. У Р.М. Зотова представлены также характеристики Кутузова с помощью положительно-оценочного слова *гений* и возвышенной метафоры *русский Фабий*. Б. Акунин ограничивается лишь нейтральными определениями к номинациям-существительным: *заслуженный полководец, новый командующий, светлейший главнокомандующий*.

Непроцессуальные характеристики Кутузова у обоих беллетристов даются по одной и той же модели: оба сообщают о возрасте Кутузова, его интеллектуальных и душевных качествах. Отличия состоят в языковых средствах, которыми пользуется каждый из писателей, и, соответственно, в тех особенностях персонажа, на которые обращает внимание читателя.

Непроцессуальные характеристики М.И. Кутузова у Р.М. Зотова	Непроцессуальные характеристики М.И. Кутузова у Б. Акунина
<i>Старец</i>	<i>Морщинистое лицо</i>
<i>Гений, прозорливость, мудрость, мудрый</i>	<i>Хорошо знал людей</i>
<i>Знаменитый, великий, бессмертный</i>	<i>Человек основательный; занятый множеством дел</i>

Как видим, Р.М. Зотов использует прямое указание на возраст персонажа, выбирая для этого книжное слово высокого стиля – *старец*. Б. Акунин возраст охарактеризует опосредованно, через внешность. Оба автора отмечают мудрость Кутузова: Р.М. Зотов прямо указывает на это качество персонажа, Б. Акунин – снова опосредованно: «знание людей» можно отнести к «мудрости». Душевные качества Кутузова Зотов характеризует возвышенными эпитетами (которые можно отнести к «душевному качеству» с большой долей условности, предполагая, что только человек прекрасных душевных качеств может быть назван *великим, знаменитым* и *бессмертным*). Б. Акунин даёт более сдержанные характеристики, из которых следует, что Кутузов был погружён в заботы и старался выполнять всё качественно, *основательно*.

Процессуальные характеристики Кутузова в изображении обоих авторов совпадают не полностью.

Различаются мотивы и цели деятельности: у Р.М. Зотова главной задачей Кутузова является *сберечь армию и победить врага (верное истребление неприятеля без напрасной потери драгоценной крови своих воинов)*. Задача «акунинского» Кутузова – *воодушевить войска на генеральное сражение*.

Частично совпадает в изображении обоих писателей способ осуществления задуманного – действия Кутузова носят характер выжидательных. Ср.: *был намерен ожидать* (Зотов) – *закопался в землю и приготовился к обороне, то есть полностью отказался от всякой инициативы* (Акунин).

Но если у Р.М. Зотова нет ни одной характеристики, снижающей образ Кутузова, то Б. Акунин такие характеристики привносит. Так, манеру Кутузова держаться с окружающими он описывает как равнодушные под маской интереса (*нейтрально-любезная улыбка*). Ср. также: ***Главнокомандующий ...по-стариковски прослезился, расцеловал профессора, перекрестил, помянул Давида с Голиафом, картинно поклонился в пояс... Когда юноша вышел, фельдмаршал покачал головой, вздохнул да снова уткнулся в важные бумаги. Об очкастом «Давиде» он немедленно позабыл*** (Квест, с. 93).

Ещё одним средством снижения образа полководца у Б. Акунина является характеристика Кутузова, вложенная в уста одного из эпизодических персонажей, ср.: – *У меня донесение к фельдмаршалу Кутузову! Срочное! Понимаешь ты, к Кутузову! Казак ответил матерно. В переводе на приличный язык реплика означала «мне нет дела ни до какого Кутузова», причём фамилия заслуженного полководца была срифмована самым малопочтенным образом* (Квест, с. 10).

В целом можно сказать, что и Р.М. Зотов, и Б. Акунин изображают Кутузова сходным образом и обращают внимание на одни и те же

характеристики, но Р.М. Зотов подаёт их в неизменно возвышенном ключе, создавая словесный образ великого, легендарного ещё при жизни полководца, а Б. Акунин не стремится идеализировать Кутузова. Кроме того, оба литератора лишают Кутузова самохарактеристики; его образ раскрывается преимущественно в словах автора.

Наибольший контраст наблюдается в создании двумя писателями образа Екатерины II.

4.4. Образ Екатерины II в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина

Екатерина II описывается писателями по-разному – настолько по-разному, что без предварительного знания о том, что речь идёт об одной и той же личности, её сложно было бы идентифицировать. Сходство находим лишь в некоторых **единицах номинации**. Ср: *государыня* (Зотов, Акунин); *мать* (Зотов) – *матушка* (Акунин); *отражение божества* (Зотов) – *Богopodobная Фелица* (Акунин). Но если Р.М. Зотов использует возвышенную книжную лексику без всякой иронии (*отражение божества; истинная владычица сердец полувселенной*), то Б. Акунин наряду с возвышенной лексикой, которую он использует в ироническом контексте (*Богopodobная Фелица, Афина Паллада, новая Семирамида, российская Юнона*), активно применяет и намеренно сниженную (*жирная/толстая старуха; августейшая бабка* и др.). Покажем разницу в употреблении двумя писателями номинаций Екатерины II.

Возвеличивание образа Екатерины II Р.М. Зотовым	Снижение образа Екатерины II Б. Акуниным
<p><i>...сия попечительность о благе и просвещении народа более, нежели ряды побед, соделали её достойною имени Великой... Она была мудрою законодательницею...</i></p> <p><i>В европейской политике Екатерина была тогда первым лицом в Европе</i></p> <p><i>...великая государыня на троне. Она выдвинула Россию в самое сердце</i></p>	<p><i>Богopodobная Фелица была вся такая: толстая, раздутая, будто едва втиснувшаяся в платье.</i></p> <p><i>Хороша повелительница российской империи, не может запомнить, какие карты вышли, а какие нет!</i></p> <p><i>На портретах-то её Минервой рисуют, Афиной Палладой, а сама как есть бабушка старая.</i></p>

Европы (Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I: Ч.1).

Семирамида высунула язык, и все с интересом на него воззрились.

Матушка хоть и великая царица, а тоже баба. (Внеклассное чтение)

Непроцессуальные характеристики Екатерины (внешность, система ценностей, интеллектуальные качества, черты характера) в романах Р.М. Зотова представлены лексемами с положительными коннотациями, хотя и крайне схематично: *величественная красота* (единственная характеристика внешности); *мудрая; умнейшая* (характеристика интеллектуальных качеств); *благосклонность; добрейшая; любезнейшая; милость; величие; заботливая; милостивая* (душевные качества); *добро; счастье* (система ценностей).

У Б. Акунина, как уже было отмечено, непроцессуальные характеристики представлены более полно и разнообразно. Для описания внешности автор использует стилистически окрашенную (разговорно-просторечную) лексику, слова отрицательно-оценочной семантики, уничижительные сравнения, из-за чего образ оказывается сниженным. Ср.: *поросычьи щеки; противная складка; волосатая бородавка; жирная рука; ступня выпирала из туфельки, как разбухшее тесто из чугунка; подбородок висел складками; щёки пухлые, словно две подушки*. Постоянно подчёркивается преклонный возраст императрицы, причём для этого также используется стилистически сниженная лексика: *старуха, бабка*.

Система ценностей Екатерины, как это было отмечено в специальном параграфе, состоит целиком из развлечений: карты, шахматы, потехи с уродцами, молодые фавориты и т.д. Душевные качества императрицы проявляются как добродушие и непривередливость (в кушаньях).

Процессуальные характеристики в текстах Р.М. Зотова, хоть и являются крайне схематичными, всё же показывают Екатерину II как активного деятеля, правителя, который заботится о благе подданных. Императрица в изображении Р.М. Зотова способна *распространять* свою волю; *награждать, направлять, одушевлять, ободрять* подданных, *вести переписку*.

Б. Акунин же характеризует только манеру общения императрицы с различными персонажами и в различных обстоятельствах. Практически вся «деятельность» Екатерины в изображении Б. Акунина сводится к разговорам и сопровождающим их невербальным действиям: *ласково выговаривала императрица; с лукавой улыбкой шепнула; сердито шлёпнула прекрасную даму веером по руке* и т.д.

Оба писателя характеризуют Екатерину и через слова автора, и через слова других персонажей, и через её собственные слова.

Таким образом, Екатерина в изображении Р.М. Зотова – это образ возвышенный, величественный, хотя и весьма скупо описанный. Эти же особенности – схематизм изображения и идеализация образа – как было показано в ходе изложения, свойственны Р.М. Зотову и при описании других исторических личностей. Очевидно, в этом Р.М. Зотов соответствует традициям своей эпохи, когда «у большинства романистов историческое прошлое выступало как нечто более привлекательное, чем настоящее, поэтому оно идеализировалось и романтизировалось» (Ляпина 2015 URL).

Екатерина в изображении Б. Акунина описана с акцентом на малопривлекательные особенности внешности и показана как совершенно «пустой» персонаж – она только сидит, ест, пьёт, развлекается и разговаривает с придворными. Образ Екатерины у Б. Акунина, несомненно, является сниженным, искажённым в традициях поэтики постмодернизма.

Выводы по Главе IV

Целью Главы IV было комплексное сопоставление системы языковых средств, создания образов исторических деятелей в романах Р.М. Зотова и Б. Акунина. Было установлено, что в произведениях обоих авторов по количеству контекстов преобладают процессуальные характеристики, но тематически более детально представлены непроцессуальные характеристики.

При создании образов исторических личностей наиболее важными, базовыми оказываются следующие 4 вида характеристик: из процессуальных – «речевое поведение, манера общения» и «фактическое осуществление деятельности», из непроцессуальных – «интеллектуальные качества» и «черты характера, душевные качества».

Специальное сопоставление образов Наполеона, Кутузова и Екатерины II в произведениях обоих авторов показало, что образы Наполеона и Кутузова являются достаточно узнаваемыми и в целом соотносительными друг с другом: оба писателя используют сходные лексические единицы, но вводят их в контексты различной стилистической окрашенности в соответствии со своим общим замыслом: представить возвышенный или сниженный, искажённый образ исторического деятеля. Образ же Екатерины II у двух писателей можно соотнести лишь по некоторым совпадающим единицам номинации. В выборе языковых средств для создания непроцессуальных и процессуальных характеристик образа Екатерины писатели руководствуются совершенно разными установками.

В целом можно сделать вывод о том, что исторические личности в изображении Р.М. Зотова получают лексически более схематичные и стилистически более возвышенные характеристики, чем персонажи Бориса Акунина, который активно использует воздействующий потенциал «говорящей детали» и разнообразные способы снижения образов исторических личностей.

Представим общее соотношение языковых средств создания образов исторических личностей в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина в виде таблицы 21. В левой части таблицы обобщаются данные из таблиц 9 и 18, касающиеся распределения положительных и отрицательных характеристик персонажей по субъектам речи (речь автора, речь других персонажей, автохарактеристика персонажа). В правой части таблицы обобщаются типичные для каждого из авторов языковые средства и приёмы создания образов.

Соотношение языковых средств создания образов исторических личностей в романах Р.М. Зотова и Б. Акунина

Персонаж	Положительные и отрицательные характеристики		Типичные языковые средства	
	В изображении Р.М. Зотова	В изображении Б. Акунина	В изображении Р.М. Зотова	В изображении Б. Акунина
Александр I	+++		Лексические единицы как правило, выражающие положительную оценку и стилистически возвышенные, употребляемые в прямом значении и прямо называющие качество или действие: <i>великий гений, мудрец, добрейшая государыня; смело атаковал, был сильно огорчён, вела переписку, делала добро.</i>	Стилистически сниженные лексические единицы или единицы с положительной окрасченностью, употребляемые в ироническом контексте; развёрнутые сравнения и метафоры, характеризующие детали: <i>Богородица была вся такая: толстая, раздутая, будто едва втиснувшаяся в платье.</i>
Мария Фёдоровна	++			
Царевна Софья	+/-			
А.В. Суворов	++/-			
Наполеон	+++/-	-- -/++		
М.И. Кутузов	+	-- -/++		
Екатерина II	+++	-- -/++		
Василий Шуйский		-- -/++		
Борис Годунов		-- -/++		
Марина Мнишек		-- -/++		
Николай II		-- -/+++		

Как видно из таблицы, исторические персонажи Р.М. Зотова получают преимущественно положительные характеристики (в три раза чаще, чем отрицательные), которые автор выражает прямо и однозначно. Образы исторических личностей в романах Р.М. Зотова можно сравнить с их «парадными портретами». Исторические персонажи Б. Акунина описываются более сложно, противоречиво, но в целом с преобладанием отрицательных характеристик (в приблизительном соотношении «минусов» и «плюсов» 18 : 14). Кроме того, положительные характеристики персонажей в романах Б. Акунина можно отнести к таковым лишь условно, поскольку в контексте они часто получают ироническое звучание, из-за чего превращаются в свою противоположность, а образ исторической личности в произведениях Б. Акунина превращается в шарж.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью проведённого исследования было выявление системы языковых средств, используемых авторами историко-беллетристических романов Р.М. Зотовым и Б. Акуниным для создания образов исторических личностей, и определение закономерностей употребления языковых средств каждым из писателей.

В ходе исследования мы выдвинули ту гипотезу, что образ исторической личности в изображении разных беллетристов строится на сходной совокупности базовых характеристик и выборе таких единиц номинации, которые позволяют читателю идентифицировать персонаж как ту или иную историческую личность; различия в авторских интерпретациях образа той или иной исторической личности основываются на различии принципов отбора и комбинации языковых средств для описания непроцессуальных и процессуальных характеристик исторической личности в соответствии с замыслом автора, его писательской стратегией и особенностями идиостиля.

В качестве методологической основы для описания образа человека/персонажа мы избрали подход, разработанный в трудах кировских лингвистов: С.В. Черновой (и её учеников О.В. Закировой, И.А. Игнатова, Н.Г. Наумовой), Л.В. Калининой, Т.В. Петрусь и др. Данный подход позволяет охватить максимально широкий круг характеристик по сравнению с другими известными методиками описания человека по данным языка. В соответствии с ним образ человека рассматривается как «совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных *непроцессуальных* (внешность, одежда, социальное происхождение, система ценностей, пристрастия, желания и т.д.) и *процессуальных* (деятельность, модель поведения, образ жизни) характеристик реального человека или литературного персонажа, формирующихся в сознании другого лица (группы

лиц, поколения и т.д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах» (Чернова 2014, с. 190).

При анализе языковых средств создания образов исторических личностей мы осуществляли необходимую последовательность действий:

- распределение всех контекстов, в которых упоминается данный персонаж, на содержащие непроцессуальные и процессуальные характеристики с одновременным выявлением средств номинации персонажа;

- анализ языковых средств создания образа персонажа с лексико-семантической, грамматической и стилистической точек зрения;

- выделение контекстов, содержащих характеристику персонажа а) в словах автора; б) в словах другого персонажа; в) в собственных словах персонажа;

- обобщение сделанных наблюдений в виде списков слов, таблиц и схем, экспликация важнейших аспектов образа персонажа.

На основе анализа языкового материала (1215 контекстов, извлечённых из произведений Р.М. Зотова (578 контекстов) и Б. Акунина (637 контекстов)), мы пришли к следующим основным выводам.

Образ исторической личности в историко-беллетристическом произведении может рассматриваться как «модель» исторической личности. В рамках этой модели могут быть выявлены характеристики различной степени важности: базовые, наиболее значимые для раскрытия сущности образа, и второстепенные, служащие «площадкой» для реализации авторского вымысла и авторской интерпретации образа исторической личности.

Как показал анализ языковых средств создания образов 14 исторических личностей в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина, среди непроцессуальных характеристик к базовым относятся «интеллектуальные качества» (характеристика отмечена у 11 персонажей из 14) и «черты характера, душевные качества» (11 из 14); из процессуальных –

«особенности речевого поведения» (12 из 14) и «способы фактического осуществления деятельности» (11 из 14).

Остальные признаки образов исторических личностей (внешность, атрибуты, система ценностей, образ жизни и др.) носят факультативный и/или интерпретационный характер и позволяют автору создавать свою «модель» исторической личности.

Реже всего в создании образа исторической личности в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина используются такие характеристики, как «жизненный путь» (отмечена у 1 персонажа из 14), «голос» (2 из 14), «запах» (2 из 14), «возраст» (4 из 14), «верификация» (4 из 14).

В целом образы исторических личностей в произведениях Р.М. Зотова и Б. Акунина строятся на тематическом преобладании непроцессуальных (не связанных с деятельностью) характеристик и вербальном преобладании процессуальных (связанных с деятельностью) характеристик. Под тематическим преобладанием непроцессуальных характеристик понимается их большая детализация, рубрикация (что наблюдается для 9 персонажей из 14 и наглядно показано в Приложениях 1–14). В то же время на выражение процессуальных характеристик приходится большее количество лексического материала, большее количество характеризующих контекстов (что показано в Таблице 19).

Если говорить о конкретных различиях в выборе языковых средств Р.М. Зотовым и Б. Акуниным, то в произведениях современного автора Бориса Акунина образы исторических личностей наделены большим количеством разнообразных характеризующих деталей, чем в произведениях автора XIX века Р.М. Зотова (в 1,6 раза). При этом Р.М. Зотов как повествователь находится от своих персонажей на меньшей временной дистанции и даже является современником некоторых из них (Наполеона, Александра I, Кутузова). Можно было бы ожидать, что Р.М. Зотов как свидетель эпохи даст её более подробное описание, однако это не так – образы исторических личностей, созданные Р.М. Зотовым, в большинстве

своём предельно схематичны. Очевидно, это объясняется не только различием идиостилей двух авторов, но и тем фактом, что временная дистанция между писателем и его персонажами даёт писателю большую свободу в оценке исторических деятелей прошлого и в интерпретации исторических фактов.

Общим в произведениях обоих писателей является то, что характеристика исторической личности чаще всего даётся в словах автора, реже всего – в прямой речи самого персонажа. Это можно объяснить тем, что повествование в рассмотренных романах ведётся не от имени исторической личности, и поэтому историческая личность редко выступает субъектом речи и высказывает оценку собственных действий.

Различия между двумя писателями заключаются в принципах отбора и организации языковых средств при описании исторической личности.

Исторические личности в произведениях Р.М. Зотова изображаются, как правило, схематично и идеализируются, о чём свидетельствует использование для их характеристики лаконичных, прямых, стилистически возвышенных и мелиоративных языковых средств, ср.: *величественная красота; мудрая законодательница; заботливая императрица; истинная владычица сердец полувселенной* (Екатерина II); *образец красоты, ума и любезности; истинный христианин; великодушный государь; ангельская душа* (Александр I); *образец всех земных добродетелей; самое доброе и великодушное сердце; могла считаться первою красавицею в Европе* (Мария Фёдоровна); *первый полководец своего века; великий гений; необыкновенный человек; грозный повелитель исполинских сил* (Наполеон); *гений; великий полководец; мудрый вождь* (Кутузов) и др. Даже царица Софья, чья «преступная деятельность» по захвату самодержавия осуждается автором, описывается как *соцарственная правительница государства; милостивая государыня*. Некоторым исключением выглядит описание А.В. Суворова с помощью лексических единиц *чудак, старичок-оригинал, старый хрыч*, но и

эти номинации компенсируются одновременным обозначением Суворова возвышенными лексемами *герой, полководец, воин, гений* и др.

Исторические личности в романах Бориса Акунина изображаются преимущественно в сниженном и ироническом ключе, о чём говорит использование разнообразных по форме языковых средств пейоративной окрашенности при подчёркивании в образе персонажа отдельных характеризующих деталей, нередко натуралистических. Ср.: *жирная старуха; августейшая бабка; грузное тело* (Екатерина II); *пухлый человечек; одутловатая физиономия; толстячок; внешность булочника* (Наполеон); *запльвишие глазки; лицо опухшее; животастый; обдав запахом чеснока и пота* (Борис Годунов); *выпирающее брюхо; длинный нос; мокрогolosый* (Василий Шуйский) и т.д.

Кроме того, Борис Акунин чаще и разнообразнее использует в создании образов исторических личностей потенциал сравнений, метафор, фразеологических оборотов, синтаксических конструкций и других приёмов, помогающих писателю добиться нужного впечатления от персонажа без его прямой характеристики. В частности, в образе Василия Шуйского всячески подчёркивается его хищническая натура (*лисья морда, хитрый лис, змей*) и готовность «сожрать» любого, кто ему помешает (ср. большое количество подробностей о поведении Шуйского во время приёма пищи и его самохарактеристику: *Шуйский на своём веку всякое перевидал. **Зубы об его обломаете***). В описании Бориса Годунова все языковые средства работают на создание крайней противоречивости образа (*одет наполовину по-русски, наполовину по-немецки; голос звонкий и «молодой», но сам Годунов говорит сипло, хрипло, дрогнувшим голосом* и т.д.). Противоречивость поведения персонажа подчёркивается и на синтаксическом уровне – с помощью использования противительных конструкций с союзами *а, но, ср.*, напр.: *Из Кремля царь примчался в один миг, а идти смотреть на отрока почему-то не спешил.*

Различный подход Р.М. Зотова и Б. Акунина к созданию образов исторических личностей особенно ярко проявляется при сопоставлении образов, встречающихся у обоих писателей: Наполеона, Кутузова и Екатерины II. Если образы Наполеона и Кутузова, созданные Р.М. Зотовым и Б. Акуниным, являются в целом соотносительными друг с другом (благодаря совпадению не только единиц номинации, но и базовых характеристик), то образ Екатерины II у двух писателей можно соотнести лишь по некоторым единицам номинации, в основном именам собственным.

Отмеченные различия в принципах отбора языковых средств для изображения исторической личности можно объяснить культурно-историческими причинами: принадлежностью рассматриваемых авторов к разным историческим эпохам (XIX и рубеж XX–XXI века) с различным общественным строем и господствующим мировоззрением; к разным литературным направлениям (влияние романтизма в XIX веке и постмодернизма на рубеже XX–XXI веков), разным периодам становления исторической беллетристики и коммерческой писательской стратегии (зарождение данного типа стратегии в XIX веке и её «расцвет» к XXI веку).

Анализ языковых средств создания образов исторических личностей Р.М. Зотовым и Б. Акуниным подтверждает справедливость выдвинутой в работе гипотезы.

Перспективу исследования может составить обращение к произведениям других писателей, создающих образы исторических личностей, и характеристика этих образов в соответствии с применённым в работе подходом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акимова Н.Н. Ф.В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2003. – 42 с.
2. Амирханян В.В., Кудряшов И.А. Образ персонажа в аспекте семантической структуры целостного художественного текста. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/kudryashov-amirhanyan.html> (дата обращения 30.04.2017).
3. Андреев С.Н. Соотношение локусов в романе «Евгений Онегин»: квантитативный анализ индивидуального стиля // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 464–467.
4. Анохина С.В. Лексико-фразеологические средства номинации человека как способ речевой характеристики персонажей (на материале произведений И.А. Бунина) // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17–19 марта 2006 г. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С.171–174.
5. Антропова Н.В. Модель мира в философских текстах Вл. Соловьёва // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы международной научной конференции. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. – С. 8–11.
6. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. – С. 37–67.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Батаева Е. Языковые средства экспликации системы ценностей главного героя повести М. Булгакова «Собачье сердце» // Семантика.

Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. – Киров: Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – С. 23–27.

9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // М.М. Бахтин. Собрание сочинений: В 7 т. Т.2. – М., 2000. – 798 с.

10. Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т.6. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.

11. Белинский В.Г. Шапка юродивого, или Трилиственник. Исторический роман из времен Елисаветы и Екатерины. Соч. Зотова. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_2630.shtml (дата обращения 08.05.2017).

12. Беляев Д. Как Акунин фальсифицирует историю в «Истории Российского государства». URL: <https://nstarikov.ru/club/34663> (дата обращения 09.05.2017).

13. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 310 с.

14. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. – 384 с.

15. Болотнова Н.С. Специфика прозаического текста и вопросы регулятивности // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Бакланова Е.А. и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. – С. 326–330.

16. Болотская М.П., Цветкова М.В. Языковые средства создания трагического как эмоциональной составляющей художественного произведения // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Всероссийской научной конференции. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – С. 19–24.

17. Борев Ю.Б. Эстетика. – М.: Политиздат, 1988. – 496 с.

18. Борисова М.Б. Голос автора и голос героя в драматургическом тексте // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сборник статей в честь профессора С.Г. Ильенко. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. – С. 248–258.

19. Валькова Е.А. Средства номинации представителей денотативного класса *высший свет* в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 42–49.

20. Вильская Т.Е. Анализ текстовой модели мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Материалы Международной научной конференции. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. – С. 139–140.

21. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 366 с.

22. Винокур Г.О. О языке исторического романа // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 407–430.

23. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. – С. 64–72.

24. Вострикова Т.И. Языковая личность как объект исследования антропоцентрической лингвистики и педагогической риторики // Лингвистика и её место в междисциплинарном научном пространстве: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 152–155.

25. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.

26. Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 22 с.

27. Герасименко Н.А. Характеристика персонажа по родству в романе «Зелёный шатер» как особенность идиостиля Людмилы Улицкой // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 68–71.
28. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Советский писатель, 1971.
29. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979.
30. Гордеева М.Н. Речевой портрет и способы его описания. URL: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=101> (дата обращения 02.05.2017).
31. Давлетова Т.А. Персонаж художественного произведения как языковая личность // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. – С. 11–14.
32. Дубах Т.М. Речевой портрет персонажей малой прозы А. Шницлера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2 ч. Ч. II. – С. 61–64.
33. Жачемукова Б. М., Бешукова Ф. Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana> (дата обращения: 30.03.2016).
34. Жданович М.А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном диалоге: на материале современной англоязычной прозы и драматургии: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2009. – 195 с.
35. Жигулина Н.А. Два языка, два мира главных героинь в повести А. Грина «Алые паруса» // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 165–167.

36. Завгородняя Г.Ю. Стилизация и стиль в русской классической прозе: монография. – М.: ООО ИПК «Литера», 2010. – 276 с.

37. Зайцева Е.Н., Дзюба Е.М. Образ слуги в прозе Г. Сенкевича: персонаж и архетип (на примере новеллы «Старый слуга» 1875 г) // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых учёных. – Н. Новгород: Мининский университет, 2014. – С. 77–83.

38. Зайцева И.П. Языковая личность «нового русского» в художественном осмыслении современных драматургов // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С. 80–90.

39. Залогина Е.М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты: на материале романа «Бесы» и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 180 с.

40. Закирова О.В. Качественные прилагательные как средство портретной характеристики Наташи Ростовой // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2001. – С. 124–127.

41. Закирова О.В. Образ как объект изучения различных наук // Актуальные проблемы современной филологии. Языкознание: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. – Киров, 2003. – С. 99–102.

42. Закирова О.В. Качественные прилагательные как средство сравнительной характеристики Наташи Ростовой и Элен Безуховой // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – С. 21–25.

43. Закирова О.В. Особенности использования качественных прилагательных, описывающих физические характеристики и физиологические состояния персонажей (на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир») // Актуальные проблемы современной филологии. К юбилею

Александра Грина. Языкознание: сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 73–77.

44. Закирова О.В. Литературный персонаж: языковой аспект характеристики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Выпуск № 39. Том 15. – СПб: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2007а. – С. 102–105.

45. Закирова О.В. Качественные прилагательные как средство создания образа Наполеона // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007б. – С. 170–173.

46. Звукова Е.Д. Концепт-фрейм «Женщина» в русской языковой картине мира (на примере произведений русской литературы XX–XXI веков) // Эмоциональное и рациональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 292–295.

47. Иванова В.В. Имена прилагательные в русских былинах как средство создания идеального образа богатыря // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – С. 46–50.

48. Игнатов И.А. Личность: лингвистический анализ (семантика и функционирование слова личность в русском языке; человек как носитель личностных характеристик и его отображение в художественном тексте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киров, 2013а. – 26 с.

49. Игнатов И.А. Процессуальные характеристики Обломова: жизненный путь персонажа, цели и мотивы деятельности // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. – Киров: Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013б. – С. 15–23.

50. Игнатов И.А. Идиостиль Обломова (к вопросу о реконструкции образа человека) // Проблемы современной русской словесности: сборник

научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции к 100-летию ВятГГУ 3–4 октября 2014 года. – Киров, 2014. – С. 24–33.

51. Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. – 204 с.

52. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул / Перевод с англ. Е.М. Лазаревой // Новое литературное обозрение, 1996. № 22. – С. 33–64.
URL: <https://www.metodolog.ru/00438/00438.html> (дата обращения: 30.03.2016)

53. Казаков В.П. Инфинитивные предложения во внутренней речи персонажа (на материале романа Е.С. Чижовой «Планета грибов» // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 559–564.

54. Калинина Л.В. Образ современного человека в языке произведений А. Слаповского (на материале сборника «Мы») // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе: сборник статей по материалам Международного литературно-образовательного форума. – Киров, Изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 176–181.

55. Калинина Л.В. Языковые средства создания образа харизматической личности (на примере образа А.Д. Меншикова в исторической и художественной литературе) // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. – С. 15–27.

56. Канафьева А.В. Образно-характеризующий творительный (на примере текстов А.П. Чехова) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 130–133.

57. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 24–45.
58. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
59. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. – С. 78–82.
60. Караулов Ю.Н. Языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
61. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
62. Кашина Н.В. Человек в творчестве Ф.М. Достоевского. – М.: Художественная литература, 1986. – 316 с.
63. Киселёва Е.В., Ильченко Н.М. Образ «белой женщины» и способы его художественного создания в творчестве русских романтиков // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых учёных. – Н. Новгород: Мининский университет, 2014. – С. 122–128.
64. Киселёва И.А., Поташова К.А. Шляпа как деталь костюма и средство характеристики персонажа в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 137–146.
65. Ковалёва И.Б. Шукшинская «окулесика»: лексема *глаза* и визуальное поведение героев // Лингвистика и её место в междисциплинарном научном пространстве: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 192–198.

66. Ковина Т.П. Предикат как средство авторской характеристики образа Лаврецкого // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения: межвузовский сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2004. – С. 157–161.

67. Козленко П.В., Маркелова Т.В. Антитеза как средство выражения динамики личности персонажей Ф.М. Достоевского // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное: Межвузовский сборник научных трудов, посвящённый 75-летию П.А. Леканта. – М.: МГОУ, 2007. – С. 332–336.

68. Колесникова Л.Н. Языковая личность в аспекте диалога культур. – Орёл: Орловский государственный университет, 2001. – 287 с.

69. Колокольцева Т.Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2 (97). 2015. – С. 88–93.

70. Копнина Г.А., Сквородников А.П. Чичиков как манипулятивная языковая личность: к вопросу о коммуникативном подходе к анализу художественного текста // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всероссийской научной конференции, посвящённой 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета / Под редакцией проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2003. – С. 76–83.

71. Корюкина Е.С. Антитеза как способ систематизации образов в романе И.А. Гончарова «Обрыв» // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. – Киров: Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – С. 27–32.

72. Кравченко Ю.Д. Б. Акунин и роман «Ф.М.»: игра в Достоевского // Текст и языковая личность: Материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием / Под редакцией проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. – С. 165–170.

73. Красильникова Л.А. Звуковая характеристика речи Николая Турбина и окружающего его мира в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 156–164.

74. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.

75. Кувшинова Е.А. Функционирование глаголов с семантикой речевой деятельности в языке художественных произведений А.С. Пушкина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 167–171.

76. Куделина А.С. Речевой портрет лирического героя Е. Гришковца // Филология и литературоведение. Электронный научно-практический журнал. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/05/789> (дата обращения 28.04.2017).

77. Кузнецова Н.А. Образ учителя в языковой картине мира Л.Н. Толстого (на материале трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство: материалы международной научной конференции: в 2 ч. / под ред. проф. Н.А. Илюхиной. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2009. Ч.1. – С. 82–85.

78. Куксина А.Е. Стилизация историко-культурных событий XVIII века в языке прозы Ю.М. Нагибина (на примере новеллы «Остров любви» из цикла «Вечные спутники») // Диалог культур – культура диалога: материалы международной научно-практической конференции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – С. 188–195.

79. Куликова Г.С., Полищук Г.Г. Звучащая речь в художественном тексте // Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию М.В. Панова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 342–349.

80. Кульпина В.Г. Психолингвистический анализ в реконструкции восприятия исторических личностей (имена, вторичные имена, прозвища Наполеона в России и в Польше // Мир психологии. – 2002. – №3 (31). – С. 176–191.

81. Лаврова Н.Н. Речевой портрет учёного // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 90-летию профессора Б.Н. Головина. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2006. – С.231–233.

82. Лазарева Т.С. Литературные стратегии современных писателей (В. Строгальщиков, М. Немиров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 22 с.

83. Леонтьев А.А. Лексическая структура персонажа в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции. – М.: Изд-во «СпортАкадемПресс», 1999. – С. 231–240.

84. Лобин А.М. История и революция в творчестве Б. Акунина (на материале цикла романов «Приключения Эраста Фандорина») // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 148–154.

85. Лошаков А.Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография. – Архангельск: Поморский университет, 2007. – 344 с.

86. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Издательство «Ось-89», 2005. – 560 с.

87. Лыскова М.И. Влияние художественной литературы на формирование массового исторического сознания // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. – С. 2961–2965. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/53598.htm> (дата обращения 23.01.2017).

88. Ляпина С.М. Русский исторический роман XIX века в контексте культурного сознания // История: факты и смыслы, 2015. № 5. URL: <http://historic-journal.ru/2015/russkij-istoricheskij-roman-xix-veka-v-kontekste-kulturnogo-soznaniya/> (дата обращения 24.01.2017).

89. Ляпон М.В. Языковой портрет – психологический портрет (на материале прозы М.В. Цветаевой) // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции. – М.: Изд-во «СпортАкадемПресс», 1999. – С. 240–250.
90. Магаротто Л. Автор, повествователь и читатель в «Герое нашего времени» // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: «ИРЯ РАН», 1996. – С. 225–236.
91. Макеева С.О. Речевой портрет в круге смежных понятий. URL: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/11/1/apgrr_2014_3_14.pdf (дата обращения 07.05.2017).
92. Маркова Т.Н. Четыре кратких сюжета на тему «Авторские стратегии 2000-х». URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_markova.pdf (дата обращения 12.12.2016).
93. Мартыанова С.А. Персонаж в художественной литературе: учебное пособие. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. – 84 с.
94. Матвеева Е.В., Ма Т.Ю. Антитеза как способ языковой объективации образов персонажей в романе И. Шоу «Богач, бедняк» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 8 (62): в 2 ч. Ч. 1. – С. 132–135.
95. Мерзлова Е.А., Колупаева О.А. Эволюция личности и её отражение в языке (на примере героя романа «Война и мир» Андрея Болконского) // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 58–61.
96. Мерзлова Е.А., Симонова К.А. Глаголы, вводящие прямую речь, как отражение языковой личности автора и образа персонажа (на материале ранних рассказов М.А. Булгакова) // Проблемы современной русской словесности: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции к 100-летию ВятГГУ 3–4 октября 2014 года. – Киров, 2014. – С. 61–66.

97. Мешалкина Е.Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на материале англоязычной художественной литературы XVIII–XX веков): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 206 с.

98. Минибаева С.В. Текстовое представление эмоционального состояния лирической героини (на материале поэтических текстов) // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное: Межвузовский сборник научных трудов, посвящённый 75-летию П.А. Леканта. – М.: МГОУ, 2007. – С. 365–369.

99. Молчанова Н.С. Персонажные монологи и их лексическая структура (на материале романа Б. Пастернака «Доктор Живаго») // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всероссийской научной конференции, посвящённой 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2003. – С. 89–93.

100. Мухортов Д.С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль», «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей). URL: http://istina.msu.ru/media/publications/article/45c/520/6886840/2014-07-02_Muhortov_D.S._Ob_obschem_i_chastnom_v_ponyatiyah.pdf (дата обращения 07.05.2017).

101. Мягкова А.М. Номинации человека как способ отражения языковой картины мира // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 216–220.

102. Наумова Н.Г. Языковые средства, выражающие целенаправленность действий П.И. Чичикова // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе: сборник статей по материалам

Международного литературно-образовательного форума. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007а. – С. 186–189.

103. Наумова Н.Г. Изучение языка с целью познания его носителя в рамках антропоцентрической лингвистики // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007б. – С. 60–69.

104. Наумова Н.Г. Глаголы речевой деятельности как средство создания образа П.И. Чичикова (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» // Лингвистика и её место в междисциплинарном научном пространстве: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 201–205.

105. Наумова Н.Г. Языковые средства создания образа П.И. Чичикова (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»). – Киров: Издательство ВятГГУ, 2010. – 124 с.

106. Наумова Н.Г. Цели и ценностные ориентации П.И. Чичикова (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души») // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 43–47.

107. Нестеров М.Н. Историческая стилизация и языковая концептуализация личности в художественно-историческом жанре // Педагогическое образование и наука. 2010. № 10. – С. 106–107.

108. Никандрова Н.А. Ментальные глаголы, репрезентирующие персонаж в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 47–53.

109. Носова Н.А., Павлов С.Г. Аксиосфера идиолекта князя Мышкина (на материале слова *католицизм*) // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: Сборник статей по материалам Всероссийской

научной конференции молодых учёных. – Н. Новгород: Мининский университет, 2014. – С. 217–222.

110. Павлычева Е.Д. Характеристика особенностей понятия «речевой портрет» // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 6. – С. 110–115.

111. Палойко Л.В. Образ персонажа в оригинале и литературном продолжении англоязычного романа как объект филологического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2014. – 216 с.

112. Панищев А.Л. Языковое пространство понятий ‘личность’ и ‘человек’ в русской культуре и их значение для развития общества // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 90-летию профессора Б.Н. Головина. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2006. – С. 284–286.

113. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX веков. – М.: УРСС, 2007. – 456 с.

114. Петрусь Т.В., Барамзина Ю.В. Лингвистическая интерпретация образа литературного персонажа: тематические группы, процессуальные и непроцессуальные характеристики // Проблемы современной русской словесности: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции к 100-летию ВятГГУ 3–4 октября 2014 года. – Киров, 2014. – С. 33–41.

115. Пискунова Е. П. Французские эмигранты при дворе Екатерины II. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/frantsuzskie-emigranty-pri-dvore-ekateriny-ii> (дата обращения 25.08.2016).

116. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. – С. 69–77.

117. Попова Н.Б. Некоторые особенности художественной картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы международной научной конференции. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. – С. 138–139.

118. Ранчин А. Романы Б. Акунина и классическая традиция. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/ran14.html> (дата обращения 09.05.2017).

119. Родионова Н.А. Категория ретроспекции и портретная характеристика персонажа (на материале рассказа И. Бунина «Натали») // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Академии педагогических наук РСФСР Александра Николаевича Гвоздева. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. Часть II. – С. 136–138.

120. Россомахин А.А., Успенский В.М., Хрусталёв Д.Г. Его Величество Медведь. 400-летию дома Романовых посвящается // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №4. – С. 17–28.

121. Самотик Л.Г. Язык и жанр (на материале «Турецкого гамбита» Б. Акунина) // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: Материалы VIII Всероссийского научного семинара / под редакцией проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2006. – С. 135–139.

122. Сарин Лина. Борис Акунин: от печатных книг к сетевой словесности // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы: М-лы III науч.-практ. конф. / под ред. Я.В. Солдаткиной. – М.: МПГУ, 2017. С. 84–92.

123. Сафронова Л.В. Постмодернистский текст: поэтика манипуляции. – СПб.: ИД «Петрополис», 2009. – 212 с.

124. Снигирёва Т.А., Снигирёв А.В. Игровая модернизация исторического повествования («История Российского государства» Б. Акунина) // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2015. № 1. – С. 150–160.

125. Сомова М.В. Эпитет в инверсионном поле как средство выразительности в художественном тексте (на примере романов В. Пикуля) // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Всероссийской научной конференции. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – С. 206–209.

126. Сорочан А.Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2008. – 400 с.

127. Сорочан А.Ю. Лев Толстой – читатель исторической беллетристики // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. Выпуск 6. – С. 53–59.

128. Старикова К.М. Николай Коляда – образ-миф: от СМИ к автохарактеристике // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17–19 марта 2006 г. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С. 757–760.

129. Степаненкова Т.В. Концептуальная зона «Внутренние качества женщины» в паремиологическом фонде русского языка // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Всероссийской научной конференции. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – С. 212–214.

130. Степанова Е.В. «Северные элегии» К.Н. Батюшкова в русской литературе конца XVIII-начала XIX века. М.: МГОУ, 2007. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. URL: <http://cheloveknauka.com/severnye-elegii-k-n-batyushkova-v-russkoy-literature-kontsa-xviii-nachala-xix-veka> (дата обращения: 29.01.2016)

131. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблема его исследования // Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2000. – С.4–20.

132. Суржик Д.В. Историк и историческая беллетристика // Новое прошлое. The New Past. 2017. № 1. – С. 251–256.

133. Татарова А.В. Языковые средства создания образа персонажа в неоготической литературе // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сборник статей по материалам XXX международной студенческой научно-практической конференции. № 3 (30). Новосибирск: Изд-во «СибАК». – С. 87–96. URL: [http://sibac.info/archive/guman/3\(30\)/pdf](http://sibac.info/archive/guman/3(30)/pdf) (дата обращения 30.04.2017).

134. Титова Е.А., Ильченко Н.М. Образ «женщины-ангела» в картине мира русских романтиков // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых учёных. – Н. Новгород: Мининский университет, 2014. – С. 277–281.
135. Токмаков В. Первокласное бульварное чтение. Борис Акунин как зеркало российского масскульта. URL: http://www.lib-bez.ru/archive/zine_number1233/zine_critics1237/publication1260 (дата обращения 09.05.2017).
136. Томберг О.В. Модель изучения художественного образа в национальной поэтической лингвокультуре // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 2 (179). – С. 31–36.
137. Троицкий В.Ю. Стилизация // Слово и образ. Сборник статей. – М.: Просвещение, 1964. – С. 164–194.
138. Тусичишный А.П., Халикова Н.В. Образность русской классической прозы. – М.: Флинта, 2013. – 133 с.
139. Устинов А. «Обычный человек» как герой русского исторического романа 1830–1840-х годов. URL: <http://gefter.ru/archive/17321> (дата обращения 08.05.2017).
140. Ушакова Ю.Ю. Языковой портрет ребёнка в компаративных конструкциях // Актуальные проблемы современной филологии. Языкознание: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. – Киров, 2003. – С. 183–188.
141. Фадеева Т.М. Специфика эпитетов, определяющих объект *улыбка* в художественном тексте // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 299–302.
142. Фесенко Э.Я. Теория литературы. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2008. – 780 с.

143. Финк Ж. Какая на самом деле снежная королева? // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17–19 марта 2006 г. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С. 506–510.

144. Фрагмент русской языковой картины мира «Жизнь женщины»: коллективная монография / под ред. В.В. Леденёвой. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – 236 с.

145. Халикова Н.В. Категория образности художественного прозаического текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 43 с.

146. Хисамова Г.Г. Женский речевой портрет (на материале рассказов В.М. Шукшина) // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всероссийской научной конференции, посвящённой 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета / под редакцией проф. Н.С. Болотновой. – Томск, Издательство Томского государственного педагогического университета, 2003. – С. 109–112.

147. Хисамова Г.Г. Структурирование диалогического фрагмента в рассказах В.М. Шукшина // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики. Сборник статей Международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2006. – С. 364–367.

148. Хисамова Г.Г. Художественный текст как способ формирования билингвальной личности // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 677–681.

149. Цзян Чжиянь. Речевой портрет драматических персонажей А.П. Чехова с позиций носителя китайской лингвокультуры (на материале пьесы «Дядя Ваня»): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 220 с.

150. Чакина Э.А. Репрезентация концепта «Person/Personality» в английской научной картине мира // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 12. Часть 1. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – С. 282–288.

151. Чернов В.И. Голос персонажей романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филология: Международный сборник научных трудов (К 70-летию Александра Борисовича Пеньковского). – Владимир: ВГПУ, 1998. – С.198–204.

152. Чернова С.В., Калинина Л.В. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. №2 (2). – С. 8–14.

153. Чернова С.В. Слова типа *дурак, балбес, идиот...* как дающие оценку модели поведения человека // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17–19 марта 2006 г. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С. 368–372.

154. Чернова С.В. Деятельность: лингвистический анализ. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – 213 с.

155. Чернова С.В. Образ Александра I как императора и полководца (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир») // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. – Киров: Издательство ВятГГУ, 2010. – С. 85–98.

156. Чернова С.В. Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Международной конференции 5–7 октября 2011 г. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 9–24.

157. Чернова С.В. Образ жизни – образ человека (на материале рассказа Ю. Казакова «Нестор и Кир») // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. №3(1). – С. 115–121.

158. Чернова С.В. Женский образ как результат восприятия, памяти и воображения (на материале романа В. Набокова «Машенька») // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. – Киров: Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – С. 5–15.

159. Чернова С.В. Семантика слова *образ* в русском языке // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 12. Часть 2. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – С. 187–196.

160. Чернухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984. – 115 с.

161. Чурилина Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 240 с.

162. Щедрина Н.М. Когнитивный аспект в изображении исторического лица (на материале эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо») // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. – С. 102–107.

163. Шиповская А.А. Общие черты и национальная специфика категории «Человек», репрезентируемой англоязычным и русскоязычным сетевым жаргоном // Филология и культура: Материалы VI Международной научной конференции. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 243–245.

164. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

165. Юзифович В.А. Речевой портрет как структурный элемент очерка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 203 с.

Словари и справочники

166. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1994. – 502 с.

167. Большой толковый словарь русских существительных / под редакцией Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.

168. Гаврилова А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.
169. Лингвистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
170. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/> (дата обращения 11.02.2017).
171. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. ИНИОН РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 с.
172. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Эксмо, 2004. – 921 с.
173. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
174. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2005. – 740 с.
175. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2006.
176. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: РАН: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2011. – 1032 с.
177. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 6-ти т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: РАН ИРЯ, 1998–2007.
178. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
179. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

180. Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов н/Д: «Феникс», 2008. – 811 с.
181. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
182. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 1582 с.
183. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

Источники языкового материала

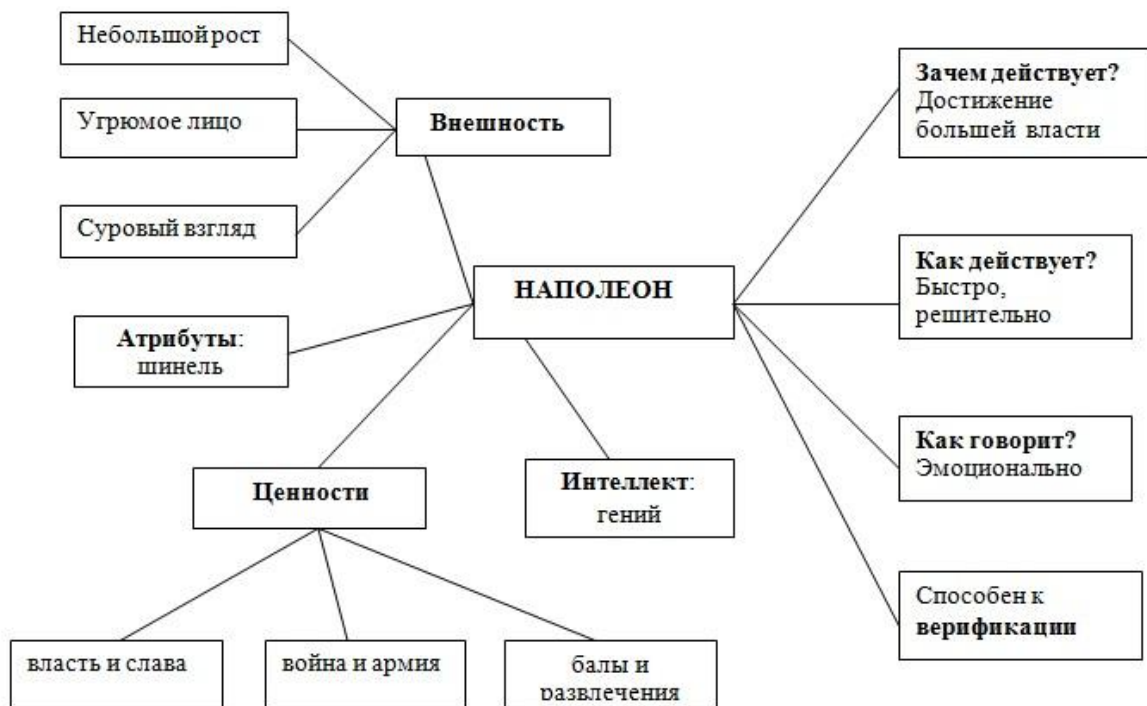
184. Акунин Б. Коронация, или Последний из романов. – М.: Захаров, 2001. – 397 с.
185. Акунин Б. Внеклассное чтение: Роман. Т. 1. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 384 с.
186. Акунин Б. Внеклассное чтение: Роман. Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 379 с.
187. Акунин Б. Квест. – М.: Издательство «АСТ», 2015. – 640 с.
188. Акунин Б. Детская книга для мальчиков. – М.: Издательство «АСТ», 2016. – 512 с.
189. Зотов Р.М. Два брата, или Москва в 1812 году. URL: http://az.lib.ru/z/zotow_r_m/text_0040.shtml (дата обращения 10.08.2016).
190. Три старинных романа: в 2 кн. Кн. 1. Зотов Р. М. Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона. М.: Современник, 1990. – 624 с.
191. Зотов, Р.М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Таинственные силы, или Некоторые черты из царствования императора Павла I; Два брата, или Москва в 1812 г.; Две сестры, или Смоленск в 1812 г. – М.: Терра, 1996. – 683 с.
192. Зотов Р.М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Военная история Российского государства. Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I. Ч. 1. М.: Терра, 1996. – 618 с.

193. Зотов Р.М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I. Ч. 2. Наполеон на острове Святой Елены. М.: Терра, 1996. – 576 с.

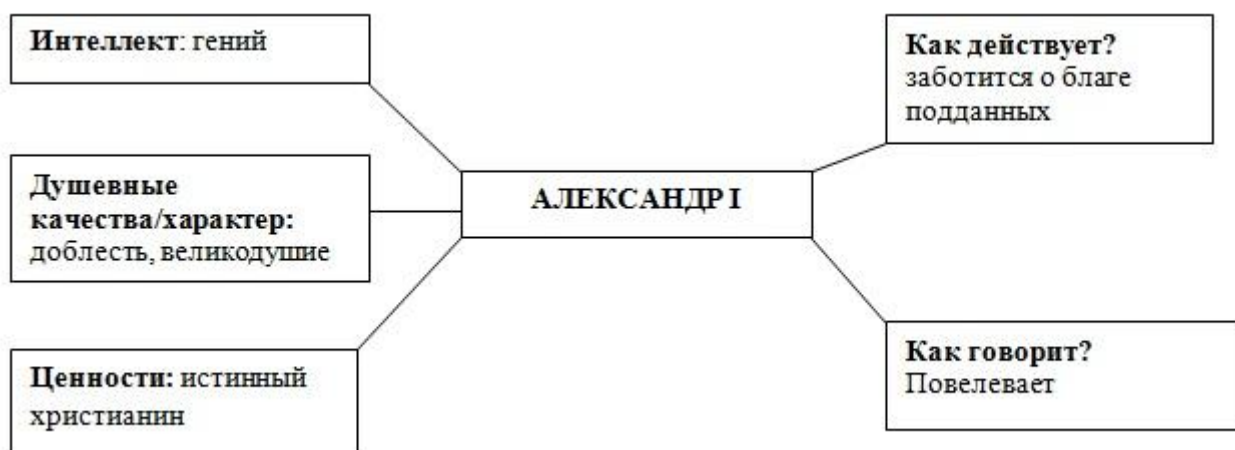
194. Зотов Р.М. Таинственный монах. URL: http://az.lib.ru/z/zotow_r_m/text_0030.shtml (дата обращения 03.07.2016).

ПРИЛОЖЕНИЕ. СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ Р.М. ЗОТОВА и Б. АКУНИНА

Приложение 1. Наполеон в изображении Р.М. Зотова

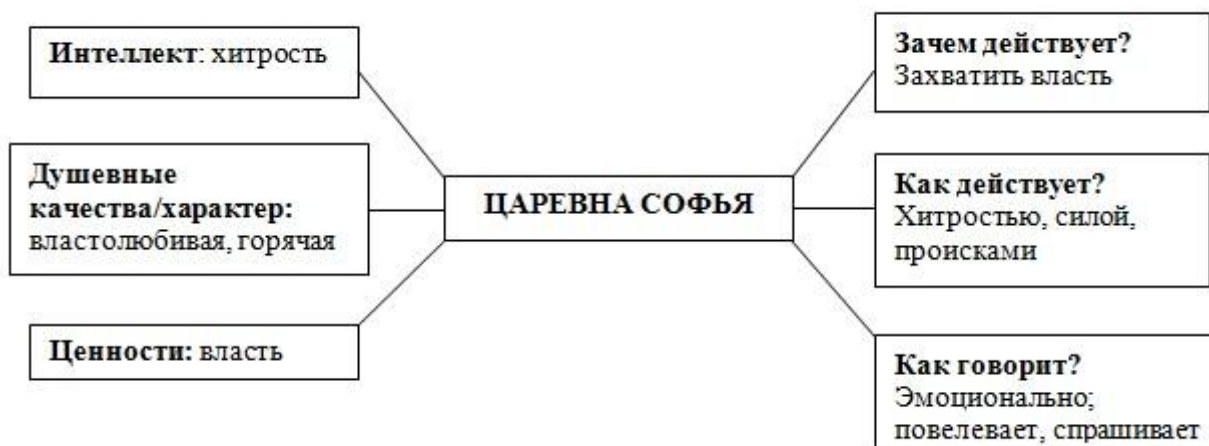
Приложение 2. Александр I в изображении Р.М. Зотова

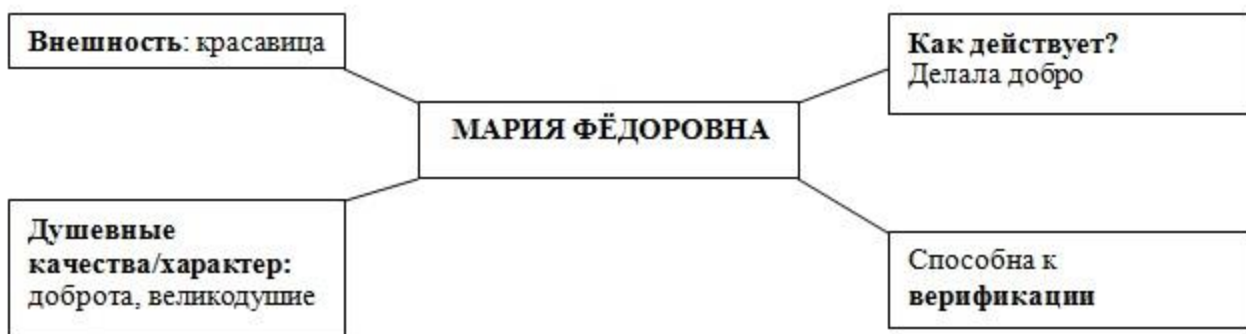
Приложение 3. Екатерина II в изображении Р.М. Зотова

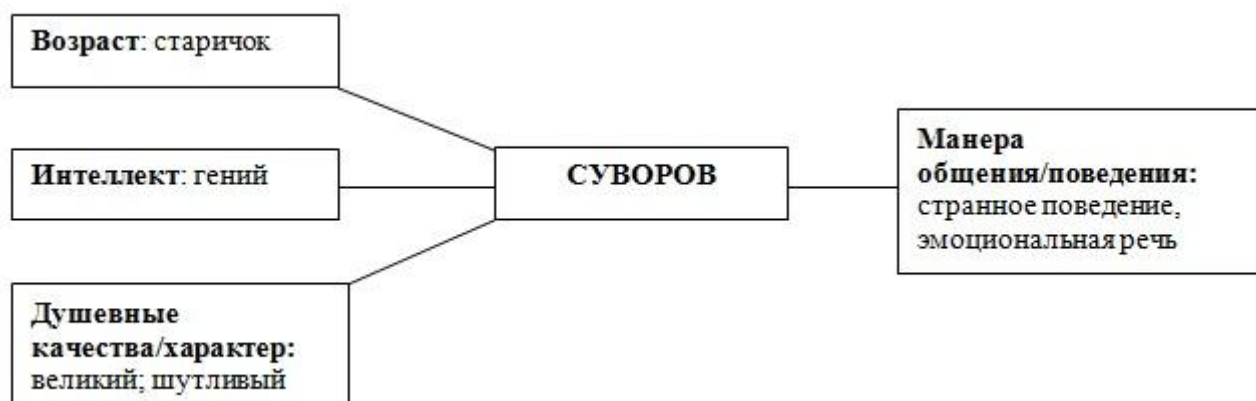
Приложение 4. Царевна Софья в изображении Р.М. Зотова

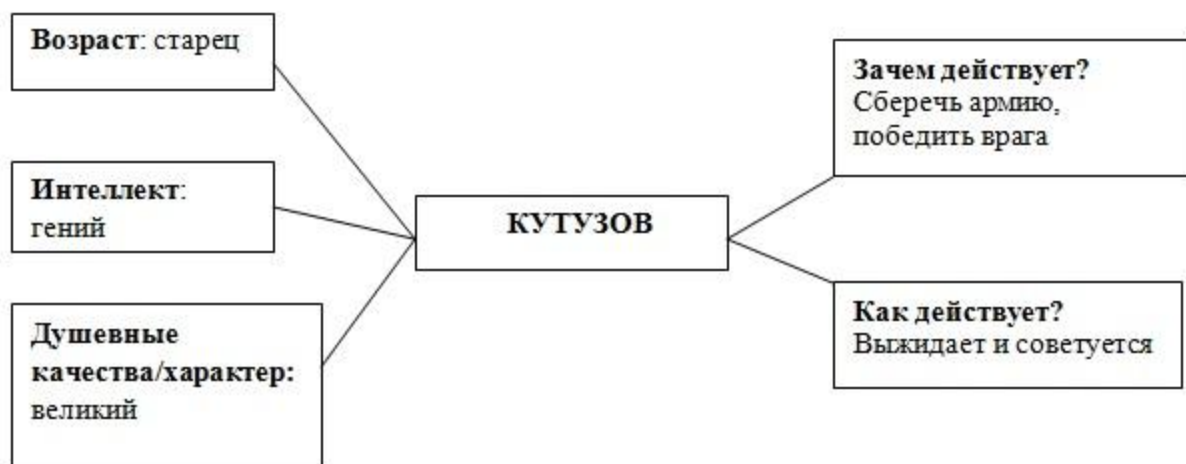
Приложение 5. Мария Фёдоровна в изображении Р.М. Зотова

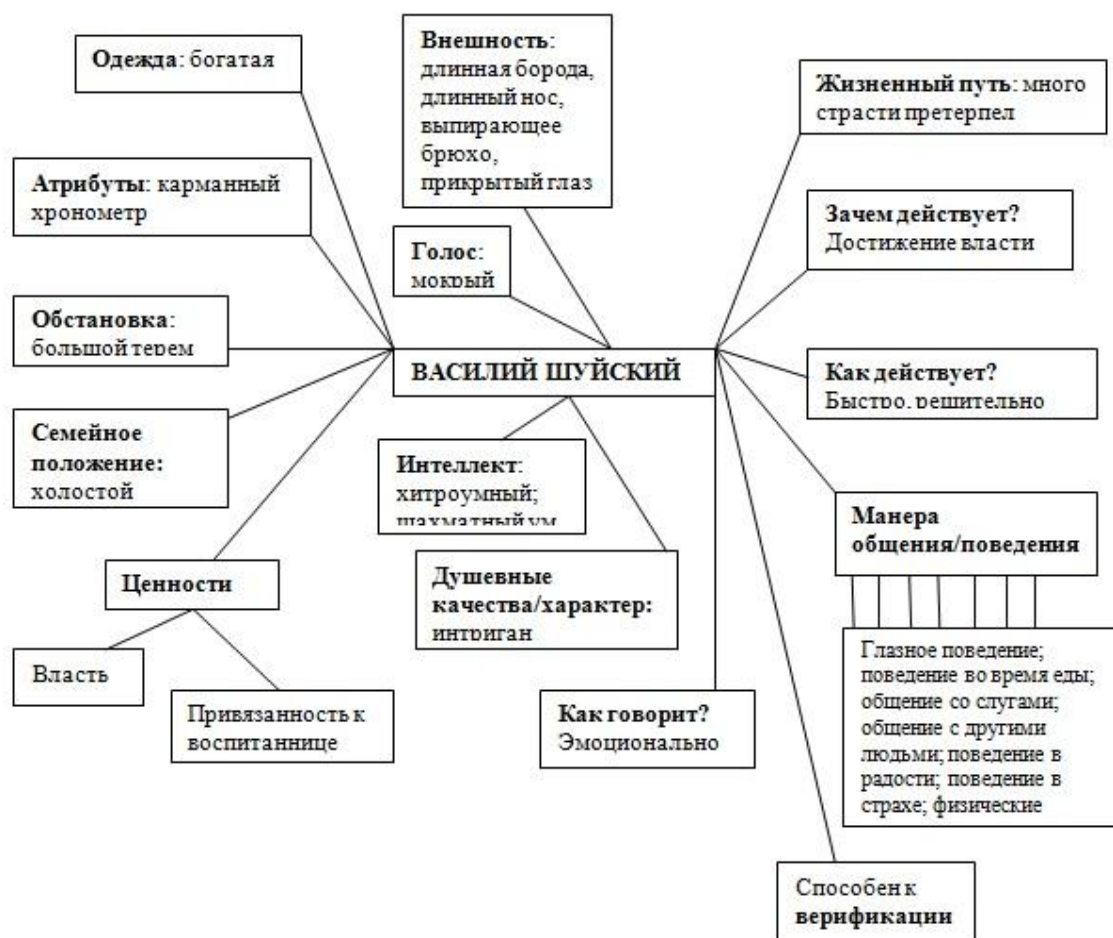
Приложение 6. А.В. Суворов в изображении Р.М. Зотова

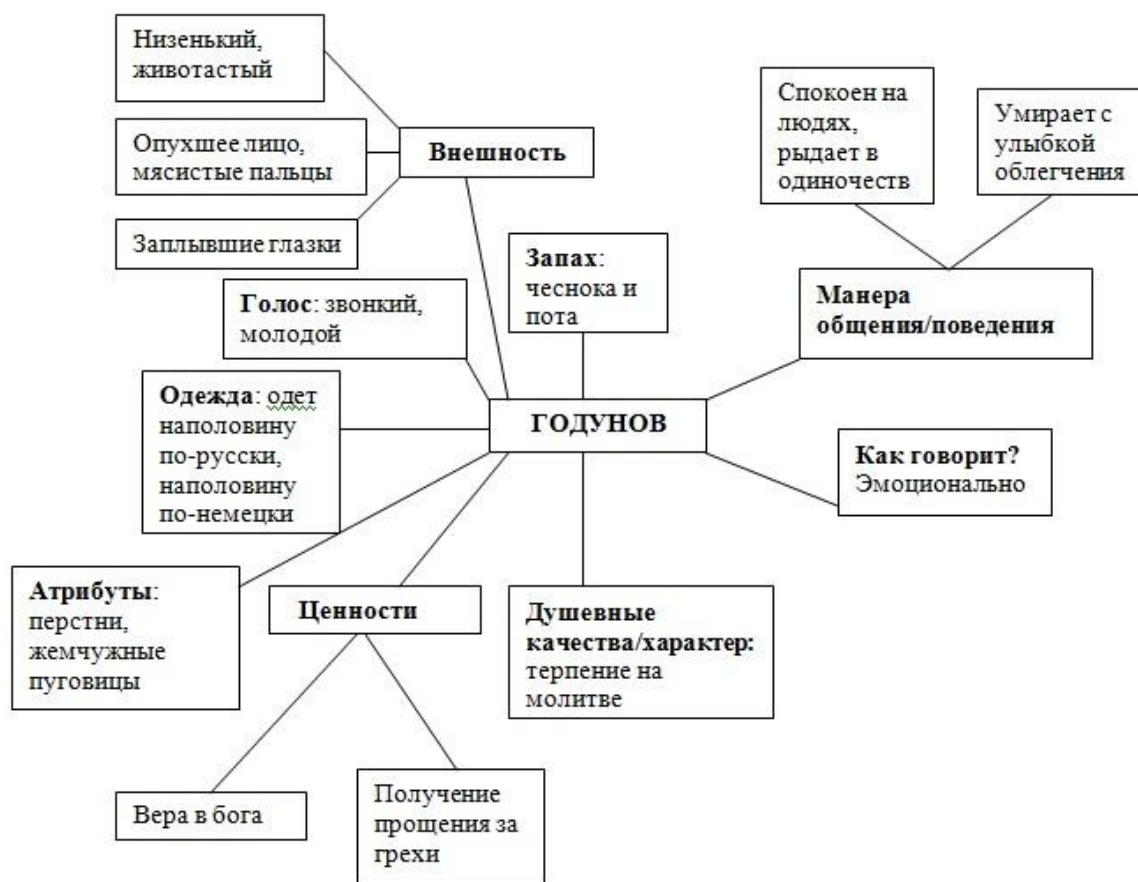
Приложение 7. М.И. Кутузов в изображении Р.М. Зотова

Приложение 8. Василий Шуйский в изображении Б. Акунина

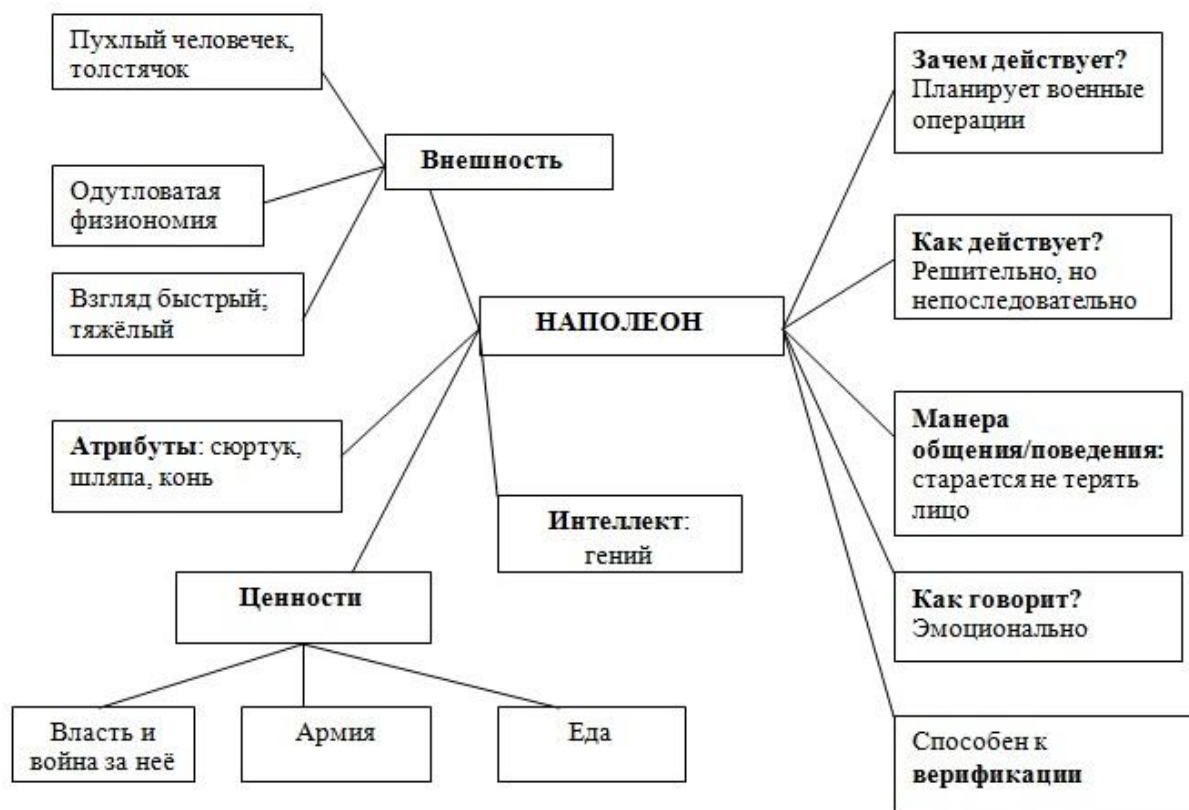
Приложение 9. Борис Годунов в изображении Б. Акунина

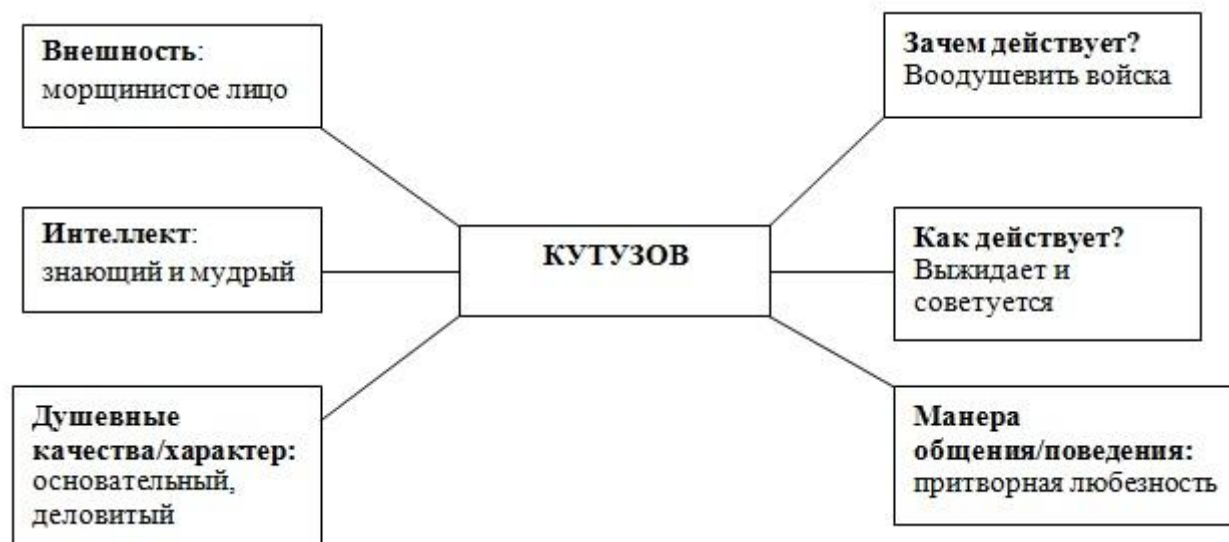
Приложение 10. Марина Мнишек в изображении Б. Акунина

Приложение 11. Наполеон в изображении Б. Акунина

Приложение 12. М.И. Кутузов в изображении Б. Акунина

Приложение 13. Екатерина II в изображении Б. Акунина

Приложение 14. Николай II в изображении Б. Акунина

